

М. Д. Курмачева ГОРОДА УРАЛА и ПОВОЛЖЬЯ

М. Д. Курмачева
**ГОРОДА УРАЛА
и
ПОВОЛЖЬЯ**
в крестьянской
войне
1773-1775 гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

М. Д. Курмачева

ГОРОДА УРАЛА
и
ПОВОЛЖЬЯ
в крестьянской
войне
1773-1775 гг.

МОСКВА "НАУКА" 1991

ББК 63.3(2)46

К93

Ответственный редактор

доктор исторических наук А.А.Преображенский

Рецензенты:

доктор исторических наук Н.Е.Бекмаханова,

доктор исторических наук Н.Ф.Демидова

Редактор издательства

Е.Д. Быдокимова

Курмачева М.Д.

К93 Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773-1775 гг. -

М.: Наука, 1991. - 232 с.

ISBN 5-02-008558-8

Монография является первым исследованием проблемы, связанной с участием разных слоев городского населения в крестьянской войне под предводительством Е.И.Пугачева. В ней освещается конкретный ход событий в городах Урала, Приуралья, Поволжья на всех трех этапах восстания, анализируется отношение к восстанию городских низов, а также торгово-промышленной верхушки города в лице купечества, раскрываются разнообразные формы их участия в движении. Изучение манифестов и указов Пугачева позволило автору проследить стремление предводителей восстания расширить и укрепить социальную базу антикрепостнического протеста, в том числе за счет привлечения на свою сторону жителей городов.

Для историков и всех интересующихся отечественной историей.

К 0503020200 - 149
042(02) - 91 74-91, I полугодие

ББК 63.3(2)46

ISBN 5-02-008558-8

©Издательство "Наука", 1991

ВВЕДЕНИЕ

Крестьянская война 1773–1775 гг. охватила огромную территорию России со значительным количеством городов, больших и малых, с неодинаковым уровнем торгово-промышленной деятельности и численности посадского населения. По-разному развивались социальные конфликты в городах в этот острый период классовой борьбы. Ряд городов Урала и Поволжья повстанцы захватили, установив в некоторых из них на непродолжительное время свое управление. Это Алатырь, Бирск, Бугульма, Верхний Ломов, Елабуга, Заинск, Камышин, Кокшайск, Красноуфимск, Курган, Курмыш, Наровчат, Нижний Ломов, Оса, Пенза, Петровск, Самара, Саранск, Сарапул, Саратов, Тиниск, Темников, Троицк, Чивильск, Челябинск и др.

Отбив атаки повстанцев, правительенная администрация при поддержке воинских сил удержала власть в своих руках в таких городах, как Екатеринбург, Кунгур, Оренбург, Царицын, Шадринск, Уфа, Яицкий городок и др.

Исследователи истории крестьянской войны 1773–1775 гг. обстоятельно изучили конкретный ход этого крупнейшего народного движения, его направленность и цели. В обобщающих трудах, локальных исследованиях, краеведческой литературе значительное место заняла разработка проблем, связанных с характером участия в борьбе крестьянства, работных людей, казачества – главных участников и основной движущей силы восстания.

Этого нельзя сказать в отношении разных категорий городского населения. Однако следует отметить, что довольно обстоятельно освещена в исторической литературе конкретная история похода повстанцев в направлении многих городов, находившихся в зоне восстания, ход борьбы за эти населенные пункты. И это закономерно, так как именно вокруг городов, являвшихся центрами враждебной правительенной власти, развернулись особенно напряженные столкновения восставших со своими противниками. Последовательно изучая ход крестьянской войны, исследователи не могли оставить за пределами своего внимания борьбу повстанцев за города, оплоты власти правительства на местах.

При освещении движущих сил восстания многие авторы справедливо указывали, что крестьянство находило активную поддержку со стороны городской бедноты. Однако вопрос о том, что представляла собой по социальной принадлежности эта часть городского населения, остается нераскрытым. Участие наемных людей, ремесленников, купечества, в целом посадского населения, их место и роль в сложном переплетении классовых про-

тиворечий в период крестьянской войны – эти темы еще не разработаны. Остается недостаточно освещенным вопрос об отношении повстанцев к городам, а также городов к восстанию. Между тем изучение этих проблем имеет огромное значение для характеристики социальной базы крестьянской войны 1773–1775 гг. Не меньшее значение имеет выяснение специфики борьбы в посаде, общественной активности горожан и в целом освещение важной проблемы взаимоотношений деревни и города в ходе классовой борьбы в период разложения феодальных отношений, нарастания элементов капиталистического уклада. Именно город становился очагом вызревания новых отношений. "Города, – писал В.И.Ленин, – представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса"¹.

В данном исследовании ставится задача осветить участие городского населения в восстании под предводительством Е.И.Лугачева и его влияние на последующее развитие русских городов. Как известно, состав населения городов России по сословной принадлежности был неоднородным. В работе основное внимание уделяется материалам, характеризующим отношение к восстанию городских социальных и низов и торгово-промышленного сословия. Это, с одной стороны, наемные люди, ремесленники, с другой – городская верхушка в лице купечества, т.е. разные по имущественному и правовому положению категории посадского населения, из которых главным образом формировались два основных класса будущего капиталистического общества – пролетариат и буржуазия. Переход на сторону восстания работных людей заводских поселков, многие из которых приобретали городской тип, а также части городских чиновников, военнослужащих заслуживают специального изучения. В предлагаемой работе эти аспекты освещаются частично и не включаются в основной предмет исследования.

Мысли, надежды, выраженные разными по сословной принадлежности горожанами, – одна из проблем исследования, позволяющая раскрыть уровень самосознания нарождавшихся классов будущего буржуазного общества. Насущные нужды и требования городского населения к началу крестьянской войны 1773–1775 гг. отражены в материалах созданной в 1767 г. Уложенной комиссии, поэтому анализу городских наказов и их обсуждению уделено особое внимание. Это дает возможность выяснить основную направленность требований, предъявляемых правительству купечеством в канун восстания. Как известно, Екатерина II распустила Уложенную комиссию, так и не удовлетворив в законодательном порядке запросов купеческого сословия. Через пять лет страны была потрясена крупнейшим народным восстанием эпохи феодализма. В связи с этим встает вопрос: были ли со стороны горожан, в том числе купечества, попытки использовать обстановку широко развернувшегося восстания и в ходе его в практических действиях реализовать свои основные наиболее животрепещущие требования? Были ли эти требования сформулированы в том же смысле и содержании, в каком они представлялись в расчете на реформы в Уложенную комиссию 1767 г.. или в несколько ином, учитывая новые ус-

ловия открытых форм социальной борьбы периода восстания Е.И.Пугачева? Это, в свою очередь, открывает путь к рассмотрению общего вопроса о том, как определялась цель восстания для разных по имущественному и социальному положению категорий горожан.

На основе использования уже введенных в научный оборот фактов и новых источников в работе освещается конкретный ход событий в городах Урала, Приуралья и Поволжья на протяжении трех этапов крестьянской войны 1773-1775 гг. Это позволяет проследить события в развитии, выявить сходство и различие волнений, развернувшихся в пределах городов, которые по мере расширения зоны восстания вовлекались в движение и развитие которых определялось отнюдь не одинаковыми региональными условиями. Длительное время в нашей науке недооценивался личностный фактор в изучении различных исторических проблем. Человеческая индивидуальность нередко рассматривалась как принадлежность выдающихся деятелей прошлого. Автор пытался отойти от этого стереотипа, так как убежден, что любой участник исторических событий заслуживает внимания исследователя. При этом воспроизводятся (насколько позволяют источники) биографии ряда участников восстания из среды городских жителей.

В плане раскрытия темы большое значение придается анализу повстанческих манифестов и указов. На основании этих чрезвычайно важных в целом для восстания Е.И.Пугачева документов представляется возможность выявить ориентацию повстанцев на город, отражение в них интересов городских сословий, а также возможности их удовлетворения в ходе крестьянской войны 1773-1775 гг., давшей историю не только примеры разрушения существовавших порядков, но и некоторые позитивные начинания.

Рассматривая данную работу как начало монографического изучения указанных аспектов поставленной темы, автор хотел бы подчеркнуть необходимость дальнейших научных поисков в этом направлении.

Автор выражает большую благодарность сотрудникам отдела Отечественной истории XIII-XVIII вв. Института истории СССР АН СССР за ценные замечания, высказанные при обсуждении монографии, а также сотрудникам отдела изобразительных материалов Государственного Исторического музея за содействие в подборе иллюстраций.

Г л а в а I. ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ

Историография

Многообразность проблемы, связанной с возникновением и развитием городов России в целом и в частности городов XVIII в., предопределила довольно обширную историографию. Накопленный к настоящему времени большой объем литературы по данной тематике, несомненно, должен стать предметом специального изучения и анализа. В предлагаемом обзоре остановимся на некоторых наиболее близких данной теме исследования трудах, важных с точки зрения содержащихся в них наблюдений и выводов.

О том, как развивалась научная разработка многовековой истории городов, дает представление целый ряд историографических работ, написанных в разные годы. Среди такого рода материалов выделим опубликованное в 1960-х годах очерки Ю.Р.Клокмана, посвященные историографии русского города XVIII в., дворянско-буржуазной, а также советской¹. Он подробно осветил труды таких крупных исследователей истории русских городов, как А.Корсак, И.И.Дитятин, А.А.Кизеветтер, П.Н.Милюков² и др. И хотя далеко не со всеми упреками, высказанными Ю.Р.Клокманом в их адрес, можно согласиться, в целом он был прав, когда писал, что в буржуазной историографии широкое распространение получили "нигилистические взгляды, преувеличивающие отсталость городов, отрицающие саму возможность их развития в рамках существовавшего тогда законодательства, обременительности повинностей и служб посадских людей"³. Действительно, изучая главным образом юридические формы городской жизни, уставы магistrатов, организацию посадской общины, многие авторы указывали на искусственное насаждение городов в России, отсутствие реальных условий для их хозяйственного развития, на общее осаждение городов России XVIII в. и бесперспективность городских реформ. Так, по мнению Дитятина, "общественной жизни в настоящем смысле этого слова в наших городах не существовало до самого конца XVIII в."⁴ В предисловии к публикации городских наказов в Уложенную комиссию 1767 г. В.Сергеевич писал, что в этих документах нередки указания, свидетельствующие о "полном безразличии города и деревни"⁵.

Советская историография развивалась под влиянием осознания необходимости изучать город прежде всего как социально-экономическое образование, позволяющее вскрыть его значение в историческом развитии страны⁶. Именно область социально-экономических отношений на многие годы стала приоритетным направлением научных поисков.

Много усилий разработке социально-экономических аспектов становления и развития городов в позднефеодальный период отдали П.Г.Рындзюнский и Ю.Р.Клокман. В опубликованной в 1958 г. фундаментальной монографии П.Г.Рындзюнского "Городское гражданство дореформенной России"⁷ изложен ряд важных и ценных наблюдений, касающихся основных этапов развития городов в России. Он отмечал, что значение торгового купечества с развитием промышленности и товарности сельского хозяйства постепенно начинает падать, однако и на рубеже XVIII и XIX вв. оно сохраняет еще господствующее положение в большинстве городов России.

Заслуживают внимания высказанные в книге мысли о предпосылках гордообразования. Их следует искать не только в развитии промышленной деятельности, но и в создании и развитии специфического уклада общественной жизни. И еще одно весьма интересное обстоятельство, отмеченное в книге. Ее автор считает, что несмотря на все ограничения, существовавшие в условиях феодально-крепостнических отношений, "юридически и фактически имущественные права граждан были значительно более крепкими, чем крестьян, в особенности крестьян помещичьих", что находило отражение в неприкосновенности движимого и недвижимого имущества горожан. Этим, по мнению П.Г.Рындзюнского, объяснялось стремление крестьян обосноваться в городе, добившись приписки в городское сословие.⁸

Критикуя ошибочность утверждений буржуазной историографии об искусственности насаждения городов, их преимущественно административном значении, П.Г.Рындзюнский в одной из статей показывает, что при некотором числе необоснованных преобразований сельских поселений в города и отсталости русских городов значительная часть их обнаружила явные экономические сдвиги³.

П.Г.Рындзюнский отметил одну из важнейших сторон взаимоотношений города и деревни: "В степени их противопоставленности можно видеть своеобразный измеритель успехов капиталистического развития страны в целом"¹⁰.

Проблемы социально-экономической истории русского города обстоятельно исследованы в монографиях Ю.Р.Клокмана¹¹. Он показал, как постепенно на протяжении XVIII в. город – военно-административный пункт уступал место городу нового типа – хозяйственному центру, связывая эту эволюцию с развитием производительных сил и производственных отношений, с достиженным уровнем общественного разделения труда. Ю.Р.Клокман отмечал, что история русских городов имела и общие закономерности с историей городов Западной Европы, и специфические особенности. В целом же он сделал вывод о больших сдвигах в экономике городов второй половины XVIII в., постепенном превращении феодального города в капиталистический.

Большое значение для выявления региональных особенностей возникновения и роста городов, их роли в экономической жизни страны имеют работы Е.И.Дружининой, К.Н.Сербиной, Л.Е.Иофа, С.И.Архангельского, Ф.Я.Полянского, М.М.Громыко и др.¹²

Интерес к истории города ХУШ в. с годами не ослабевал, и об этом свидетельствуют ценные исследования, дающие богатый материал о разных сторонах процесса горонообразования (А.И.Аксенов, Я.Е.Водарский, Н.Б.Голикова, В.М.Кабузан, М.Г.Рабинович и др.)¹³. Немалое значение для углубленной разработки истории города, кроме того, имеет довольно большая серия книг, посвященная истории отдельных городов России, а также статей, опубликованных в центральных и местных изданиях.

В работах последних лет одновременно с задачей совершенствования методики работы над источниками ставятся и частично освещаются проблемы, которые выходят за пределы традиционных и, несомненно, определяют новые подходы к разработке истории городов Российского государства. К числу таких проблем относятся: эволюция русского средневекового города, взаимоотношения и взаимовлияние города и деревни, процессы глубинных связей крестьянина с городом, положение горожанина в связи с относительной свободой личности и др.¹⁴ Иными словами, город начинает изучаться в широком контексте того времени, и этот путь открывает обнадеживающие перспективы разработки его истории. Своевременно высказано мнение о назревшей необходимости комплексного подхода к теме "город и деревня", сопоставительного исследования "по всем показателям жизнедеятельности общества (экологическому, демографическому, производственно-му, торговому, социальному, культурно-бытовому, нравственно-психологическому)". Изучение исторических тенденций градообразовательного процесса во всем его многообразии, - пишет А.А.Преображенский, - остается важной и перспективной задачей, имеющей выход на проблемы современности¹⁵.

В тесной связи и с учетом итогов разработки социально-экономической истории велось изучение классовой борьбы в России, в том числе городских восстаний ХУП-ХУШ вв.

Обращаясь к освещению в исторической литературе городских восстаний кануна крестьянской войны 1773-1775 гг., следует выделить события в Брянске 1745-1757 гг., а также чумной бунт в Москве в 1771 г., вызвавшие наибольший интерес исследователей¹⁶. Эти движения рассматриваются как отражение социальных противоречий в городе. П.Г. Рындаунский, оценивая события в Брянске и других городах (например, в Орле, Серпухове), отмечал, что "порой крестьяне в своей антифеодальной борьбе могли опереться на город, найти там существенную помощь и что, в свою очередь, в городе имелись такие группы населения, которые легко примыкали к выступлению, направленному против крестьян и полицейских сил дворянского правительства"¹⁷.

Ю.Р.Клокман, исходя из того, что участвовавшие в волнениях крестьяне по характеру промысловой и торговой деятельности "по существу мало-чего отличались от горожан Брянска", оценивал это движение как имеющее "ярко выраженный городской характер"¹⁸.

Разные социальные группы называются среди активных участников чумного бунта 1771 г. П.К.Алефиренко на основе анализа социального положе-

жения арестованных "бунтовщиков" (крестьян, фабричных, купцов, ремесленников и др.) на первое место среди участников ставила дворовых людей. Ей принадлежит вывод об антифеодальном характере этого восстания, в котором приняли участие различные слои городского населения.

В.Н.Бернадский, считая бунт наиболее крупным антифеодальным выступлением городских низов, видел в фабричных крестьянах "наиболее легко воспламеняющуюся социальную группу"¹⁹. В.Н.Бернадский предпринял попытку дать общую характеристику классовой борьбы в городах в третьей четверти XVIII в. По его мнению, как исходя из фактов замедленных темпов развития городов в XVIII в. не следует приижимать роль города в социально-экономической жизни страны, так из факта отсутствия крупных городских восстаний XVIII в. не следует делать вывод об отсутствии в городе классовых противоречий или затухании классовой борьбы. Последнее подтверждается, считал он, разнообразными формами повседневной борьбы в городах.

Он выделил следующие четыре линии борьбы: 1. Весь посад - против феодалов. 2. Низы посада - против его верхов. 3. Владельцы безуказных мастерских - против привилегированных мануфактуристов. 4. Работные люди - против владельцев промышленных предприятий. В реальной действительности эти социальные противоречия, отмечал В.Н.Бернадский, сплетались в "запутанный клубок".

С точки зрения В.Н.Бернадского, в истории русского города XVIII в. гораздо более важное место, чем борьба посада с феодалами (например, г. Тихвин), занимала "все усложнявшаяся борьба внутри посада". Однако в условиях господства феодальной собственности и крепостнических порядков борьба против зарождавшейся буржуазии (верхушки купечества, промышленников) не выступала как главная линия в классовой борьбе третьей четверти XVIII в. При слабом еще развитии капиталистических отношений борьба внутри посада в большинстве городов заключалась преимущественно в борьбе между разными слоями купечества и объективно она велась за распределение торговой прибыли. Эти мысли В.Н.Бернадский подтверждал примерами событий в Сызрани, Архангельске, Ярославле, Пензе, Орле.

Исследователь отмечал косность политического сознания купцов XVIII в. Оно было озабочено в первую очередь расширением своих сословных прав и не ставило вопроса о ликвидации сословий. В то же время в выступлениях против дворянских привилегий В.Н.Бернадский усматривал "нарастание противоречий между растущим классом купечества и феодалами"²⁰.

В.Н.Бернадский писал, что решение в ходе реформ Петра I основной задачи, за которую боролся в XVIII в.^x нарождавшийся класс купечества,

^x В XVIII в. посадские люди выдвигали такие общесословные требования, как упорядочение налогов и форм их разверстки, уничтожение частного землевладения в городах. Они добивались монополии на внутренних рынках и ограждения их от проникновения и использования представителями иностранного капитала, а также новой протекционистской политики таможенных сборов. Посадские люди боролись против воеводско-

сказалось и на классовой борьбе в городе ХVII в. Единственное массовое выступление – чумной бунт 1771 г. в Москве ни по размаху движения, ни по социально-политическому значению не может быть поставлен рядом с московскими восстаниями ХVII в. – 1648, 1662, 1682 гг.²¹ Городское восстание 1771 г. в Москве не может, по его мнению, быть прологом крестьянской войны 1773–1775 гг. (как считал Н.Н.Фирсов). В 60–70-х годах более значительные движения народных масс происходили в деревне (волнения приписных крестьян на Урале, крестьянские движения в Поволжье, восстания башкир, яицких казаков). И они являлись прелюдией восстания Е.И.Пугачева²².

Многие из изложенных выше взглядов разделял и В.В.Мавродин. Сопоставляя ХVII и ХVIII вв. по линии городских восстаний, он указывал, что с последним крупным городским восстанием – Астраханским восстанием 1705–1706 гг. ушел в прошлое "бунташный" ХVII век с его соляным и медным бунтами.

Следует отметить, – писал В.В.Мавродин, – что в восстании 1771 г. собственно горожане, посадские приняли не столь активное участие, как дворовые, "фабричные", крестьяне, пришедшие в город на заработки или занимавшиеся ремеслом, и в этом отношении оно отличается от городских мятежей "бунташного" ХVII века. Это и понятно, столбовая дорога антифеодальной борьбы народных масс пролегала не по улицам и площадям городов, а по деревенским проселочным дорогам и огромным заводским дворам".

В отличие от Западной Европы в России классовая борьба рождавшаяся предпролетариата происходила не столько в городах, сколько вне городов, в сельской местности, где и возникали крупные промышленные предприятия. В.В.Мавродин заключает, что "собственно городских восстаний в России в 50-х – начале 70-х годов ХVIII в. было мало"²³.

Значительное расширение базы источников исследования отличает статьи М.Ф.Прохорова, А.В.Ковальчука, В.В.Леонидова. Это позволило авторам убедительно аргументировать свои выводы относительно характера движущих сил и значения Московского восстания 1771 г. Оно, как подчеркивает М.Ф.Прохоров, занимало одно из ведущих мест среди классовых выступлений трудящихся России накануне крестьянской войны 1773–1775 гг.²⁴ Восстание 1771 г. носило, указывается в его статье, "ярко выраженный характер городского антифеодального восстания. Действия восставших были направлены против произвола и беззакония, насилия и бюрократизма как церковных, так и гражданских властей"²⁵.

Представив данные о социальном составе участников восстания в виде таблицы, М.Ф.Прохоров отмечает особую активность дворовых людей. Не менее активное участие приняли работные люди (хотя они и не преоб

дъяческих поборов и злоупотреблений, за развитие местного самоуправления под эгидой центральной власти. См.: Д у б р о в с к и й А.М., Ч и с т я к о в а Е.В. Советская историография социальных движений в Москве ХVI–XVII вв. // Русский город. М., 1984. Вып.7. С.107.

ладали численно, всего 3-4%, среди арестованных)^х, крестьяне, пришедшие в Москву на заработки, представители низшего духовенства, раскольники, военнослужащие и солдаты, ремесленники, низшие канцелярские служители. В сентябрьских событиях 1771 г., указывает М.Ф.Прохоров, "действительное участие" приняло также мелкое купечество, смелыми и отважными действиями которых восхищался очевидец событий, известный просветитель Ф.В.Каржавин²⁶. В целом отмечается, что в городских восстаниях происходила "некоторая консолидация совместных действий городского и сельского населения, крестьян и работных людей, солдат и дворовых, посадских и служилых, православных и раскольников в борьбе против антинародной политики властей"²⁷.

Интересные мысли высказывает автор по вопросу о различиях и сходстве восстания 1771 г. и московских городских восстаний ХУП в. "Московское восстание 1771 г. протекало, - пишет автор, - в новой исторической обстановке, когда наметилось развитие капиталистических отношений в стране. Это не могло не сказаться на движущих силах сентябрьских событий. Ведущая роль в "чумном бунте" принадлежала дворовым, работным людям, а участие посадских людей и солдат было не таким решающим, как в предшествующих выступлениях. Отличались московские восстания ХУП-ХУШ вв. и по своему размаху, длительности, результатам, деятельности участников". Сходство состояло в их антифеодальном характере: основные действия борющихся были направлены против правящих кругов. Сентябрьское восстание 1771 г. рассматривается как последнее выступление в цепи московских городских восстаний ХУП-ХУШ вв.

Нельзя не согласиться с мнением М.Ф.Прохорова, что при объяснении подобного явления следует учитывать наметившиеся усиление самодержавно-полицейского аппарата, а также углубление социальной дифференциации среди городского населения, не дававшее возможности "сплотиться для единых действий"²⁸.

Оценку характера борьбы в городах находим в одной из статей М.Я.Волкова, поставившего большую и важную тему - формирование городской буржуазии в России ХУП-ХУШ вв. Он указывал на связь торгово-ростовщической и торгово-промышленной буржуазии с феодально-крепостнической системой, которая давала городской буржуазии возможность увеличивать свои капиталы (подряды, откупа).

Серьезное недовольство, отмечал автор, проявила городская верхушка в 60-70-х годах ХУШ в. в связи с политикой правительства в отношении крестьянских промыслов и торговли. М.Я.Волков видит в борьбе городской буржуазии в 20-80-х годах борьбу за сохранение своих сословных прав и этим объясняет падение ее роли в антифеодальной борьбе.

^х Данный вывод показывает, что высказанное в свое время замечание В.В.Мавродина в адрес П.К.Алефиренко, что большая численность тех или иных участников - не бесспорный показатель их большей активности, было не лишено оснований. См.: Крестьянская война в России в 1773-1775 годах: Восстание Пугачева. Л., 1961. Т.1. С.459.

В антифеодальной борьбе за ликвидацию чрезмерных тягот, произвола властей и других представителей администрации, предоставление горожанам автономии в решении местных городских дел, за консолидацию всех горожан, имевших собственную торговлю и промыслы, в одно сословие наиболее активное участие принимали беднейшие слой посадского населения.²⁹

Роль городов в антифеодальной борьбе резко снизилась, делает вывод М.Я.Волков, указывая на отсутствие городских восстаний в 20-80-е годы XVIII в. Лишь 70-е годы отмечены волнениями в Москве и участием горожан ряда окраинных городов в восстании под предводительством Е.И.Пугачева. В рассматриваемое время городская буржуазия и все купеческое сословие не ставили даже вопроса о проведении систематических приписок в торгово-промышленное сословие всех лиц, живших в городах и занимавшихся торговлей и промышленностью, т.е. было забыто, по словам М.Я.Волкова, одно из важнейших требований первого этапа, относящегося к 20-м годам XVIII в.³⁰ Созданием гильдейского купечества завершилось, с точки зрения автора, формирование верноподданнической городской буржуазии в России, с 70-80-х годов окончательно ставшей одним из столпов самодержавия.

Наконец, перед тем как перейти к трудам, специально посвященным участию городского населения в восстании Е.И.Пугачева, остановимся на работе, в которой освещается одно из крупнейших движений начала XVIII в., тем более что оно нередко причисляется историками к крестьянским войнам. Автор исследования о восстании под предводительством К.Булавина Е.П.Подъяпольская подчеркивает понимание восставшими важности привлечения на свою сторону городских жителей, о чем свидетельствуют "прелестные письма" в русские города, села и деревни. Города, которые являлись средоточием административной и военной силы правительства, восставшие стремились превратить в оплот повстанческой защиты и повстанческих порядков. Е.П.Подъяпольская отмечала, что в Булавинском восстании помимо крестьян активное участие приняла городская беднота, мелкий посадский люд.³¹

Вопросы, связанные с характером участия городского населения в крестьянской войне 1773-1775 гг., были поставлены уже на начальных этапах развития советской исторической науки.³² Многие концепции тех лет были ошибочными и не подтвердились в ходе дальнейшей исследовательской работы. Но попытки связать вопросы участия городских сословий с оценкой характера восстания под предводительством Е.И.Пугачева были справедливыми.

М.Н.Покровский в статье "Новые данные о пугачевщине" указывал, что казаки "вовсе не были главным элементом... движения". Он придавал большое значение участию в крестьянской войне 1773-1775 гг. провинциального купечества (как и крепостной интеллигенции), обращая внимание на то, что Пугачев и Белобородов были купцами.³³ Говоря о принадлежности Пугачева к купечеству, Покровский имел в виду рассказы Пугачева Пьянова о торговых операциях в сотни тысяч рублей, которые якобы он совершил.

Кроме того, это был период, когда Покровский оценивал восстание под предводительством Е.И.Пугачева как "зачаток" буржуазной революции, "настоящей" буржуазной революции эпохи торгового капитала³⁴. В предисловии к первому тому сборника документов "Пугачевщина" он отказался от термина "революция" в отношении крестьянской войны 1773-1775 гг. и рассматривал ее как в основном крестьянское движение³⁵.

Однако здесь же он допускал модернизацию, когда писал, что "совместная борьба уральских горнорабочих... и крестьян напоминает нам о той политической смычке пролетариата и крестьянства, которая в тех же местах в 1919 г. помогла нам отбить и разбить Колчака"³⁶. Эта оценка восстания как "рабоче-крестьянского" была повторена Покровским в 1927 г.³⁷ Однако в 1932 г., полемизируя с Г.Е.Меерсоном, подхватившим его же тезис о восстании Пугачева как буржуазной революции, Покровский рассматривал восстание как выступление "феодальных крестьян". Он отмечал, что говорил ранее о восстании как о "буржуазной революции эпохи торгового капитала", имея в виду усиление феодальной эксплуатации крестьян, которое было обусловлено развитием торговли. Крестьянское восстание ставит целью ликвидировать дворянское и насадить крестьянское землевладение, а последнее рождает буржуазию³⁸.

Г.Е.Меерсон вслед за высказанным в свое время мнением Покровского рассматривал восстание, возглавленное Пугачевым, как буржуазную революцию в России. Он объявлял гегемоном движения носителей торгового капитала, которые не хотели чем-либо жертвовать в пользу крестьян³⁹.

У С.Пионтковского находим указание, что восстание Е.И.Пугачева (по его оценке, "властителя дум крепостных людей") отличало от предшествующих восстаний большая организованность, более ярко выраженная идея "буржуазной демократии", более сложная идеология, усиление "буржуазных элементов"⁴⁰. Близки к вышеизложенным оценкам крестьянской войны были С.Симонов, А.А.Савич⁴¹. С.Г.Томсинский подчеркивал, что наиболее активными участниками этого восстания была богатая часть населения (крестьян, купцов и др.). Он ссылается на такие примеры: Пугачев - атаман Терского войска, Падуров - депутат Уложенной комиссии, Салават Юлаев - крупный землевладелец, Алексей Дубровский - мценский купец. В работе отмечается участие купечества, недовольного конкуренцией торгующего дворянства. Позже Томсинский пришел к пониманию восстания как крестьянской войны; он указывал при этом на слабость буржуазных элементов в социально-экономических процессах, происходивших в тот период в России. Но исходя из того, что крестьяне тяготели к свободной торговле, Томинский отмечал, что буржуазные элементы в восстании играли заметную роль. В работе 1931 г. он высказал более четкую точку зрения, утверждая, что именно крестьянские массы были движущей силой восстания⁴².

Работы Н.Н.Фирсова также отразили модернизацию, свойственную исторической мысли того периода. Обратим внимание на следующий вывод это-

го исследователя. Он считал, что крестьяне боролись за "социальные, а не политические интересы", т.е. против крепостничества, но не против самодержавия. Активность населения, по его мнению, вытекала из уровня жизни^x, поэтому некоторая часть населения не только не приняла участия в восстании, а даже выступала против пугачевцев, например в случае с Ирбитской слободой, жители которой были сравнительно обеспечены⁴³.

В дальнейшем в историографии утверждаются более взвешенные оценки характера и движущих сил восстания под предводительством Е.И.Пугачева. М.Н.Мартынов, много работавший над публикацией источников восстания, не считал возможным признать руководящее значение купечества и торгующего крестьянства. Борьбу крестьян он оценивал как борьбу против крепостного права, "за свободное развитие непосредственного производителя"⁴⁴.

Интересуясь не только основными участниками восстания, но и представителями других сословий, прямкнувшими к восстанию, С.И.Тхоржевский попытался дать объяснение подобным фактам, свидетельствующим о довольно сложном социальном составе его участников. По его мнению, дворян привели в их ряды жажда мести, авантюризм, сельское духовенство – близость к народу, ненависть к помещикам, иногда инстинкт самосохранения. Что касается поведения купцов, встречавших Пугачева с почестями, то ими, как правило, руководил также инстинкт самосохранения (за исключением некоторых представителей мелкого купечества, таких, как Дубцев, Ессеевьев, Семенов).

Тхоржевский указывал, что в крестьянской войне стирались сословные, национальные и религиозные различия. В восстании участвовала только часть купечества, которая "отбилась от того занятия, которое полагалось их сословию, и стояла на самом низу социальной лестницы". Торговцев-купцов и торгующих крестьян он считал не столько участниками, сколько жертвами восстания. Оценивая крестьянскую войну как "буржуазное движение", Тхоржевский указывал, что данная оценка не вытекает из того, что его организовали торговцы-капиталисты, оно рассматривается в таком качестве в силу того, что ликвидация крепостничества расчищала путь к капитализму и обнаруживала тяготение зависимых крестьян к превращению в независимых, использующих наемный труд⁴⁵.

По своей объективной направленности восстание Пугачева, считает он, было буржуазным движением, ибо победа обеспечивала "развитие буржуазного способа производства"⁴⁶. Это движение "буржуазное по своей объективной цели (если можно так выразиться), но глубоко де-

^x С.И.Тхоржевский, напротив, считал, что восстание началось не там, где население было наиболее угнетено, а там, где оно было менее "связано правительственной системой" и где имело возможность организоваться для выступления. См.: Т х о р ж е в с к и й С.И. Социальный состав пугачевщины // Труд в России. 1925. Кн. I.

мократическое по социальному составу". Оно всколыхнуло преимущественно земледельческие массы и было аграрным⁴⁷.

Из работ раннего периода советской историографии обращает на себя внимание статья Е.Н.Кушевой обстоятельностью исследования социально-экономической истории Саратова и попыткой найти в ней объяснение событий, развернувшихся в городе в период пугачевского движения. Касаясь участия горожан, Е.Н.Кушева отмечает, что отношение различных слоев саратовского купечества к Пугачеву не было однородным, поэтому вряд ли правомерно обычное толкование эпизода с посылкой саратовским купечеством к Пугачеву парламентером "лучшего купца", при полной безнадежности отстоять город и недоразумениях между властями, как выражение их "единодушного сочувствия Пугачеву"⁴⁸.

В своей книге, посвященной просветителю С.Е.Десницкому, С.А.Покровский, исходя из материалов Уложенной комиссии, в частности городских наказов, высказывает некоторые общие суждения, касающиеся в целом самосознания нарождавшейся буржуазии, процесса формирования ее политической идеологии. Так, оценивая стремление купечества получить право на использование труда крепостных крестьян, он подчеркивал, что это стремление противоречило классу, основывавшему свою экономическую деятельность на принципе вольнонаемного труда, а потому "враждебному феодальному общественному строю с господством крепостных отношений". Слабая и неорганизованная, нарождавшаяся буржуазия России в лице купечества упиралась на милость монархов, добиваясь от властей поддержки. Активность работных людей во время восстания Пугачева "насмерть перепугала купечество", оно стало еще более "откровенно раболепствовать перед самодержавием". Иными словами, Покровский считал возможным ставить вопрос только о влиянии крестьянской войны 1773-1775 гг. на самосознание купеческого сословия, причем в сторону усугубления его консервативных проявлений⁴⁹.

Среди большого количества трудов, посвященных крестьянской войне под предводительством Е.И.Пугачева, тема участия работных людей занимает значительное место⁵⁰. Но это - один из аспектов проблем, относящихся к участию горожан, так как только некоторая часть работных людей в специфических условиях развития мануфактурной промышленности России принадлежала к горожанам, они далеко не исчерпывали состава населения городов. Когда же исследователи обращались к событиям в городах в период этого крупнейшего народного движения, то освещали отдельные факты или борьбу повстанцев за тот или иной город⁵¹.

Событиям в Ирбитской слободе во время крестьянской войны посвятил свою статью А.И.Андрющенко, вложивший немало усилий в разработку восстания в целом. Однако общее заключение автора, касающееся позиции зажиточной верхушки торгового населения Ирбитской слободы как якобы характерной для городского торгового населения Сибири, нуждается в подкреплении конкретным материалом. А.И.Андрющенко считает, что купечество таких сибирских городов, как Тобольск, Тюмень, Ялуторовск,

Краснослободск, Туринск, Верхотурье, вокруг которых бушевала крестьянская война, служило "надежным оплотом царских карательных сил. Купцы и цеховые снабжали карателей людьми, оружием, продовольствием" и др.

52
Связь "с большой торговлей", наверное, имела значение, но вряд ли полностью исключала возможность принятия новой власти. Позицию сибирского купечества А.И. Андрушенко противопоставляет позиции сельских "лучших" людей, "прожиточных" крестьян, мало связанных с большой торговлей и с властями. Последние, по его мнению, терпели наравне с крестьянской массой феодальный гнет абсолютистского государства, произвол и бесчинства чиновников как гражданских, так и военных, поэтому вместе с крестьянами участвовали в антифеодальной борьбе, нередко в качестве застрелышников и вожаков. Наверное, в данном случае не стоит игнорировать и тот факт, что на купечество тоже ощутимо давил груз господствовавших в стране феодальных отношений. Зажиточные крестьяне тоже торговали, и это не мешало их участию в восстании.

Небольшой специальный раздел об участии в восстании Пугачева дворян, офицеров и купцов имеется в коллективном трехтомном труде, посвященном этому движению. Автор этого раздела С.А.Филатов отмечает, что степень участия купеческого сословия на каждом из этапов крестьянской войны была разной. Если на первом и втором этапах купцов в армии Пугачева были единицы, то на третьем этапе "картина резко изменилась": они не только встречали Пугачева, но и шли в повстанческую армию. Он высказывает предположение о причинах такого поведения купечества, и их нельзя не признать в той или иной мере обоснованными. Основной причиной, по которой купцы городов Южного Урала и Западной Сибири не поддержали восстание, было, по его мнению, "более предпочтительное экономо-географическое положение купечества этих городов, расположенных в промышленно развитом для того времени Уральском районе". К этому Филатов прибавляет то, что, удаленные от центра, они меньше испытывали конкуренцию в своих промыслах со стороны дворянства и торгующего крестьянства. И третье - повстанцы не старались при осаде Оренбурга, Уфы, Кунгура, Челябинска привлечь купечество на свою сторону, не обращались к ним в своих возвзаниях.

В худшем положении находились, пишет автор, купцы правобережья Волги, "промышлявшие в основном или сельскохозяйственными товарами (хлеб, скот), или товарами, произведенными из сельскохозяйственного сырья (кожи, мыло, сало, москательные товары и т.д.), так как район этот был в основном земледельческим. К тому же особенно прибыльная в этом районе статья доходов - винокурение - была с 1755 г. в руках дворян. Это влияло на торговлю хлебом". Кроме указанных причин учитывается влияние процесса дифференциации внутри посадской общины, выделение верхушки "капиталистичных" купцов, эксплуатировавших городскую посадскую бедноту. В лагерь повстанцев, указывает автор, переходили в основном обедневшие купцы, которые не владели капиталом и

даже не вели мелочной торговли, нередко занимаясь ремеслами и работой по найму. Что касается более зажиточных слоев купечества, то "страх за свою жизнь и за капитал" заставлял отдельных представителей переходить на сторону восставших⁵³.

В итоге, заключает автор, участие купцов, как и дворян и офицеров, было эпизодическим, случайным, что не совсем согласуется с отмеченной им самим активностью поволжского купечества.

Обращаясь к историографии последних лет⁵⁴, следует выделить наметившиеся новые подходы к разработке истории народного протesta. В этом плане привлекают внимание работы И.В.Побережникова, И.Ф.Прокорова как по конкретному материалу, так и по отношению к поставленной проблеме – взаимосвязи города и деревни в сфере классовой борьбы⁵⁵.

Присоединившись к господствующему в историографии мнению о консерватизме русской буржуазии, проявившемся уже в период становления этого класса, а также к оценке выступлений российского предпролетариата, практически не отличавшихся в XVIII в. от крестьянских, И.В.Побережников отмечает, что движения городского населения нередко сопровождались выступлениями окрестных крестьян, а наиболее крупные крестьянские восстания, в первую очередь крестьянские войны, вовлекали и жителей городов. Он стремится выяснить, сказалось ли воздействие города с новой общественной силой, сословием горожан, на идеологии крестьянского протesta. Приводимые им новые материалы о крестьянских волнениях в довольно обширном регионе Западной Сибири показывают не только участие, но и известное влияние представителей городских сословий в ходе того или иного выступления крестьян второй половины XVIII в.

Во время крестьянской войны 1773-1775 гг. сибирские города в большинстве своем не поддержали Пугачева, и автор объясняет этот факт тем, что богатое купечество испугалось стихии "исступленной черни". Сказилась, отмечает автор, и "хитроумная социальная политика сибирской администрации", меры по укреплению городов и усилению гарнизонов.

И все же эти меры не воспрепятствовали тому, что заводские люди – русский предпролетариат, "типичное население промышленных городов и поселков", помогали "Петру III" – Пугачеву. Не только крестьяне, но и жители многих городов Западной Сибири распространяли слухи в пользу Пугачева, внушили, например, ехавшим через Верхотурье разным людям, в том числе купцам "противности" присяге е.и.в.⁵⁶

"Идеологическое" соприкосновение (контакты) города и деревни, по словам автора, со временем увеличивались, и этому содействовали укреплявшиеся связи деревни и города, отход крестьян в города. Но качественные изменения во взаимоотношениях города и деревни происходили позже, на разночинном этапе освободительного движения.

Автор прав, относя к числу важных задач выявление в идеологии классового протеста крестьян того, что принадлежало только горожанам, и того, что принадлежало крестьянству⁵⁷.

Если И.В.Побережников в своих выводах и наблюдениях основывался на документальных материалах по Западной Сибири, то М.Ф.Прохоров использовал материалы о разных формах борьбы крестьянства главным образом в Европейской России. События, которые он освещает, хронологически относятся ко времени, предшествовавшему восстанию под предводительством Е.И.Пугачева. Большое значение при изучении проблемы влияния городских низов и разночинцев на антифеодальную борьбу И.Ф.Прохоров видит не только в выяснении связей между городским и сельским населением, но и в выявлении особенностей классовой борьбы, в том числе крестьянской войны 1773-1775 гг., истоков освободительного движения, становления разночинной интеллигенции и т.д.

В работе показаны разные формы помощи городских жителей в ходе борьбы крепостного крестьянства России середины XVIII в.: составление челобитных и их подача в правительственные учреждения, распространение слухов о крестьянской воле, ходатайство в качестве поверенных крестьянских дел в разных судебных инстанциях, непосредственное участие в выступлениях крепостных крестьян и т.д.

Эти действия "добровольных помощников" из среды разночинцев и посадских людей позволяют автору сделать вывод об "определенном воздействии на мировоззрение крестьян и ход их борьбы". Чаще всего, пишет И.Ф.Прохоров, "упорный и решительный характер носили те волнения, во время которых крестьяне поддерживали тесный контакт с городскими жителями"⁵⁸, причем разными по социальной принадлежности, в том числе купеческого сословия (например, елецкий купец Федор Назаров, выступавший в качестве крестьянского поверенного).

В целом же, как считает автор, можно говорить лишь о "первых шагах представителей формирующейся разночинной интеллигенции в общественном движении народных масс, о намечавшихся тенденциях социальной близости между трудовыми слоями городского и сельского населения России в их борьбе против феодально-крепостнических порядков"⁵⁹. В выводах о "намечавшихся тенденциях" автор слишком осторожен, даже учитывая приведенный им в статье материал.

Обобщая изложенное, следует отметить, что если городские восстания XVI-XVII вв. изучались довольно интенсивно, и историография располагает рядом крупных исследований, то волнения в городах следующего столетия, в том числе периода восстания Е.И.Пугачева, имеют довольно скромную историческую литературу, в которой остается немало пробелов. Такое положение, не отражающее их значения как формы классовой борьбы и "немаловажного резерва широких народных движений"⁶⁰, в некоторой степени объясняется исторической спецификой жизни городов XVIII в., сравнительно небогатой крупными социальными конфликтами.

Остается недостаточно изученной проблема влияния крестьянской войны 1773-1775 гг. на последующее развитие России. Хотя в общей форме эта проблема ставится в большей части исследований, посвященных восстанию Е.И.Пугачева, однако применительно к истории городов она разработана слабо. Это следствие недооценки важности изучения роли городского населения в крестьянской войне 1773-1775 гг.

Источники

Разработка проблем, поставленных в монографии, ведется на основе материалов ЦГАДА и ЦГВИА СССР. В ЦГАДА исследованы следующие фонды: Уголовные дела по государственным преступлениям (УП разряд Госархива), Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция (УП разряд Госархива), Оренбургская губернская канцелярия (ф.П100), Тайная экспедиция, Казанская и Оренбургская секретные комиссии (ф.349), Архив Паниных (ф.1274), Арзамасская провинциальная канцелярия (ф.419). Из ЦГВИА привлечены разнообразные материалы фонда Секретной экспедиции Военной коллегии (ф.20).

Основной категорией используемых источников являются указы и манифести повстанцев, записи допросов в следственных делах, которые возбуждались властями, местными и центральными, над участниками крестьянской войны. Власти, опасаясь скопления в тюрьмах участников восстания, в том числе "законных" городских граждан, в ряде случаев детальным расследованием вины каждого не занимались, напротив, спешили скорее закончить допросы. Отсюда дефекты следственных дел и их незавершенность.

Кроме того, необходимо учитывать, что в ряде случаев участники восстания, чтобы избежать сурового наказания, рисовали искаженную картину своего участия, объясняя его во многих случаях принуждением со стороны представителей армии Пугачева, скрывали факты и отказывались от признания вины. Тем не менее записи допросов и следственные дела дают материал о событиях в городах, основных участниках, в том числе из купечества, их биографические данные. Эти документы являются ценным источником для изучения сознания горожан. Более реальные факты выявляются в тех случаях, когда сохранились протоколы допросов на разных инстанциях следствия того или иного участника, в связи с этим представляется возможность их сопоставлять и анализировать.

Обращаясь к конкретным следственным делам, укажем прежде всего наиболее крупные из них. "Дело о ржевском купце Астафе Долгополове, явившемся к Пугачеву с ложным известием будто бы послан к нему от великого князя Павла Петровича с подарками" (на 166 местах), начато 2 октября в Ржевской провинциальной канцелярии и закончено 12 ноября 1774 г. в Москве в Тайной экспедиции. Оно содержит аналогичные другим следственным делам документы: скрепленные рукой самого подследственного протоколы допросов, переписку должностных лиц и др. В дело вошли протоколы допросов Долгополова (подлинники и копии) от 2 октяб-

ря 1774 г., 12 октября, 12 ноября и дополнения к ним⁶¹, а также запись допросов в Тайной экспедиции А.Н.Перфильева и Канзафара Усаева⁶².

Большой интерес представляет "Дело о ложном извете на казанского архиепископа Вениамина от беглого капрала Ильи Аристова, дьякона Алексея Ионина, семинариста Степана Львова и купца Александра Огородникова" (на 174 л.), так как дает материал для исследования восстания в г.Казани. В нем находим подлинник донесения казанского губернского магистрата от 12 июня 1774 г. в Казанскую секретную комиссию, в котором подробно изложены факты, свидетельствующие об участии купца Александра Огородникова в восстании под предводительством Е.И.Пугачева. Донесение подписано президентом Александром Чекмаревым. В деле имеется запись допроса Огородникова, произведенного после вторичного ареста. Здесь же собственноручное объяснение семинариста С.Ф.Львова⁶³.

Дело о саранском купце Матвее Иванове, числившемся приверженцем раскольников, состоит из копии донесения П.С.Потемкину от дворцового крестьянина Алексея Протопопова от 3 ноября 1774 г., черновиков записей допросов и очных ставок Матвея Иванова, И.Попова, А.Протопопова⁶⁴.

Использовано большое следственное "Дело о присланных Пензенской провинциальной канцелярией инвалидной команды майоре Гавриле Герасимове, секретаре Тихоне Андрееве, майоре Андрее Салманове, прапорщике Илье Григорьеве, прапорщиках Елизаре Сулдяшеве, бургомистре Борисе Елизарове и о содержащемся в Казане купце Андрее Крзнове"⁶⁵. Оно отличается тем, что соединяет целый ряд записей допросов арестованных участников взаимопроверенных, так как освещают одно событие – восстание в Пензе.

Дело "О раскольнике Горбунове с товарищи" (на 241 л.) включает записи допросов в Казанской следственной, а затем в Тайной экспедиции многих причастных лиц из числа жителей г.Саратова, а также копии некоторых писем подследственных, переписку М.Н.Волконского, А.А.Вяземского, П.С.Потемкина и ряда представителей местных властей⁶⁶.

К важным источникам по изучению крестьянской войны 1773-1775 гг. следует отнести сохранившиеся в архивных фондах так называемые ведомости, содержащие сводную картину по разным вопросам и составлявшиеся воеводскими канцеляристами в качестве справки (за те или иные периоды). Среди них привлекают внимание прежде всего "ведомости о колодниках...", "экстракты учиненным из дел...", дошедшие до нас в черновиках, копиях, подлинниках, например "Экстракт учиненным из дел, произведенных в Казанской секретной комиссии, о содержащихся во оной колодниках с показанием учиненного об них решения". В такого рода источниках указываются имена арестованных участников восстания, их возраст, содержание обвинения, социальное происхождение и др. Но они сообщаются в конспективной форме, иногда без указания социальной принадлежности подследственного, хронология событий. Эти особенности,

а также их неполная сохранность затрудняют получение сводных данных по интересующим исследователя вопросам. Использование их в комплексе с другими источниками дает более ощущимые результаты.

В работе привлечена также такая официальная документация, как рапорты, донесения, сообщения, ордера. Несмотря на тенденциозность этих документов, из них можно извлечь конкретные факты по истории восстаний в городах в период крестьянской войны 1773-1775 гг., об отношении властей и мерах подавления народного протеста.

В монографии использованы также опубликованные источники.

Значительная часть важнейших источников по истории восстания под предводительством Е.И.Пугачева включена в такие издания, как "Пугачевщина" (М. ; Л., 1926-1931. Т. I-3), "Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773-1775 гг." (Ростов-н/Д., 1961), "Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии" (Чебоксары, 1971), "Крестьянская война 1773-1775 гг. в России: Документы из собрания Гос.ист.музея" (М., 1973), "Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773-1774 гг." (М., 1973) и др. Весьма ценной стороной этих публикаций является то, что в них помещено большое число документов, исходивших из лагеря восставших.

Из опубликованных материалов привлечены наказы депутатов в "Комиссию об уложении" 1767 г., материалы обсуждения городских наказов, изданные в нескольких томах "Сборника Русского исторического общества" (Т.8, 93, 107, 134 и др.). Наказы являются важным источником, содержащим концентрированную информацию о жизни русских городов кануна крестьянской войны 1773-1775 г., об условиях развития торговли и промыслов и др. Городские наказы раскрывают основные требования, с которыми в тот период выступали горожане, прежде всего купечество. Поскольку каждый город представил наказ, то это дает возможность исследовать не только содержание требований горожан, но и их региональные особенности. Наказы – это один из источников для изучения идеологии формировавшейся городской буржуазии.

Анализ этих документов ведется с привлечением материалов обсуждения городских наказов в общем собрании. "Мнения", "предложения" депутатов сохранились и опубликованы в "Сборнике Русского исторического общества" в подлинниках и в изложении "Дневных записок Большого собрания". "Мнения", "предложения" депутатов о положении купеческого сословия были разными по содержанию. Депутаты давали краткую или развернутую информацию по затрагиваемым вопросам. Первые, заявляя себя сторонниками определенных законов, ограничивались констатацией некоторых положительных или отрицательных сторон жизни сословия, интересы которого защищали. Другие, аргументируя свои позиции, делали экскурсы в историческое прошлое с целью доказать заслуги купечества, подробно раскрывали настоящую его деятельность, указывали на последствия предлагаемых нововведений для отдельных сословий и экономики России в целом.

1 Клокман Ю. Р. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. М., 1960; Он же. Историография русских городов второй половины XVII-XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966; Он же. Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII века. М., 1967.

2 Корсак А. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства в Западной Европе и России. М., 1861; Дитятина И. И. Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. I: Города России в XVIII столетии; Кизеветтер А. А. Попасдская община в России XVIII ст. М., 1903; Мильков П. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. Ч. I.

3 Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. С.7.

4 Дитятина И. И. Указ. соч. Т. I. С. 415, 416.

5 Сб. РИО. СПб., 1900. Т. 107. С. У1-УШ.

6 История Москвы. М., 1953. Т. 2; Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1955. Т. I; Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. М., 1956.

7 Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958; Он же. Основные факторы горообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город. М., 1976. Вып. I.

8 Рындзюнский П. Г. Городское гражданство... С. 26, 46.

9 Рындзюнский П. Г. Новые города России конца XVIII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 359.

10 Рындзюнский П. Г. Изучение городов России первой половины XIX в. // Города феодальной России. С. 69.

II Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. С. 207-323.

12 Архангельский С. И. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVIII-XIX вв. Горький, 1950; Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI-XVIII вв. М.; Л., 1951; Иоффе Л. Е. Города Урала. М., 1951, Ч. I: Феодальный период; Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. М., 1959; Полянский Ф. Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М., 1960; Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965; и др.

13 Водарский Я. Е. Население России в конце XVII - начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977; Кабузан В. М. Население России XVIII - начала XIX в.: Рукопись (М.; Ин-т ист. СССР АН СССР); Водарский Я. Е., Кабузан В. М. Города России в второй половине XVIII - середине XIX в.: (К вопросу о типологии) // Феодализм в России: Тез. докл. и сообщ.: Юбил. чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения акад. Л. В. Черепнина. М., 1985; Водарский Я. Е. Русский город в эпоху феодализма: (К пробл. горообразования) // Феодализм в России: Сб. ст. и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 1987; Голиков Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII - начала XVIII в. М., 1982; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; Он же. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988; Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. 1988.

14 Русский город. М., 1976-1986. Вып. I-8; Генезис и развитие капиталистических отношений на Урале. Свердловск, 1980; Историческая география России XVIII в. М., 1981. Ч. I: Города, промышленность, торговля; Сибирские города XVII - начала XX в. Новосибирск, 1981; Регион Д. Я. Очерки изучения сибирского города конца XVII - первой половины XVIII в. Новосибирск, 1982; Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала: Промышленность в досоветский период. Свердловск, 1982; Промышленность Сибири в феодальную эпоху (XVII - середина XIX в.). Новосибирск, 1982; Емельянов Н. Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984; Промышленность и торговля в России XVII-XVIII вв. М., 1983; Город и деревня Сибири в досоветский период: Бахрушинские чтения, 1984. Новосибирск, 1984; Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984; Торговля, промышленность и город в России XVII - начала XIX в. М., 1987.

15 Преображенский А. А. Город, деревня и государственная власть в России в XVII-XVIII вв. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: Проблемы взаимодействия. Свердловск, 1986. С. 5, 13.

16 Алехиренко П. К. Чумной бунт в Москве 1771 г. // Вопр. истории. 1947. № 4; Он же. Классовая борьба, политическая жизнь и общественная мысль Москвы // История Москвы. М., 1953. Т. 2; Бернадский В. Н. Классовая борьба в русском городе в третьей четверти XVIII в. // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А.И.Герцена. Л., 1957. Вып. 131; Он же. Очерки истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII в. // Там же. Л., 1962. Вып. 229; Рындзюнский П. Г. Города // Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957; Кафенгауз Б. Б. Город и городская реформа 1785 г. // Там же; Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города; Крестьянская война в России в 1773-1775 годах: Восстание Пугачева. Л., 1961. Т. I.

17 Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй четверти XVIII в. С. 197.

18 Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. С. 64.

19 Алехиренко П. К. Чумной бунт в Москве 1771 г.; Бернадский В. Н. Классовая борьба...

20 Бернадский В. Н. Очерки истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII в. С. 32, 77-78.

21 Бернадский В. Н. Классовая борьба... С. 242.

22 Там же. С. 266.

23 Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. С. 461, 453.

24 О времени крестьянской войны М. Ф. Прохорову принадлежит статья "Отголоски восстания Е. И. Пугачева в Москве" (Русский город. М., 1976).

25 Прохоров М. Ф. Московское восстание в сентябре 1771 г. // Русский город. М., 1979. Вып. 2. С. 134; Ковалев А. В. Мануфактурные рабочие Москвы 1771 г. // Торговля, промышленность и город в России XVII - начала XIX в. С. 133-155; Леонидов В. В. Московское восстание 1771 г. в свидетельствах современников // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 182-197.

26 Долгова С. Р. Записки очевидца о чумном бунте в Москве в 1771 г. // Сов. арх. 1976. № 6.

- 27 П р о х о р о в М. Ф. Московское восстание... С.140.
- 28 Там же. С.139, 140.
- 29 В о л к о в М. Я. Формирование городской буржуазии в России ХУП - ХVIII вв. // Города феодальной России. С.186, 187.
- 30 Там же. С.197, 198.
- 31 П о д ъ я п о л ь с к а я Е. П. Об участии городских низов в Булавинском восстании // Города феодальной России. С.371.
- 32 Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Т.1. Раздел "Историография Крестьянской войны 1773-1775 годов в России". С.129-181.
- 33 П о к р о в с к и й М. Н. Новые данные о пугачевщине // Вестн. Ком. акад. 1925. Кн.12. С.227-229.
- 34 Там же. С.229, 235.
- 35 Пугачевщина. М.; Л., 1926. Т.1. С.4.
- 36 Там же. С.13.
- 37 П о к р о в с к и й М.Н. Неправда об историках-марксистах // Историк-марксист. 1927. № 3. С.219.
- 38 П о к р о в с к и й М. Н. К вопросу о пугачевщине // Там же. 1932. № 1/2 (23/24). С.75-77.
- 39 М е е р с о н Г. Е. Ранняя буржуазная революция в России: Пугачевщина // Вестн. Ком. акад. 1925. Кн.13; О н же. К историко-социологическому спору о пугачевщине // Учен. зап. пед. фак. Сарат. ун-та. Саратов. 1929. Т.7, вып.3. Отд. отт.
- 40 П и о н т к о в с к и й С. Историография крестьянских войн в России // Историк-марксист. 1933. № 6.
- 41 С и м о н о в С. Пугачевщина. Харьков. 1931; С а в и ч А. А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в ХVIII-ХХ вв. М., 1931.
- 42 Т о м с и н с к и й С. Г. Роль рабочих в пугачевском восстании // Красная новь. 1925. № 2. С.180, 181; О н же. О характере пугачевщины // Историк-марксист. 1927. № 6; Пугачевщина. М.; Л., 1931. Т.3. С.Ш-УШ.
- 43 Ф и р с о в Н. Н. Разин и разинщина. Пугачев и пугачевщина. Казань, 1930; О н же. Чтения по истории Сибири. М., 1921. Вып.2. С.53.
- 44 М а р т и н о в М. Н. Пугачевское движение на заводах Прикамского края // Крепостная Россия. Л., 1930. С.179; О н же. Против буржуазной тенденции в советской исторической науке: (По поводу книги С.И.Тхоржевского "Пугачевщина в поместьской России") // Пробл.марксизма. 1930. № 56.
- 45 Т х о р ж е в с к и й С. И. Пугачевщина в поместьской России: Восстание на правой стороне Волги в июне-октябре 1774 года. М., 1930. С.144, 150, 177; О н же. Социальный состав пугачевщины // Труд в России. 1925. Кн.1. С.177.
- 46 Т х о р ж е в с к и й С. И. Крестьянство и пугачевщина: К вопросу о социальном содержании пугачевщины // Зап. науч. о-ва марксистов. 1928. № 4. С.73.
- 47 Т х о р ж е в с к и й С. И. Пугачевщина в поместьской России. С.179.

48 К у ш е в а Е. Н. Саратов в третьей четверти XVIII века. Саратов, 1928. С.56.

49 П о к р о в с к и й С. А. Политические и правовые взгляды С.Е.Десницкого. М., 1955. С.21, 22.

50 М а р т и н о в М. Н. Пугачевское движение на заводах Южного Урала // Зап.науч. о-ва марксистов. 1928. № 1/2; О н же. Пугачевское движение на заводах Прикамского края; О н же. Саткинский завод во время восстания Емельяна Пугачева // Ист. зап. М., 1956. Т.58; С е р г е е в а Н. И. Крестьяне и работные люди заводов Южного Урала в Крестьянской войне 1773-1775 гг.: Дис. ... канд. ист.наук. Л., 1953; С о т Л. Ш. Крестьянская война 1773-1775 гг. в районе Пермских заводов: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954; А л е к с а н д - р о в А. И. Участие народных масс Южного Урала в Крестьянской войне под руководством Е.И.Пугачева. Челябинск, 1957; У ш а к о в И. Ф. Работные люди Белорецкого завода в Крестьянской войне 1773-1775 гг. // История СССР. 1960. № 6; История рабочего класса СССР: Рабочий класс России от зарождения до начала XIX в. М., 1983; и др.

51 А к и м о в а Т. М., А р д а б а п к а я А. М. Очерки истории Саратова (ХVII и ХVIII вв.). Саратов, 1940; З е в а к и н М. Пугачев в Саранске // Лит. Мордовия. 1952. № 6(10); Р и с л я - е в Л. Д. Пугачев в Саратове // Вестн. ЛГУ. Сер. истории, яз. и лит. 1962. № 8, вып.2; О н же. Восстановление содержания саратовского указа Пугачева и датировка двух его указов к донским казакам // Учен. зап. Псков. пед. ин-та им. С.И.Кирова. 1964, № 21; К у р м а ч е в а М. Д. Города Среднего Поволжья в восстании под предводительством Е.И.Пугачева // Города феодальной России; и др.

52 А и д р у щ е н к о А. И. Ирбитская торговая слобода и пугачевское восстание // Города феодальной России. С.477, 478; О н же. Крестьянская война 1773-1775 гг. на Янике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С.230, 231.

53 Крестьянская война в России в 1773-1775 годах: Восстание Пугачева. Л., 1970. Т.3. С.343-347.

54 О в ч и н н и к о в Р. В. Манифести и указы Е.И.Пугачева: Источниковед. исслед. М., 1980; Г в о з д и к о в а И. М. Салават Юлаев: Исслед. документ. источников. Уфа, 1982; П р о н ш т е й н А. П., М и н и н к о в Н. А. Крестьянские войны в России ХVII-XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., 1983; и др.

55 Для более раннего периода эта проблема ставится в статье В.М.Соловьева "К вопросу об участии городского населения в Крестьянской войне под предводительством С.Т.Разина" (История СССР. 1982. № 2).

56 П о б е р е ж н и к о в И. В. Влияние города на идеологию классового протеста крестьян Западной Сибири в ХVIII в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. С.60.

57 Там же. С.64.

58 П р о х о р о в М.Ф. Влияние городских низов и разночинцев на классовую борьбу крестьян России в середине ХVIII в. // Русский город. М., 1986. Вып.8. С.133, 134.

59 Там же. С.154.

60 Б у г а н о в В. И. О характере и исторической роли городских восстаний в России ХVII в. // Феодализм в России. С.280.

61 ЦГАДА. Ф.6. Д.425. Л.56-143, 149-165 об.

62 Там же. Л.30-50.

63 Там же. Д.468. Л.69-75, II7-I20 об.

64 Там же. Ф.349. Оп.1, ч.2. Д.7287. I774 г. Л.1-8.

65 Там же. Ф.6. Д.453. Л.1-93.

66 ЦГАДА. Ф.7. Д.2428.

Г л а в а П. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДА

Вторая половина XVIII в. – важный этап в истории городов Российской государства. Это время, когда более интенсивно развивался новый тип городов, город становился не только средоточием ремесла и мелкой торговли, что наблюдалось в предшествующий период, но начал приобретать значение хозяйственного центра с развивающейся мануфактурной промышленностью, с соответствующей эпохе общественной и культурной жизнью.

Город – сложное историческое явление, и это в значительной степени объясняет трудности в определении его дефиниций. С ними сталкиваются историки не только ранних периодов, но и новейшего времени. В своем исследовании А.В.Баранов пишет, что город – многостороннее образование и он может рассматриваться под разным углом зрения; при определении понятия "город" недостаточно учитывать только род деятельности населения. Среди многих "городских" признаков немаловажное значение, с точки зрения автора, имеет численность жителей¹.

Неоднозначно определяют понятие "город" и исследователи истории позднефеодального города. Ими высказываются разные мнения по вопросу о том, какие поселения следует считать городами. Большая часть исследователей отмечает, что понимание города как юридической категории является узким. Разделяя мнение о том, что развитие промышленности и торговли, обособление их от земледелия являются факторами городообразования, М.Я.Волков в то же время замечает, что это не должно вести к недооценке или игнорированию одного из важных показателей – юридического положения того или иного населенного пункта и его жителей.

Я.Е.Водарский и В.М.Кабузан полагают, что типизировать город по их функциям, т.е. выделять города как экономические, административные, культурные, торговые, оборонные центры по преобладающей функции (работы Ю.Р.Клокмана, В.В.Карлова) можно в целях конкретных исследований истории города. Но типология по функциям является, указывают они, "неполной как в отношении самих функций, так и в отношении хронологических периодов". Высказывается мнение (П.Г.Рындзюнский, Я.Е.Водарский), что экономического критерия при отличии города от деревни недостаточно, должно быть еще наличие посадской общины и, возможно, учет численности населения. Нельзя не признать справедли-

вым вывод авторов коллективной монографии (В.И.Буганов, Ю.А.Тихонов, А.А.Преображенский), что при всей сложности горообразовательных процессов социальные и экономические факторы были решающими².

Рост городов – историческое прогрессивное явление. Только за время проведения городской реформы в царствование Екатерины II список городов пополнился 216 названиями. И хотя не все они были городами в социально-экономическом отношении, эта цифра свидетельствует о развитии городов во второй половине XVIII в. Всего, по официальным сведениям на 1787 г., в России было 499 городов³.

В изучаемый период наряду с крупными городами, центрами промышленности и торговли были и городские поселения, экономика которых в значительной степени имела земледельческий характер, что свидетельствовало о незавершенности процесса отделения промышленности от сельского хозяйства, города от деревни.

Далеко не все поселения, развитые в экономическом отношении, становились городами с юридической стороны. Особенно это относилось к частновладельческим слободам и селам, добиться которым официального перевода в разряд городов было крайне трудно.

Сословная структура русского общества определяла и состав населения городов. Оно было чрезвычайно пестрым. О численности населения городов обобщенные данные содержит таблица, составленная В.М.Кабузианом (табл. I).

Таблица I^x

Группа населения	1744 г.		1782 г.	
	абс.	%	абс.	%
Городские сословия	565,3	44,9	862,1	35,0
Прочие, в том числе:				
дворяне	–	–	64,2	2,6
духовенство	302,1	24,0	61,9	2,5
прочие неподатные			35,0	1,4
чиновники	28,7	2,2	57,2	2,3
Крестьяне	217,6	17,3	797,2	32,4
в том числе:				
государственные	170,3	13,5	557,6	22,6
частновладельческие	21,1	1,7	169,5	6,9
дворцовые	14,3	1,1	35,5	1,5
церковные (экономические)	11,9	1,1	34,5	1,4
Военнослужащие	75,2	6,0	586,1	23,8
Разночинцы (податные)	70,0	5,5	–	–
Итого прочих сословий	693,6	55,1	1601,6	65,0
Всего городских жителей	1258,9	100	2463,7	100

^x Водарский Я. Е. Кабузиан В. М. Города России во второй половине XVIII–середине XIX в.: (к вопросу о типологии) //Феодализм в России: Тез.докл. и сообщ.: Юбил. чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения акад. Л.В.Черепнина. М., 1985. С.130.

В монографии Ю.Р.Клокмана приводится таблица численности и удельного веса посадского населения по отдельным губерниям в 1769 г. (табл.2).

Табл.2 показывает, что городское население распределялось на территории России неравномерно. Из губерний, территории которых была охвачена восстанием под предводительством Е.И.Пугачева, наибольший процент посадского населения приходился на Казанскую губернию (9,6%), затем следуют Воронежская (6,4%) и Нижегородская (3,2%). В целом же из 12 губерний России, по которым приведены данные, Казанская губерния занимала четвертое место, уступая Московской, Новгородской и Белгородской губерниям. В отдаленных от центра губерниях – Астраханской и Оренбургской – удельный вес посадского населения был незначительным (соответственно 2,1 и 1,3%).

Суммируя данные по Казанской, Оренбургской, Нижегородской, Астраханской губерниям, получаем общую цифру посадского населения, составляющую 36 728 душ. муж.пола, или 16,2% от посадского населения 12 губерний России. Таким образом, в городах зоны восстания проживала почти пятая часть посадского населения России.

Таблица 2^х

Губерния	Число душ муж.пола	
	абс.	%
Московская	73 265	32,1
Новгородская	29 665	13,1
Белгородская	25 546	11,1
Казанская	21 747	9,6
Воронежская	14 826	6,4
Архангельская	11 888	5,3
Смоленская	9 402	4,1
Нижегородская	7 055	3,2
Астраханская	4 858	2,1
Оренбургская	3 062	1,3
Петербургская	2 517	1,1
Сибирская	24 136	10,5
И т о г о	227 967	100,0

^х Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVII века. М., 1967. С.32.

Население городов делилось в основном на две части. К первой принадлежали посадские люди, получившие в 20-е годы XVIII в. новое название – купечество, и цеховые, в число которых вошли бывшие городские бобыли, частично служилые люди по прибору и некоторые посадские люди. В городах с "указными" мануфактурами в эту же часть городских жителей входили приписные работные люди, а в окраинных городах – и

бывшие служилые люди, зачисленные в однодворцы, и другие категории податного населения, оторванные от земледелия и занятые в промышленности и торговле. Все эти категории горожан составляли постоянное податное население города, обладавшее определенным правом гражданства.

Ко второй части городских жителей принадлежали "пришлые люди", т.е. выходцы из других городов и уездов, не являвшиеся полноправными из-за отсутствия прав городского гражданства. Пришлые люди состояли главным образом из крестьян-отходников, приток которых особенно усиливался зимой, в свободное от полевых работ время. Они добывали средства к жизни работой по найму, ремеслом и мелочной торговлей. Эти "временные" горожане (по определению В.И.Ленина) оставались в городах иногда в течение многих лет.

На зимнее время в города устремлялись и дворянские семьи в сопровождении своих многочисленных дворовых людей.

Торгово-ремесленное население, составляя часть жителей города, объединялось в посадскую общину, замкнутую сословную общность этой категории горожан. Последних отличали наследственность принадлежности к посаду, профессиональный характер, особые повинности и платежи. Купечество, организованное в гильдии (первую, вторую, третью), и ремесленники, ставшие членами цехов (мастера), назывались "регулярными гражданами" городов. Купеческое сословие в 20-80-е годы, по существу, было единственным сословием горожан, имеющим почти монопольное право на занятия торговлей и промышленностью. Остальное население, которое входило в посадскую общину, но оставалось за пределами "регулярных граждан", - это жители города, "обращающиеся в наймах и черных работах". В Главном регламенте они названы "поддыми людьми", как находящиеся "ниже остальных групп или под ними"⁴.

Сословная неоднородность сочеталась с имущественным неравенством. В 60-х годах XVIII в. крупные и мелкие торговцы составляли 42,6% посадского населения; лица, занятые мастерством, - 15,4; живущие черной работой - 42%, т.е. на ремесленников и работных людей приходилось более половины всего посадского населения.

По данным Главного магистрата, в 1765 г. купечество делилось по гильдиям следующим образом: в первую гильдию входило 9,3 тыс. купцов (7,1%), во вторую - 32 тыс. (24,7%) и в третью - 88,3 тыс. (68,2%); часть купечества (53,9 тыс.) по гильдиям не была разбита. Купцы первой гильдии, наиболее богатые, вели широкую торговлю не только в своем городе, но и в других губерниях и за границей. Купцы третьей гильдии были мелкими торговцами, а в большинстве наемными рабочими, мелкими землевладельцами, сидельцами в купеческих лавках и ремесленниками⁵.

Сила купцов и довольно значительная роль в экономической жизни определялась не их количеством, которое было незначительным (2,48% всего податного населения России в 1766 г.), а размером купеческого

капитала, росту которого способствовало, несмотря на некоторые отступления, монопольное право на торговлю⁶.

Тот факт, что среди купечества было немало лиц, лишь юридически состоявших в этом сословии, а фактически по характеру своей производственной деятельности не связанных с ним, подтвердилось во время проведения податной реформы 1775 г., когда произошел отсев из купечества несостоятельной его части в мещанско⁷е сословие.

Городской буржуазии купеческого сословия противостояла масса бесправных наемных работников, абсолютное большинство которых не принадлежало к постоянному городскому населению, т.е., как указывал М.Я.Волков, нарождавшаяся городская буржуазия противостояла не разорившимся членам своего сословия (их было мало), а бесправной массе пришлых людей, преимущественно крестьян-отходников, устремившихся в города на заработки⁸.

Торговля во второй половине XVIII в. характеризуется тем, что она начала терять сословный характер, в нее широко включались крестьяне, а также помещики. В тот период заметно расширилась роль торгующих крестьян. Они выступали серьезными конкурентами купечества. Торгующие крестьяне – порождение периода разложения феодально-крепостнических отношений, роста товарности феодального хозяйства. Процесс расслоения крестьянства приводил к выделению богатой верхушки, для которой торговля становилась основным занятием и средством дальнейшего обогащения. Помещики, получая с богатых крестьян большие оброки и берегая свои владельческие права, не были заинтересованы в отпуске их на волю даже за выкуп в несколько тысяч рублей. Однако слой торгующих крестьян рос, и это приводило к подрыву монополии купечества на ведение торговли.

Правительство вынуждено было считаться с возраставшим значением купечества и городов в экономической жизни страны. Отсюда меры поощрения торговли и промышленности, политика меркантилизма и таможенно-го протекционизма, направленные на укрепление экономики страны и отвечающие интересам формировавшейся русской буржуазии.

Правовое положение посадского населения определялось рамками феодально-крепостнического строя. Власть в городах осуществлялась городовыми магистратами в лице выборных президентов, бургомистров и ратманов. Они являлись сословными органами с финансовыми, судебными и полицейскими функциями. После восстановления в 1743 г. Главного магистрата, магистраты вновь перешли в его подчинение.

Помимо магистрата в XVIII в. продолжал действовать посадский сход, или собрание посадского населения. Сход избирал посадского старосту, который совместно с гильдейскими старшинами действовал от лица посада. Сходу принадлежало право избрания членов магистрата, а также должностных лиц для службы, казенных сборов, в порядке круговой поруки. Существовавший закон допускал избрание в члены магистрата только первостатейных и "пожиточных" горожан; отсюда следовала соот-

ветствующая ориентация деятельности этого "верхнего этажа" посада. На посадских сходах решались вопросы благоустройства города и его мирского хозяйства⁹.

Но в действительности городское управление не играло самостоятельной роли, оно зависело от местной администрации, проводящей политику господствующего дворянства.

После реформы налогового обложения, пришедшего на смену подворному обложению, посадские люди стали платить подати: 80 коп. - подушную и 40 коп. - оброчную. В течение века подушная подать с посадских, как и с крестьян, увеличивалась, и недоимки по ее сбору росли со "всей посадской России"¹⁰. Подушную подать, как и остальные повинности, платили под круговой порукой посада; каждая посадская община была обязана уплатить сумму в зависимости от числа душ, но мирская раскладка внутри посада производилась в зависимости от зажиточности того или иного члена посада - по имуществу, тorgам и земле. С помощью мирской раскладки налогов власти добивались гарантии более исправного поступления податей в казну.

В 1775 г. правительствошло навстречу интересам нарождавшейся буржуазии и заменило для купечества^X подушную подать процентным сбором с объявленного капитала¹¹. Это было уже отходом от феодальной системы взимания налогов.

В 1744 г. был издан указ, который разрешал переход из одного посада в другой с санкции Главного магистрата¹². Осуществление права перехода из одного посада в другой было связано со сложной процедурой прохождения многих инстанций. Посадская община бдительно следила за тем, чтобы ее члены, особенно состоятельные купцы, не уходили, так как это нарушало установленную раскладку натуральных повинностей и денежных сборов. Ограничивалось не только изменение принадлежности к тому или иному посаду (переход), но и свобода передвижения посадских людей. Даже временный отъезд из города на расстояние свыше 30 верст разрешался только при наличии паспорта. Выдача же паспорта Главным и местными магистратами или ратушами производилась только при проверке задолженности и уплате получателем всех сборов и податей на период его отсутствия. Вместо денег допускалось поручительство в уплате податей. Существующий порядок затруднял выезд из города, и это сказывалось на деятельности граждан, и прежде всего на положении беднейшей части обывателей городов, средством существования которых было отходничество на заработки.

Значительную роль во взаимоотношениях государства с населением посадов играл земельный вопрос. Принятие закона о секуляризации церковных земель 1764 г. привело к ликвидации последних остатков духовного землевладения в городах (Тихвине, Осташкове и др.). Но это не

^X С мещан и цеховых подушная подать отменена в 1863 г.

привело к увеличению площади городской земли – земельные участки, ранее принадлежавшие монастырям, перешли в ведение Коллегии экономии.

Жители городов, как и раньше, были заинтересованы в земле, особенно города, в которых торговое огородничество и садоводство, разведение мясного и молочного домашнего скота составляло основу хозяйственной деятельности. Этим объясняется то обстоятельство, что многие городские наказы в Уложенную комиссию 1767 г. содержала жалобы на недостаток земли для нужд городов. В земле нуждались ремесленники, торговцы, купцы, занимавшиеся промышленным предпринимательством, – для размещения своих предприятий, лавок, складов, жилых домов. "В необеспеченности горожан землей проявлялась зависимость города от феодального режима", – отмечают исследователи, специально разрабатывающие проблемы истории городов.

Ю.Р.Клокман в своей книге оценивал претензии горожан на землю как "феодальные по своей природе, они свидетельствовали о том, что города были еще тесно связаны с феодальной экономикой". Однако при этом он справедливо указывал на необходимость различать земельные требования горожан – требования на землю под выгон для скота, пашню и города от требований земли для организации промышленных предприятий, лавок и складов. Последнее указывало на очевидный экономический рост городов¹³.

Во второй половине XVIII в. продолжала существовать такая форма зависимости посадского населения, как отдача "в зажив"¹⁴, когда несостоятельный должник передавался в работу кредитору за уплату долга с процентами (указ от 19 июля 1736 г.). Долговая кабала была одной из самых тяжелых сторон жизни малоимущего населения. Несостоятельность в уплате долга влекла за собой опись имущества должника и продажу его с торгов. Если вырученной от продажи суммы не хватало для уплаты долга, то должник отдавался "в зажив" кредитору или постороннему лицу. Половина его заработка шла на уплату долга, а другая половина на уплату податей. Е.Н.Кушава, впервые изучившая эту форму зависимости, установила, что сроки работы продолжались от нескольких месяцев до 50 лет и более¹⁴. Яркие примеры отдачи "в зажив" в Балахне (1776 г.), Нижнем Новгороде (1778, 1788), Арзамасе (1783 г.) приведены в "Действиях Нижегородской ученой архивной комиссии"¹⁵.

Из наказов в Уложенную комиссию 1767 г. узнаем, что существовали и иные формы зависимости, фиксируемые правительственным законодательством. Жители артиллерийской слободы г.Серпухова, в подавляющем большинстве кузнецы, указом Сената 1760 г. были исключены из купеческого сословия и уравнены в подушном окладе с черносотными крестьянами; взимаемый с них подушный оклад увеличивался с 1,1 до 1,7 руб. При этом в отличие от крестьян они не получали "пашенных, луговых и никаких земель и угодий"¹⁶.

¹³ Отменена 8 октября 1834 г. (ПСЗ-П. Т.9, № 7443).

В зависимость попадали не только несостоятельные горожане. В таком положении оказались, например, посадские люди, работавшие на мануфактурах по вольному найму и в силу указа от 7 января 1736 г. "вечно" закрепленные за мануфактурами. Данное положение в 1744 г. было подтверждено: работные люди, внесенные в перепись 1736-1737 гг., объявлялись прикрепленными к мануфактурам.

На посадское население, как и на крестьян, распространялась рекрутская повинность. И хотя посады нередко в обход закона, прибегали к найму рекрутов, купечество просило восстановить право, данное ему Петром I, и заменить рекрутчину денежным взносом. Некоторая часть тяглого населения городов, в частности купечество, поступала работать на мануфактуры с целью избежать рекрутской повинности. Правительство указом от 6 мая 1759 г. объявило, что купцы, работавшие на мануфактурах, не освобождаются от рекрутчины.

Удовлетворяя потребности заводовладельцев в рабочей силе, правительство не останавливалось перед припиской к заводам жителей городов¹⁷.

В течение всего XVIII в. продолжало практиковаться переселение посадских людей, чаще всего в связи с основанием новых городов (например, Петербурга, Оренбурга). "Для заведения купечества на новых местах" вызывались "охочие переселенцы" из разных посадов или переводилось по наряду определенное количество посадских людей ("административные переводы"). По мнению А.А.Кизеветтера, принудительные переселения были "экстренной мерой", правительство постепенно утрачивало веру в ее "целесообразность"¹⁸, поэтому они не имели широкого распространения по сравнению с переходами посадских людей по собственной инициативе.

На город XVIII в. давил и такой феодальный институт, как исполнение жителями посада различного рода повинностей, а также обязательная служба посадских людей. Помимо уплаты подушной подати они должны были нести повинности как внутри города, так и за его пределами, а это требовало времени и отрыва от занятий торговлей и промыслами. Отмена внутренних таможен (1754 г.), которая ликвидировала мелочные сборы, утверждение системы винных откупов (1 августа 1765 г.) привели к сокращению служб посадского населения. Но их обременительность давала себя знать, о чем свидетельствуют городские наказы в Уложенную комиссию, содержавшие жалобы, особенно в части несения службы при государственной продаже соли.

Тяжелым бременем ложилась на плечи населения города постайная повинность. Дворяне, духовенство, мануфактуристы и купцы, бравшие государственные подряды и откупы, освобождались от постоев, поэтому в основном гарнизоны городов, воинские части располагались в домах низших слоев посадского населения. Кроме того, исполнение этой повинности усугублялось тем, что имели место злоупотребления верхушки посада в отбытии очередности постоев.

Нелегкой для малоимущих слоев посадского населения была и подводная повинность, обязывающая поставлять подводы на пересылку рекрутов, перевоз военных и других казенных грузов и т.п.

Наконец, рассматривая условия развития города, нельзя не учитывать царивший в нем произвол местных властей и дворян. О приниженнем положении посадских людей в вопросах права и суда в сравнении с представителями господствовавшего класса говорят многочисленные материалы Главного и местных магистратов XVIII в.

Правительство до середины 40-х годов стояло на страже сословных интересов городского купечества и всячески ограничивало развитие крестьянской торговли. Но затем позиции несколько меняются. Вслед за указом от 7 июля 1743 г., подтверждавшим запрещение крестьянской торговли и в связи с этим вызвавшим ряд выступлений монастырских крестьян, правительство издало указ от 13 августа 1745 г. По этому указу крестьянам разрешалась торговля вне городов ограниченным кругом товаров на небольшую сумму.

Проведенная в 1754 г. отмена внутренних таможенных пошлин и ряда других сборов уравняла в обложении всех торговцев и создала более благоприятные условия для втягивания крестьянства в рыночные отношения.

Одновременно делались шаги к ликвидации ограничений развития крестьянской промышленности. Отмена ограничений коснулась не только традиционных отраслей крестьянского производства (выработки холста, веревок, канатов и др.), но и тех отраслей, которые начали развиваться под влиянием "указных" мануфактур (сусального, шелкоткацкого, хлопчатобумажного и др.).

Эти меры задевали сословные интересы городского купечества, в том числе права "указных" мануфактурристов. Купцов-капиталистов волновали также требования дворянства, касавшиеся расширения прав на занятия промышленностью и торговлей.

Несмотря на существовавшие препятствия, приток крестьян в города рос. Крестьяне, занимаясь промысловой и торговой деятельностью в городах, добивались городского гражданства, т.е. юридического оформления своего фактического положения.

В указе от 13 февраля 1747 г. сказано: "Если кто пожелает быть в купечестве разных губерний и провинций из дворцовых, архиерейских, монастырских и помещиковых крестьян и прочих чинов... люди, то записываться в купечество (разрядка моя. - М.К.), по силе... указов, таких, которые в тех городах, где желают быть в купечестве, действительно торги и промыслы в свои дома, заводы и лавки имеют, и торгу своего на собственные свои деньги от пяти сот до трех сот рублей, а не меньше, по таможенным запискам доказать могут и по достоверному свидетельству от магистратов тех мест, где таковые в купечество записываться будут, совершенно явится, а кото-

рые торгов своих и промыслов... не докажут... таких впредь от сего указа не принимать и по деньгам в купечество не записывать"¹⁹.

Но добиться разрешения на запись в купечество было трудно. Этому препятствовало сохранившееся зависимое положение крестьян, а именно оно было основным источником пополнения посадской общины. Судьба крестьян находилась во власти помещиков, "мира", местной администрации.

Значительные трудности возникали и из-за чрезвычайной сложности процедуры оформления в городское гражданство, пройти и выдержать которую удавалось немногим выходцам из крестьянства. Они должны были не только найти поручителя из числа влиятельных горожан, но и после приписки к городу уплачивать подати по двум сословиям – городскому и сельскому до очередной ревизии, промежутки между которыми были немалые.

И тем не менее миграционные процессы происходили и в основном за счет деревенских жителей. С 1723 по 1762 г. в города из крестьян дворцового ведомства переселилось 4,5 тыс. душ муж. пола, из них 1,5 тыс. оформилось в купечество²⁰.

Господство крепостнических отношений не означало, что положение податного городского и сельского населения было одинаковым. Исследуя права горожан, П.Г.Рындзюнский раскрыл причину стремления бесправного крестьянства добиваться приписки в городское сословие. Имущественные права горожан (неприкосновенность движимого и недвижимого имущества), несмотря на ограничения, существовавшие при крепостном праве, юридически и фактически были гораздо более прочными, чем права крестьян. Уплатив подати и выполнив повинности в пользу государства, посадский человек мог заниматься промыслами, торговлей. Он не был связан крепостнической зависимостью от помещика. Поэтому крестьяне добивались приписки в городское сословие²¹.

Существование феодально-крепостнических порядков создавало такие условия для развития товарно-денежных отношений, при которых преимущественно рос торговый и ростовнический капитал²². В 20-80-е годы XVIII в., т.е. в период, последовавший за реформами первой четверти XVIII в., торгово-ростовнические занятия продолжали занимать значительное место в деятельности формирующейся буржуазии. Даже в доходах торгово-промышленной буржуазии весьма весомой была доля прибыли, которую давали ей торговые и ростовнические операции.

И тем не менее в 1762-1775 гг., к примеру, из 83 текстильных предприятий дворянами было основано 23 (27,7%), купцами – 49 (59%), крестьянами – 11 (13,3%). Городская буржуазия, отмечает М.Я.Волков, в целом оставалась экономически связанный с феодально-крепостнической системой и заинтересованной в сохранении многих ее сторон, так как это являлось важным условием ее обогащения. Для многих купцов – владельцев "указных" мануфактур это к тому же давало определенные

гарантии сохранения многочисленной категории приписных, купленных и других крепостных работников²³.

В историографии отмечается экономическая слабость и политическая незрелость формирующейся городской буржуазии и в связи с этим указывается, что она "нуждалась в сильном централизованном государстве, способном обеспечить безопасность и полицейский порядок внутри страны, осуществить по просьбе буржуазии меры, способные оградить ее от конкуренции иностранцев на внутреннем рынке и создать более благоприятные условия для развития торговли и промышленности"²⁴.

В свою очередь, феодально-крепостническое правительство в ряде вопросов шло навстречу формировавшейся буржуазии. Острая нужда в деньгах заставляла его искать поддержки торгово-промышленных кругов, так как значительную часть поступлений денег в бюджет составляли поступления от обложения сделок торгово-промышленного характера (таможенные пошлины, кабацкие сборы, пошлины с аренды, заклада, купля-продажа имущества, с договоров о найме рабочей силы и т.д.). Поэтому правительство принимало предложения городской буржуазии, особенно те, осуществление которых, не ущемляя интересов господствовавшего класса, давало увеличение денежных поступлений, например принятие Торгового устава 1653 г., Новоторгового устава 1667 г., отмена тарханов и т.д.

При обширности территории Российского государства, сложном этно-национальном составе его населения, влияния внешних факторов, особенно в пограничных с другими странами районах, позднефеодальные города имели существенные отличия в пределах даже одного хронологического периода²⁵.

Развитие городов Урала, Приуралья, а также Поволжья наряду с общими чертами их развития как торгово-промышленных центров имело некоторые особенности. Урал и Приуралье – это район, отличавшийся средоточием крупной мануфактурной промышленности. Наряду с дворянами-предпринимателями (Шуваловы, Чернышевы, Воронцовы) владельцами уральских заводов были крупные купцы (Якрулевы, Мясниковы, Твердышевы, Мосоловы, Осокины). Географическое положение многих других городов, их близость к границам вынуждали воздвигать укрепления и содержать значительные военные гарнизоны для их охраны. В то же время рост таких городов, как Оренбург, Троицк, Ирбит стимулировался ярмарочной торговлей.

Одни исследователи (например, Л.Е.Иофа) считают, что горная и металлургическая промышленность явилась базой развития ряда городов Урала. Другие (Ю.Р.Клокман), соглашаясь с этим, отмечают, что влияние интенсивного строительства заводов в первой половине XVII в. не следует преувеличивать. Городской элемент населения заводских поселков формировался прежде всего за счет ремесленников и купцов, а также беглых людей, т.е. всех тех, кто непосредственно не был связан с работой на заводе. Преобладание принудительного труда в уральской металлургии приводило к тому, что "не сама по себе работа на заво-

дах, а обслуживание многочисленного заводского персонала в торговом и ремесленном отношении стимулировало развитие городов"²⁶.

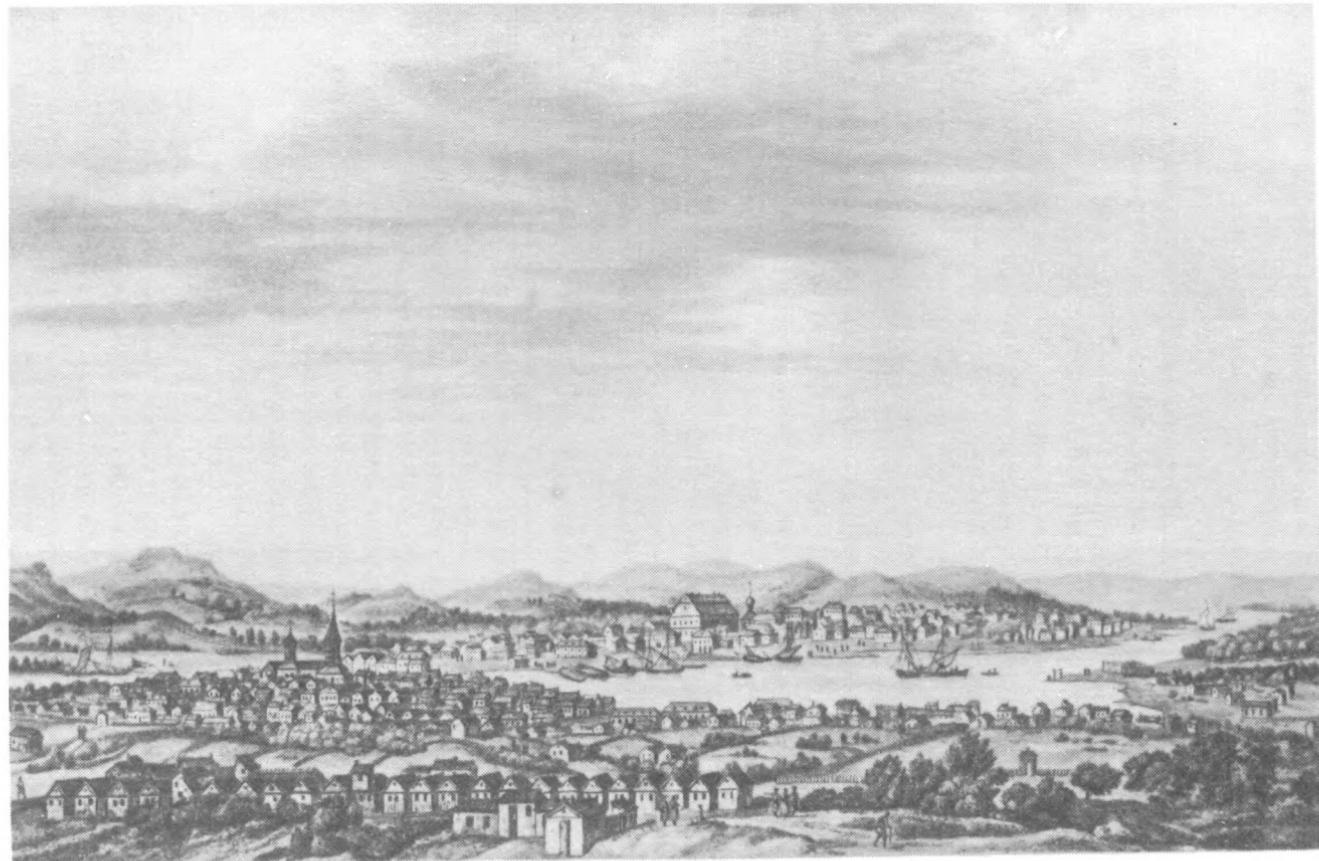
Особенностью развития Екатеринбурга, административного центра уральских горных заводов, являлось то, что администрация заводов распространяла свою власть на все население города, в том числе и на жителей посада, которые юридически не подчинялись ей. Это тормозило хозяйственное развитие города, ограничивало пополнение его населения, в частности купечества, за счет притока извне²⁷. Лишь в 70-80-х годах XVIII в. Екатеринбург из ведения горного начальства перешел под управление общегородских учреждений, что сказалось на его развитии, росте купечества.

Имели свою специфику города Оренбургской губернии. Возникали они, как крепости, в целях военно-феодальной колонизации этой обширной окраины Российской империи. В процессе хозяйственного освоения края ряд крепостей превратился в торговые пункты, и постепенно менялась социальная структура городов, возле которых росли посады, населенные ремесленниками и торговцами.

Возникновение городов Оренбургского края было связано с общим процессом социально-экономического развития России (с ростом всероссийского рынка и мелкотоварного производства, на базе которого развивались мануфактуры), с освоением Западной Сибири. Среди крепостей выделялся Оренбург, который постепенно становился не только административным, но и торговым центром края²⁸, центром меновой торговли России с Казахстаном и Средней Азией. Эти функции отличали строительство и развитие других городов-крепостей края. На укрепленной Оренбургской линии, протянувшейся на 1100 верст по среднему и верхнему Яику, Ую и Тоболу, по данным П.И.Рычкова, до 1759 г. было построено 23 крепости, главными из которых были Орская, Троицкая, Петропавловская²⁹.

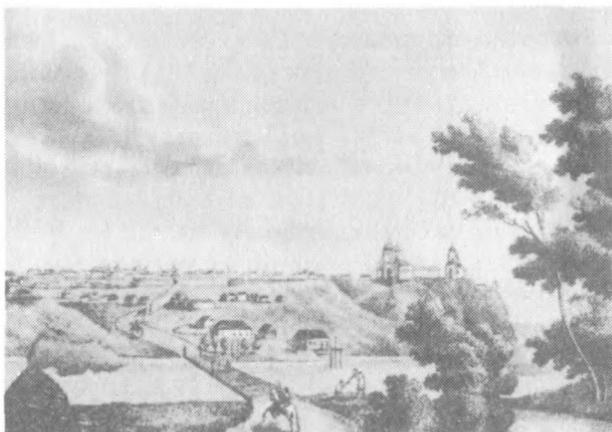
Особенности строительства и развития городов-крепостей Оренбургского края оказались как на их внешнем облике, так и на составе населения. Первыми поселенцами оренбургских крепостей были в основном военные люди, составившие их гарнизоны. Согласно особой "Инструкции" от 18 мая 1734 г. и привилегии, данной Оренбургу 7 июня 1734 г., поощрялось заселение нового города в первую очередь купцами и "мастеровыми людьми" с целью развития местного производства и торговли. В интересах дворянства и казны не разрешалось селиться в Оренбурге лишь крестьянам, платившим подушную подать, и беглым.

Переселенцам предоставлялись льготы: безвозмездное пользование землей, полученной под дворы и постройки, освобождение от постнойной повинности и пр. Для привлечения в Оренбург купцов было предписано не брать пошлины с их товаров в течение трех лет строительства города (1735-1738). Они освобождались от подушной подати, могли брать осуды из магистратских и других доходов на три месяца и пр. Однако заселение Оренбурга купцами шло медленно, так как их не очень привле-

Екатеринбург. Гравюра Нике по рисунку Леспинаса. 1760-е годы. ГИМ.

кал далекий, еще не освоенный край. Поэтому правительству пришлось продлить право беспошлинной торговли еще на три года (1739-1741). Чтобы восполнить недостаток "капитального" купечества в Оренбурге и создать вблизи крепости очаг земледелия для хлебоснабжения населения, правительство предписало поселиться около Оренбурга "особой слободой" казанским татарам "из числа людей добросостоятельных и торги производить могущих". При этом им были обещаны льготы и привилегии: потомственное и "неотъемлемое владение" землями с сенными покосами, "скотскими выгонами", охотничими и рыболовными угодьями, освобождение от рекрутских наборов и постоев. Так, в 1745 г. на р.Каргале, правом притоке Сакмары, в 18 верстах от Оренбурга возникла слобода Каргала, или Сейтов посад, получивший такое название по имени первого поселенца – казанского татарина Сеита Хаялина. По сведениям П.И.Рычкова, в Сейтовом посаде насчитывалось 300 дворов (1158 душ муж. пола). Основным занятием татар этой слободы была торговля в Оренбурге с купцами среднеазиатских городов. Обычно татары-торговцы Сейтова посада занимали первое место среди купцов, торговавших в Оренбурге. Например, в 1761 г. численность татар Сейтова посада, торговавших в городе, превышала число оренбургских купцов в 6 раз³⁰.

Оренбург. Гравюра А.Афанасьева начала XIX в. ГИМ.

В 1769 г. по удельному весу общей численности посадского населения Оренбургская губерния по сравнению с другими 12 губерниями стояла на 10-м месте (1,7%). В двух городах Оренбургской губернии, Уфе и Челябинске, в 1764-1765 гг. насчитывалось только 244 купца³¹. Из табели, составленной в 1767 г., во всех провинциях Оренбургской губернии значилось положенных в подушный оклад 1070 купцов (74 – в Оренбургской провинции, 367 – в Уфимской, 295 – в Исетской и 334 – в Ставропольской), что составляло примерно 0,06% населения губернии³². Население оренбургских крепостей состояло также из военных людей разных чинов, отставных солдат, казаков и небольшого числа ремесленников.

По данным депутатов Уложенной комиссии в Уфимском уезде торги и ярмарки проводились только в городах Уфе и Табынске, расположенных в 90 верстах один от другого. "При том же в обоих городах купечества весьма мало, да и то вовсе не капитальное"³³.

Как и многие другие категории населения Уфимской и Исетской провинций, казаки, уволенные от службы, вели торговлю без пошлин, занимались ремеслами³⁴. Депутат Уложенной комиссии г.Уфы Алексей Подъячев в своем "мнении" указывал, что "иноверцы и прочие разночинцы" в Уфимском уезде, не считаясь с существующими законами, имеют кожевенные заводы, причиняя купечеству "в этом промысле не малое помешательство"³⁵.

Некоторые города-крепости со временем обретали значение торгово-промышленных пунктов. Так, Кунгур уже к исходу второго десятилетия XVIII в. насчитывал значительный посад³⁶.

В Поволжье наиболее крупными городскими центрами были Казань, Нижний Новгород. Рост многих городов там определялся развитием торговли, в том числе транзитной. Их положение на реке Волге – основной торговой артерии России – влияло на хозяйственную деятельность этих городов.

Крупный промышленный и торговый центр Казань, к которой экономически тяготела значительная территория Среднего Поволжья, являлся центром суконной промышленности: в 80-х годах XVIII в. в нем проживало около 9 тыс. населения. В 1763 г. в городе насчитывалось 1046 купцов, в 1786 г. – 761 купец и 1619 мещан. Через 10 лет, в 1796 г., численность купцов цеховых и мещан значительно увеличилась. Купцов стало 1556, мещан и цеховых – 4461. Купечество, по данным третьей ревизии, составляло 18% посадского населения этого города³⁷.

Значение Казани определялось в значительной степени тем, что она играла роль посредника в торговле Европейской России со странами Востока: Турцией, Ираном, Средней Азией, а также с Сибирью. Наряду с русскими купцами деятельное участие в торговле принимали казанские татары. Татарские торговцы из Казани держали в 1782-1783 гг. в своих руках 3/4 всего оборота России со странами Средней Азии через Оренбург. Характер казанской торговли, ассортимент товаров в значительной степени определились развитием промышленности. Многие казанские купцы являлись хозяевами кожевенных, мыловаренных и других мануфактур. В 80-е годы XVIII в. в Казани насчитывалось 18 мыловаренных, 39 кожевенных предприятий, а также суконные, кумачевые и другие "фабрики"³⁸.

К концу XVIII в. наряду с распространением мелкотоварного производства развивалась мануфактурная промышленность и в Нижнем Новгороде. Возрастало торговое значение этого города в качестве областного рынка Среднего Поволжья, изменялся социальный состав населения за счет пришлого люда, главным образом крестьянства³⁹. Топографическое описание отмечало: "Нижний не столько славен богатым купечес-

вом, сколько пристанью, в которую всякий год для перегрузки, нагрузки и выгрузки бывают до 2500 судов разного рода"⁴⁰.

Несмотря на значительное место, которое занимало в Нижегородской губернии земледелие, близость промышленных центров страны, расположение ее у слияния двух важнейших торговых артерий страны – Волги и Оки, преобладание оброчной формы эксплуатации создавали условия для неземледельческих занятий населения крепостной деревни, облегчали развитие крестьянских промыслов, отходничества, торговли.

В Нижегородской губернии, кроме губернского центра, уездными городами были Арзамас, Алатырь, Юрьевец, Балахна, Курмыш, Ядрин. Среди уездных центров выделялся "нарочитый купеческий город" Арзамас, насчитывающий в 1774 г. 2210 купцов (источник включает сюда, видимо, и вообще городское население), затем следовали Балахна (1385), Юрьевец (884), Алатырь (425), Ядрин (420). Самой малочисленной эта категория была в Курмыше, где она насчитывала всего 78 человек⁴¹.

По словам современников, г.Курмыш по "бедности жителей и бедное имеет строение. Собственно говоря, граждан в нем почти совсем нет. Малое число купечества содержит себя работой и наймом". Большую часть населения составляли "хлебопашеством питающиеся... стрельцы, казаки и другие служивые люди". В Алатыре купечество было "не весьма зажиточно: торгуют мелочными товарами и наиболее всего питаются от хлебопашества"⁴². Как и Курмыш, этот провинциальный город имел земледельческий облик.

В наказах в Уложенную комиссию 1767 г. отмечалась возраставшая активность торгующего крестьянства и наличие большого числа торговых сел и слобод в разных районах России. В числе "знатных сел" Нижегородской провинции значились Лысково, Павлово, Мурашкино, Работки, Ворсма, Городец, Княгинино⁴³.

Данные о численности населения городов Пензенской губернии дают следующую картину состава населения Саранска в 1762 г. (третья ревизия): купцов – 134, мещан – 753, цеховых – 298, государственных крестьян – 1900, помещичьих дворовых людей – 236, всего населения – 3321 душа муж.пола.

По третьей ревизии (1762 г.) в г.Пензе проживало 187 купцов (душ муж.пола), 518 мещан, 143 цеховых, 2597 государственных крестьян, 332 помещичьих дворовых людей. Общее число жителей составляло 3777 душ муж.пола⁴⁴. В целом же в Пензенской губернии во второй половине XVIII в. торгово-ремесленное население составляло меньшинство среди городских жителей. Наиболее многочисленным оно было в Саранске – 1185 душ муж.пола, что составляло 35,6% по отношению ко всему городскому населению.

В других городах этот процент был меньше: в Инсаре к этой категории населения принадлежало 384 души муж. пола, или 27,9% всех жителей города, в Пензе – 848 (22,5%), в Верхнем Ломове – 243 души (13,3%).

Незначительным по численности было торгово-ремесленное население в Наровчате и Мокшанах (6-7%), в Краснослободске (3%), в Нижнем Ломове и Троицке (менее 0,5%). В Керенске оно вообще отсутствовало⁴⁵.

Основную же массу жителей в большинстве городов составляли государственные крестьяне, бывшие служилые люди по прибору, в деятельности которых главное место занимало сельское хозяйство, а в Краснослободске и Троицке – дворцовые крестьяне. В Саранске на долю земледельческого населения падало 57,2%, в Пензе – 68,7, в Инсаре – 72, в Верхнем Ломове – 84,3, в остальных шести городах – 94-99%.

Определенную часть населения составляли помещичьи дворовые люди. Больше всего их было в таких крупных и старых городах, как Пенза (8,7% всего населения), Саранск (7,1%). В Нижнем Ломове дворовые составляли 3,6% населения, в Верхнем Ломове – 2,1%.

Во всех городах, кроме Саранска, на протяжении последующих 30 лет, с начала 60-х до середины 90-х годов XVII в., выросла общая численность городских жителей. Но темпы этого роста были разные. Так, в Пензе торгово-ремесленное население увеличилось с 848 душ муж. пола в 1762 г. до 1564 в 1795 г., т.е. примерно в 2 раза, а его удельный вес в общей массе горожан поднялся с 22,5 до 30,8%. В то же время число крестьян увеличилось с 2597 до 2898 душ муж. пола, всего на 11,6%, а их удельный вес снизился с 68,7 до 57,1%. Более быстрый рост торгово-ремесленного населения по сравнению с земледельческим отмечался в Краснослободске, Троицке, Наровчате, Мокшанах, Нижнем Ломове и Верхнем Ломове. Снизилась общая численность (удельный вес тоже) торгово-ремесленного населения Саранска⁴⁶.

Основываясь на сводных данных, И.А.Булыгин приходит к выводу, что отличительной чертой городов Пензенской губернии являлось то, что они носили земледельческий характер. Большую часть их населения составляли крестьяне. Эта особенность предопределялась, считает он, происхождением городов данного региона как городов-крепостей, населенных служилыми людьми по прибору, которые в 20-х годах XVII в. составили один из разрядов государственных крестьян. В то же время отмечался рост торгово-ремесленного населения этих городов, начавшееся перемещение купеческих капиталов в промышленность.

Купцы г.Пензы владели, по данным топографических описаний первой половины 80-х годов, 5 мыловаренными и 5 кожевенными заводами. Обслуживались они небольшим числом наемных работников и больше были похожи на мастерские типа простой кооперации. В конце XVII – начале XIX в. в Пензе было 8 предприятий, в том числе полотняная фабрика, 2 кожевенных, 2 мыловаренных, свечной, пивоваренный и кафельный заводы. Полотняная фабрика Михаила Очкина представляла собой мануфактуру, где на 25 станах работало 82 человека. До 1803 г. на ней выделялось в год до 800 кусков полотна, которое продавалось в Петербурге и других городах⁴⁷. Цеховые ремесленники Пензы изготавливали столярные, кузнечные, слесарные, кожевенные, сапожные изделия.

Купечество Пензы торговало шелковыми, бумажными и шерстяными тканями, сукнами, галантерейными товарами, сахаром, чаем, кофе, иностранными фруктами и винами. Важное место в деятельности купечества занимали скупка и продажа хлеба. Товары получали в Москве, Петербурге, Казани, с Макарьевской, Ломовской, Юропинской, Корсунской и Саранской ярмарок, из Таганрогского и Астраханского портов. Некоторые брали казенные подряды по поставке соли и винные откупы.

Сохранились интересные записи голландского художника Корнелия де Круина, побывавшего в начале XVIII в. в Пензе и запечатлевшего внешний вид этого города: "Город очень большой и лежит на запад-юго-запад от реки Пензы и частью на горе: в нем есть кремль, довольно большой и обнесенный деревянной стеной с башнями. Улицы в нем широкия, и имеется несколько деревянных церквей. Он простирается значительно в длину, довольно красив и приятен по множеству деревьев, которыми окружен: многие дома лежат на другом берегу реки..."⁴⁸. В другом торгово-ремесленном центре – Саранске, по данным П.С.Палласа, "кроме немногих ремесленников и торговых людей живут пахари"⁴⁹.

В 1765 г. при посадских домах города числилось 12 кожевенных и 4 сыроятных полукустарных предприятия. Заметные сдвиги в состоянии городской промышленности относятся к 70-80-м годам XVIII в. По описанию Саранска 1784 г., в городе уже насчитывалось 45 кожевенных, 5 сыроятных и 15 мыловаренных заводов. На них работало по 10 и меньше мастеровых людей. В Саранске проживало 144 ремесленника (кузнецы, калачники, плотники, столяры). Распространенным занятием жителей Саранска в этот период, как и ранее, оставался "извоз по подрядам в разные города". Основным занятием большинства горожан по-прежнему было хлебопашество⁵⁰, но сравнительно с крестьянским оно имело большую ориентацию на рынок.

Саранское купечество торговало тканями и иностранными винами, которые привозило с Корсунской, Ростовской и Ломовской ярмарок. Оно поставляло на рынок воск, мед, мясо, сало и рыбу. Цехи занимались портным, крашенинным, оконным, рукавичным промыслами. Среди посадского населения Саранска выделялись первостатейные, имевшие промысловые заведения, загородные дворы и лавки, в которых эксплуатировался труд крепостных и наемных работников. Но в целом имущая прослойка среди купцов была немногочисленной и нестабильной по положению и капиталу⁵¹.

В остальных городах Пензенской губернии купцы торговали главным образом сельскохозяйственными продуктами: хлебом, мясом, маслом, мёдом, а мещане – пряниками и калачами⁵².

Г.Саратов, входивший ранее в состав Астраханской губернии, с 1769 г. стал административным центром вновь образованной Саратовской провинции. Саратов являлся центром вывоза эльтонской соли. В 1749 г. там было открыто (переведено из Самары) Соляное комиссарство, переименованное позднее в Низовую соляную контору.

С 1766 г. в связи с правительственной колонизацией Поволжья, переселением на берега Волги иностранцев Саратов стал центром иностранной колонизации Поволжья. В 1766 г. была учреждена в Саратове контора Опекунства иностранных. С 1780 г. Саратов – губернский центр.

Саратов, по отзыву посетившего его в 1769 г. акад. И.И.Лепехина, был одним из лучших провинциальных городов с прямыми улицами и хорошими торговыми рядами. Акад. И.П.Фальк после посещения Саратова писал: "Сей город, хотя и невелик, но выстроен правильно и хорошо. В нем довольно каменных домов, 7 церквей, 2 монастыря и несколько лавок, также каменных". Благоприятный отзыв о Саратове этого времени оставил нам П.С.Паллас⁵³. Путешественник писал не только о внешнем виде города, но и о росте его торгового значения, связанного с выгодным положением на торговых путях. Соль и рыба занимали основное место в торгово-промышленной деятельности Саратова.

"Соляная и рыбная пристани великолепное множество привлекают к себе народа, что служит немалой прибылью живущим в Саратове гражданам", – писал И.И.Лепехин⁵⁴. Соляные подряды, рыбные откупы были доходной статьей, в дележе которой саратовские купцы конкурировали с дворянами и иногородними купцами. Большое место в торговле Саратова занимали "щепетильные товары", а также скот, покупаемый в близкой калмыцкой степи.

Развивалась в Саратове мануфактурная промышленность. Имелись кннатные фабрики (одна из которых купца Мещанинова), шелковая фабрика, мыловаренный завод, селитренный завод (купца Федора Кобякова, к 1765 г. этот завод пришел в упадок и совсем запустел).

По материалам Уложенной комиссии 1767 г., Саратовский посад насчитывал 2421 душу муж. пола, из них 1190 купцов, 1231 цеховой⁵⁵. Что касается остальных групп ревизского населения, то, по данным Саратовского магистрата 1770 г., пахотных солдат числилось 927 душ муж. пола, бобылей – 1242, помещичьих крестьян, положенных в подушной оклад по г. Саратову, – 635, дворцовых крестьян – 637. Общая численность ревизского населения Саратова составляла 6 тыс. душ муж. пола. В действительности город имел значительно большее население, так как в названное число не были включены дворяне, духовенство и приказные служители, немецкие колонисты.

Как и в других городах, экономическое преобладание первостатейного купечества обеспечивало ему руководящую роль в управлении посадской общиной. Первенствующее положение на сходах Саратова занимали Петр Трумпецкий, Л.Прянишников, Аф.Мещанинов, Алексей Серебряков, Матвей Протопопов, Петр Шехватов, Мих.Баженов, Ив.Поляков, Ив.Скорняков, Мих.Арсков и др.⁵⁶ Благодаря своему влиянию они завоевывали благосклонность властей, что открывало простор для безнаказанных злоупотреблений властью этой наиболее имущей части горожан.

Члены магistrата (городского управления) – бургомистры, ратманды, ведавшие сбором налогов и судом посадских, выбирались, как правило, из среды первостатейных, редко – из второстатейных купцов.

Специфика Саратова состояла в том, что многие представители саратовского купечества второй половины XVII в., такие, как Трумпцикис, Лежневы, Протопоповы, по первой ревизии числились дворянами, ибо происходили от тех детей боярских, которые в XVII в. и начале XVIII в. служили в Саратове⁵⁷. Они перешли в купечество, соблазнившись высокими прибылями от занятой торговлей, особенно подрядами и откупами. К тому же многие цеховые ремеслами не занимались, они занимались ловцами и работниками на рыбные промыслы, занимались хлебопашеством.

Владея крепостными из калмыков и башкир^X, не положенными в подушный оклад, саратовские купцы легко могли обойти и указ Сената от 14 марта 1746 г., не только запрещавший купцам покупку людей с землей и без земли, но и предписывающий отобрать у них дворовых, купленных после первой ревизии.

В наказе Уложенной комиссии саратовские крестьяне жаловались на захват их земель помещиками и купцами и на обиды с их стороны: "Хотя саратовский округ по грамоте отведен был в 1701 году для граждан, но проживающие в городе Саратове служилые и отставные офицеры, городовые дворяне, купцы и приказные служители завладели по рекам самыми удобными пашенными и сенокосными местами и лесными угодьями, самевольно перевели на них своих крестьян и тем стеснили коренных жителей до такой степени, что для прокормления своего скота они вынуждены занимать у них в своем же круге луга; сверх того запрещают им пользоваться ласом и причиняют разного рода обиды"⁵⁸.

Первостатейные купцы пользовались немалыми льготами в отбывании посадских служб. Некоторые "фабриканты", солепромышленники совсем освобождались от несения их. Кроме того, знатные, зажиточные купцы могли нанимать за себя других купцов с обязанностью покрывать недоимки, если таковые окажутся. Зажиточные купцы имели преимущества и в отношении отбывания общих повинностей: воинской, постойной, подводной.

Городские головы, бургомистры, ратманды освобождались от обременительной постойной повинности. Что же касается посадских платежей, то несмотря на то, что основанием раскладки служила оценка пожитков, первостатейные через своих выборных бургомистров и ратманов всегда могли переложить большую часть их на менее имущие слои населения⁵⁹.

Небольшая группа дворян и купечества, сосредоточив в своих руках лучшие городские земли и все доходы от торгово-промышленной деятельности города: соляных подрядов, рыбных откупов, ростовщических ссуд,

⁵⁷ Согласно указу 1737 г., подтвержденному инструкцией 1743 г., разрешалось "калмыков и другие нации покупать, крестить и у себя держать без всякого платежа подушных денег только с одной запиской в губернских и уездных канцеляриях" (ПСЗ-1. Т.10, № 7438; Т.11, № 8836).

держали в полной от себя зависимости основную массу саратовского населения.

Своевобразие городов Астраханского края заключалось в отсутствии пашенного земледелия и в ловле рыбы, а также в добыче соли. Развитию городов Поволжья и в целом экономики края способствовал волжский речной путь – важнейшая магистраль, по которой шло движение товаров, производившихся и добывавшихся в разных частях России и ввозившихся с Востока⁶⁰.

С.М.Соловьев, оценивая общую обстановку, писал, что в "городах не было спокойно"⁶¹. В городе ХУШ в. давали о себе знать довольно сложные отношения. Горожане вели борьбу против феодальных пережитков, необеспеченности городского населения землей, ограничений посадского населения в правовом положении. Положенный в подушный оклад горожанин, в том числе и купец, в сознании дворянина был близок к крестьянству, поэтому попирание его прав и личного достоинства было довольно распространенным явлением, вынуждающим, как свидетельствуют материалы Уложенной комиссии 1767 г., требовать наказания, в частности за беочестие.

Выступления против привилегий дворянства свидетельствовали о нарастании противоречий между поднимавшимся классом купечества и феодалами. Но в истории русского города ХУШ в., указывал В.Н.Бернадский, более важное место, чем борьба посада с феодалами, занимала борьба внутри посада. Объективно борьба между разными слоями купечества была борьбой за распределение торговой прибыли. Верхушка купечества теснила маломощных купцов. "Иногда богатый купец настолько возвышался над городской общиной, что выходил из нее и эксплуатировал своих сограждан, уже не числясь в их посадской организации"⁶².

Высшее купечество не спешило выйти из городской общинны, и не всякий имел право на это. Оно пыталось, оставаясь в составе городской общинны, захватить в свои руки решение многих дел, касавшихся горожан. Городское управление разверстывало платежи, распределяло повинности, уточняло условия торговли, сдавало городские помещения для складов и магазинов и т.п. Городская община производила раскладку подушного оклада, падавшего на общину. Общий размер его определялся числом ревизских душ, но между дворами он разводился "по рассмотрению их в пожитках состояния". Число так называемых окладных душ, падавших на отдельный двор, не совпадало с числом ревизских душ в нем⁶³.

Владельцы крупных промышленных предприятий составляли привилегированную часть городского населения. Они пользовались различными льготами, часто не несли городских повинностей и оказывали большое влияние на жизнь города.

Бывало и так, что крупный промышленник не порывал с посадской общиной, платил по разверстке за многих подушные деньги, но зато подчинял своему влиянию магистрат. Так, крупный купец и фабрикант (суконная мануфактура) в Казани Дряблов платил подушные и другие мирские

сборы за неимущих со 100 душ и таким образом имел зависимых от него людей, послушно голосовавших за угодных Дрябову кандидатов⁶⁴.

Немало фактов, свидетельствующих о засилье богатого купечества, дают материалы наказов в Уложенную комиссию. В наказе жителей г. Сызрани сообщалось об одном из представителей этой категории купечества – Я.С.Петрове, который, освободившись от городских повинностей и от городского суда, продолжал прибегать к мерам грубого насилия. Купцы жаловались, что Петров многих купцов "захватывает к себе в дом и усилием своим и самовольно мучит в цепях и прикованных к стене чрез поверенных... и захватя весьма долговременно одного из купцов, Федора Заварзина, бил мучителски плетми неведомо за что, коего увез с собою неведомо ж куды скована, а на показанном заводе своем... держит в работе из сызранских купцов по усилию своему, без ведома сызранского магистрата, без пашпортов..."⁶⁵.

Острая борьба и "крупные несогласия" между группировками купечества разыгрались во время избирательных мероприятий 1767 г. в связи с предстоящим созывом Уложенной комиссии. Иногда ситуация складывалась таким образом, что купечество города выбирало не одного депутата, а каждая группировка своего депутата. Так было в Астрахани, Казани, Саратове и в других городах.

Примеров использования власти первостатейными купцами для собственного обогащения достаточно много⁶⁶.

В целом борьба посада отличалась ожесточенностью. Первостатейные купцы, обычно стоявшие во главе городского управления, использовали разнообразные средства, нередко грубое насилие, для того, чтобы держать в страхе массу городского населения. Они прибегали к конфискации, продаже имущества с торгов, тюрьме, наказанию плетью, сдаче в рекруты, ссылке в Сибирь горожан, проявлявших неповиновение.

Если второстатейное купечество принимало участие в торгово-промышленной деятельности иногда самостоятельно, иногда в роли приказчиков дворян и крупных купцов, то иным было положение самой многочисленной группы купечества – группы третьестатейных купцов. Многие из них, числясь купцами, имели пропитание "от хлебопашества", "от звериной ловли" или занимаясь сапожным, шапочным, кузнечным и другими промыслами. Многие из них искали заработка на волжских рыбных промыслах в качестве ловцов и работников. Нередко они попадали в долги и кабалу.

Отбывание многочисленных посадских служб – целовальников (сборы с населения), счетчиков, голов при соляных магазинах, старост, подъячих, писцов подушных сборов, при таможнях, по оброчным казенным статьям, при баних, мелких рыбных ловлях и т.д. падало на второстатейных и третьестатейных купцов и цеховых. 60-е годы XVIII в., кроме того, были временем усиления платежного гнета, связанного с усложнением государственного аппарата и тяготами войн; в числе участниц которых оказалась Россия. Наиболее бесправной частью жителей городов

Симбирск. Гравюра П.А.Артемьева по рисунку А.И.Свечина и М.И.Махаева. 1770 г. ГИМ.

являлись неимущие обыватели. Их положение мало отличалось от положения уездных крестьян.

Бывало немало случаев, когда выведенные из терпения насилиями городских властей малотягловые горожане свергали магистрат. Картина того, как насильственным путем свергался магистрат, т.е. по словам Кизеветтера, совершалась "миниатюрная социальная революция", рисуется им в следующих словах: "Вооруженные скопы малотягловых приступом брали ратушу, сажали "под караул" вождей противной партии первостатейных и устраивали в ратуше "саможелательное" правление. Иногда такому "саможелательному" правлению удавалось продержаться у власти довольно долго, пока грузный и неповоротливый механизм тогданий администрации не успевал доступными ему средствами возворить в мятежном "посаде тишину и благосостояние"⁶⁷.

Исследователи классовой борьбы в городах России третьей четверти XVIII в. обращали внимание на многочисленные факты самоуправства и безнаказанности правительенной администрации. Весьма показательно, что С.М.Соловьев ставил в один ряд бесчинства правительенной администрации с пожарами в городах. "Города, - писал он, - нужно было предохранять от пожаров, от произвола Главного магистрата и от воевод, которые, в свою очередь, жаловались на купечество"⁶⁸. И все же, наверное, можно считать, что в целом правительство стояло на страже интересов "главных слоев общества - дворянства и отчасти купечества". У последнего же сколько-нибудь существенных оснований для "крупных недоразумений" с правительством не было, так как они одинаково признавали незыблемыми две основы тогданиего уклада социально-политической жизни - самодержавие и сословность⁶⁹.

К середине XVIII в. горожане уже имели определенные традиции социальной борьбы, уходящие своими корнями в предшествующие столетия. Как верно указывается в исторической литературе, к противоречиям XVII в., не разрешенным феодальным государством, в XVIII в. присоединились новые, порожденные дальнейшим социально-экономическим развитием России. Протесты против остатков феодальных повинностей и привилегий феодалов сочетались с обострением столкновений между низшими слоями городского населения и торгово-промышленной верхушкой, которая пытала захватить власть в городе и использовать ее в своих интересах. То, что верхушка посада сумела овладеть положением и тем самым ограничить взрывоопасность обстановки, в определенной степени сказалось на спаде открытых городских восстаний. Нельзя не учитывать при этом укрепление аппарата власти абсолютистского государства. И тем не менее в канун восстания под предводительством Е.И. Пугачева противоречия в городах приводили порой к открытым выступлениям, о чем говорят события в Тихвине (1758), Пензе (1756-1760), Иркутске (1758-1780), Архангельске (1766), Ярославле (1756-1767), Москве (1771) и в других городах.

Экономическое, общественно-политическое и культурное становление городов России и городского образа жизни проходило в условиях разложения.

жения феодально-крепостнического строя и развития капиталистического уклада. Эта противоречивость эпохи сказывалась на процессах существования и развития городских сословий, в том числе формирующейся городской буржуазии. Она отразилась и на воззрениях нарождавшейся буржуазии, которые, являясь в целом важными и исторически прогрессивными в силу своего антифеодального содержания, все же давали примеры и определенной ограниченности и незрелости. Характер эпохи предопределял и замедленность формирования предпролетариата, и уровень самосознания низших категорий городских жителей.

1 Баранов А. В. Социально-демографическое развитие крупного города. М., 1981. С.10.

2 Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII века. М., 1967; Рындинский П. Г. Основные факторы горонообразования в России второй половины XVIII века. Ротапр. М., 1972. С.1; Волков М. Я. Пути формирования городских поселений России в XVIII в. // 250 лет Перми. Пермь, 1973. С.13; Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья // Русский город. М., 1976. Вып.1.С.38-39. Он же. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город. М., 1980. Вып.3. С.83; Бодарский Я.Е. Города и городское население России в XVIII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России в XVIII в.: Очерки по ист. географии XVIII в. М., 1974. С.107, 109; Он же. Население России в конце XVIII - начале XVIII в. М., 1977. С.124; Он же. Русский город в эпоху феодализма: (К проблеме горонообразования) // Феодализм в России. М., 1987. С.308, 309; Бугаев В. И., Тихонов Ю. А., Пребораженский А. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980. С.182; Бодарский Я.Е., Кабузан В. М. Города России во второй половине XVIII - середине XIX в.: (К вопросу о типологии) // Феодализм в России: Тез. докл. и сообщ. Юбил. чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения акад. Л.В.Черепнина. М., 1985. С.129-130.

3 Желудков В.Ф. Введение губернской реформы 1775 года // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А.И.Герцена. 1962. Вып. 229. С.210; Клокман Ю. Р. Указ.соч. С.319.

4 ПСЗ-1. Т.6, № 3708. С.295.

5 Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С.151, 133.

6 Очерки русской культуры XVIII века. М., 1985. Ч.1. С.240, 241.

7 Сорина Х. Д. К вопросу о процессе социального расслоения города в связи с формированием капиталистических отношений в России в XVIII - начале XIX в.: Г.Тверь // Учен.зап. Калинин, гос. пед. ин-та. Каф.истории. 1964. Т.38.

8 Волков М. Я. Формирование городской буржуазии в России XVII-XVIII вв. // Города феодальной России: Сб. ст. памяти Н.В.Устюгова. М., 1966. С.195.

9 Очерки истории СССР... С.154.

10 Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVII в. М., 1903. С.436-438.

- II ПСЗ-І. Т.20, № I3375, I3904, I4275.
- I2 Там же. Т.16, № 9001.
- I3 Клокман Ю. Р. Указ.соч. С.58, 60, 61.
- I4 Кущева Е. Н. Одна из форм кабальной зависимости в России XVIII в. // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С.252.
- I5 Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1894. Т.1, вып.2; 1895. Т.2, вып.15; 1898. Т.3; 1905. Т.6.
- I6 Сб. РИО. Т.93. С.204, 205.
- I7 ПСЗ-І. Т.9, № 6858; Т.12, № 9004; Т.15, № I0950, I0993.
- I8 Кизеветтер А. А. Указ.соч. С.51-56.
- I9 ПСЗ-І. Т.12, № 9372. С.658.
- 20 Ильдова Е. И. Крестьяне и город Центральной России в XVIII в. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1987. С.173; Он же. Дворцовые крестьяне в становлении и развитии городов и городской культуры (XVIII в.) // Взаимовызывы города и деревни в их историческом развитии: Тез. докл. и сообщ. XXII сес. Всесоюз. симпоз. по изуч. пробл. аграрной истории. М., 1989. С.183.
- 21 Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С.46.
- 22 Там же. С.22, 23.
- 23 Бернадский В. Н. Очерки истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А.И.Герцена. Вып.229. С.19; Волков М. Я. Указ. соч. С.194.
- 24 Волков М. Я. Указ.соч. С.186.
- 25 Преображенский А. А. Город, деревня и государственная власть в России в XVII-XVIII вв. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: Пробл. взаимовлияния. Свердловск, 1986. С.6.
- 26 Любомиров П. Г. Очерки истории русской промышленности, XVII, XVIII и начало XIX века. М., 1947; Иоффе Л. Е. Города Урала. М., 1951. Ч.1. Феодальный период; Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С.190.
- 27 Гаррловский М. А. Социальный состав населения Екатеринбурга во второй половине XVIII в. // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958. С.121.
- 28 Аполова Н. Г. Особенности возникновения и развития городов Оренбургского края в XVIII в. // Города феодальной России. С. 456, 457, 461.
- 29 Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч.2. С.135, 138, 141-146.
- 30 Аполова Н. Г. Указ.соч. С.461.
- 31 Яковлевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С.50, 52-54.

- 32 Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т.4, ч.2. С.10.
- 33 Сб. РИО. СПб., 1871. Т.8. С.127.
- 34 Там же. С.125, 126.
- 35 Там же. С.98.
- 36 Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII - начале XVIII в. М., 1956. С.154-212; Буганов В. И., Тихонов Ю. А., Преображенский А. А. Указ.соч. С.183.
- 37 Заозерская Е. И. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII-XVIII вв. // Петр Великий: Сб. ст. М., 1947; Клокман Ю.Р. Указ.соч.; Хасанов Х. Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977; Гилязов И. А. Торговля города Казани в XVIII в. // Феодализм в России: Тез. докл. и сообщ. С.173, 174.
- 38 Гилязов И. А. Указ.соч. С.173-176.
- 39 Архангельский С. И. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII-XIX вв. Горький, 1950. С.60-73.
- 40 ЦГВИА. Ф.ВУА. Д.18870. Л.1 об.
- 41 ЦГАДА. Ф.1274. Д.195. Л.40-42; ЦГВИА. Ф.ВУА. Д.18870. Л. 1 об.
- 42 Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768-1771 гг. СПб., 1771. Ч.1. С.96, 104.
- 43 Сб. РИО. Т.8. С.230.
- 44 Булыгин И. А. Об особенностях городов Среднего Поволжья во второй половине XVIII в. // Города феодальной России. С.488.
- 45 Там же. С.491.
- 46 Там же. С.491, 492.
- 47 Там же. С.495.
- 48 Чтения ОИДР. М., 1872. Кн.4. С.236.
- 49 Пайллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч.1. С.96.
- 50 Саранск: Ист.-экон. очерк. Саранск, 1985. С.20, 21..
- 51 Там же. С.13.
- 52 Булыгин И.А. Указ.соч. С.496.
- 53 Лепехин И. И. Путешествия по разным провинциям Российской Государства. СПб., 1795. С.360, 361; Фальк И. П. Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т.6. С.101-107; Пайллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1772 и 1773 гг. СПб., 1788. С.258.
- 54 Лепехин И. И. Путешествия... С.361.
- 55 Сб. РИО. СПб., 1911. Т.134. С.269, 274.

- 56 Купешева Е. Н. Саратов в третьей четверти XVIII века. Саратов, 1928. С.52-56.
- 57 Акимова Т. М., Ардабацкая А. М. Очерки истории Саратова (ХVII и ХVIII век). Саратов, 1940. С.73.
- 58 Сб. РИО. СПб., 1869. Т.4. С.113.
- 59 Кизеветтер А. А. Указ.соч. С.330-348.
- 60 Голиков Н. Б. Очерки по истории городов России конца ХVII - начала ХVIII в. М., 1982. С.3.
- 61 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1966. Кн.15, т.29. С.121.
- 62 Бернадский В. Н. Указ.соч. С.78.
- 63 Кизеветтер А. А. Указ.соч. С.597-617.
- 64 Там же. С.694-701.
- 65 Сб. РИО. СПб., 1900. Т.107. С.615.
- 66 Кизеветтер А. А. Указ.соч. С.767-773; Вознесенский С. В. Городские депутатские наказы в Екатерининскую комиссию 1767 года // ЖМНП. 1909. № 12. С.261, 262; Яковлевский В. Н. Указ.соч. С.129, 191 и след.; Бернадский В. Н. Указ.соч. С.78-84; и др.
- 67 Кизеветтер А. А. Указ.соч. С.774.
- 68 Соловьев С. М. Указ.соч. М., 1964. Кн.12, т.24. С.541.
- 69 Вознесенский С. В. Указ.соч. С.241, 242.

Глава III. ГОРОДСКИЕ НАКАЗЫ В УЛОЖЕННУЮ КОМИССИЮ 1767 Г.

Осознав Комиссии по составлению нового Уложения законов стало известно в стране из указа от 14 декабря 1766 г. Он содержал и ряд инструкций по выборам депутатов. Разъяснение населению России избирательного механизма и наблюдение за точным выполнением обряда выборов указ возлагал на местную администрацию. Всякие "притеснения", "ненавистная мэда и лихоимство" ставились под угрозу "неминуемого гнева" императрицы Екатерины II. Для Екатерины II, как дальновидного политика, важно было "узнать дух, направление и силу разных сословий, отыскать в них наиболее прочную основу для своих дальнейших действий, применить свой чисто теоретический либерализм к действительным отношениям русской жизни". Отсюда предоставление известной свободы проявлять свое "умствование" как в выборе депутатов, так и в составлении наказов, тем более что, по предположениям императрицы, такая свобода не могла повлечь за собой каких-либо неприятностей для общественного строя России. Выборы, как правило, были прямыми, за исключением крупных городов, где они были двухстепенными. Города избирали по одному

депутату от города (дворяне – одного депутата от уезда; черносошные, ясачные, приписные и экономические крестьяне – одного депутата от провинции; пахотные солдаты, старых служб служилые люди, однодворцы – одного депутата от провинции). Процедура выборов предусматривала составление наказов. Поэтому каждый депутат имел от избирателей не только полномочия, но письменное изложение их требований.

К выборам призывался весь состав постоянных жителей городов, владевших недвижимой собственностью. Не принимали участия в выборах поселения, имевшие менее 50 домохозяев, а также избиратели моложе 25 лет, женщины и дети, лица, находившиеся в отъезде¹. В избирательной кампании участвовали и такие группы горожан, как однодворцы, старых служб служилые люди, крестьяне экономического ведомства, черносошные, пахотные солдаты, казачьи войска. Но главной категорией избирателей в городах являлось торгово-промышленное сословие, об этом говорят подписи наказов и в целом их содержание. Из среды купечества, цеховых ремесленников, "фабрикантов" вышла большая часть депутатов. В Казанской губернии было избрано в городские депутаты 15 купцов, представитель татарского населения Казани, канцелярист от Свияжска и однодворец от Свияжска. В Нижегородской губернии все 7 депутатов были купцами². Депутат избирался от городских жителей, владевших недвижимой собственностью (домом), женатых (не моложе 30 лет) и имевших детей, благонадежных, "в наказаниях, подозрениях, ябедах и явных пороках" не состоявших.

В собрание представителей ряда сословий – в Комиссию об Уложении (Уложенную комиссию) 1767 г. было избрано 564 депутата, из них от городов – 210³. Именно им суждено было стать "живым источником" информации о нуждах и потребностях горожан России. Значительное представительство жителей городов, составлявшее более трети всех депутатов Уложенной комиссии, открывало возможность отразить самые разнообразные стороны повседневной городской жизни в разных регионах страны.

Купечество участвовало в составлении почти всех наказов городов. Другие категории горожан приняли в их составлении сравнительно небольшое участие. Почти не встречаются наказы, основное содержание которых не было бы посвящено нуждам и требованиям купечества. Не без оснований поэтому в историографии выдвинуто мнение о том, что городские наказы отразили прежде всего интересы этого сословия. Общность интересов и однородность прав и обязанностей торгово-промышленного сословия в немалой степени повлияли на содержание наказов, с которыми депутаты направлялись в Комиссию. В небольшом специальном разделе своей книги, посвященном освещению городских наказов в Уложенную комиссию 1767 г., Ю.Р.Клокман подчеркивал, что "главным и определяющим" в них было "требование сохранить и упрочить сословные привилегии купцов". Стремление быть "в почтении, а не в пренебрежении" характеризует в целом настроение купечества 60-х годов XVIII в.⁴

В манифесте от 14 декабря 1766 г. Екатерина II обратилась к народу с предложением сообщить правительству "неправды и утеснения", которые он испытывал, и "способы сохранения правосудия"⁵. Как удачно выразился И.И.Дитятин, наказы – это "скорбные листы"⁶, наполненные перечислением "изнеможений" и "отягощений". Однако сами составители наказов рассматривали их скорее как изложение "нужных исправлений", от осуществления которых горожане, как и другие категории населения, ждали улучшения своего состояния.

Только горожане г.Дмитрова Московской губернии не вносили в наказ каких-либо пожеланий, заявив о том, что они "всем довольны... попечением ее величества". Это единственный в своем роде наказ, скрепленный 140 подписями, состоял из двух пунктов, в которых заявлялось, что "градские жители... никаких общих нужд не имеют представить"⁷.

Как правило, свои наказы горожане начинали со ссылок на указ от 14 декабря 1766 г. и заверений, что в наказах излагаются "общие... представления, нужды и недостатки в жизни горожан" (Самара), "общие купеческие и цеховые недостатки и нужды" (Пенза), "общие нужды и отягощения" (Василь), "общие прошения о нуждах и отягощениях" (Козмодемьянск), "желаемые градским жителям поправления" (Цивильск), "общие гражданские недостатки и нужды" (Кунгур). Таким образом, наиболее распространенным было утверждение о заботе об "общих недостатках и нуждах" городского (посадского) населения. Рассмотрим, насколько это соответствует конкретному содержанию представленных в Уложенную комиссию наказов, а также направленности прений, развернувшихся между депутатами.

"Общие гражданские недостатки и нужды" жителей города Кунгура изложены в июньском наказе, данном купцу Е.И.Юхневу⁸. Прежде всего они указывали на "всеконечное недостаточество и нужду" в землях (выгонах, покосах, лугах), хотя по грамотам великих государей Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и Петра Великого, напоминалось в наказе, было дозволено посадским людям селиться в городе, а также в уезде и "по посёлении теми землями и всякими угодьями и починками владеть невозбранно". Во времена башкирских волнений немало посадских людей Кунгура поселилось в селах и деревнях "обще с крестьянами", одни приобрели мельницы, кожевенные предприятия и т.д., другие "по пространной свободности здесь земли питаются от земледелия". Жители Кунгура просили не отнимать земли у этой части посадских и не лишать их заведенных промыслов, заявляя, что это станет залогом исправного платежа подушных денег. В случае изменения положения, сетовали кунгурцы, их ожидает "конечное разорение и нищета, ибо они, окромя того, другого никакого купечества торгов и про-

⁵ Наказ подписан городским головой Н.Нарышкиным, президентом И.Хлебниковым, бургомистром М.Языкиным, 40 купцами, протоколистом, регистратором и др. (Сб. РИО СПб., 1900 Т.107. С.530, 531).

мыслов не имеют"⁹. В наказе ставится вопрос о необходимости разрешить первостатейным купцам покупать крестьян "умеренным числом", учитывая, что в рабочей силе "немалая нужда" и привлечение их связано с "убытком". "По волности и без укрепления тех людей часто случаетца напрасное и безвозвратное капиталам нашим потеряне"¹⁰, - говорилось в наказе.

Купечество города Кунгура обращалось с просьбой исключить из купечества лиц, которые обременены долгами и отрабатывают их на заводах, на службе у людей "разных чинов". Кунгурцы, указывая, что "город и купечество не большое", просили для управления города выбирать не шесть человек, а три - одного президента, одного бургомистра, одного ратмана сроком на три года (с правом ношения шаги).

Далее в наказе сообщалось, что под видом иногородних купцов в уезде и городе торгуют государственные и помещичьи крестьяне^X, причем нередко под покровительством владельцев заводов и их приказчиков. Немало случаев, когда последние тоже занимались торговлей. Купечество крайне неблагожелательно относилось к такого рода торговле, наносившей ущерб и "повреждение" их деятельности.

Наконец, от купечества Кунгура следовал целый ряд жалоб на тяжесть служб и повинностей. Особо отмечалась тяжесть постойной повинности. Они желали избавиться от содержания лекаря, рублевого обложения бани. По делам кабацких сборов, сообщалось в наказе, купцам приходилось на долго отлучаться в отдаленные места Оренбургской губернии, в Исетскую провинцию. Это крайне неблагоприятно сказывается на их торговых предприятиях и промыслах, отсюда просьба, чтобы к службе они привлекались только в пределах своего города.

Как и наказ г. Кунгура, июнем 1767 г. датирован наказ жителей г. Со-ликасса, переданный в Уложенную комиссию депутатом И.П. Ездокимовым^{XX} (принадлежность его к купеческому сословию в документе не отмечается, что является редким случаем в наказах горожан). В этом наказе прежде всего указывалось, что на плечи купечества данного города давит огромный груз повинностей и разного рода обязательных служб. Их груз велик и в целом, и в сравнении с другими городами, отмечалось в наказе. Это, пожалуй, единственный в своем роде документ, освещавший со многими подробностями характер обязанностей и района, на территории которых приходилось служить соликамскому купечеству. Оно указывало, что "пре-

^X Указ Сената от 7 июля 1743 г. запрещал крестьянам вести торговлю "кроме своей не обходимой нужды". Затем был издан еще ряд указов, подтверждавших запрещение крестьянам заниматься торговлей и промыслами в городах, а также регламентировавших их сельскую торговлю. Указ от 19 августа 1745 г. разрешал крестьянам мелочную торговлю строго ограниченным ассортиментом товаров, да и то лишь в знатных селах и деревнях, расположенных на больших дорогах, в отдалении от городов (ПСЗ-1. Т.12, № 9201. С.442, 443).

^{XX} Наказ подписан городским головой Григорием Москвиным, старостой Ильей Могильниковым, 3 купцами и 47 лицами "без всякого обозначения их общественного положения" (Об. РИО. Т.107. С.543).

отяготельная" эта служба проходила "в оренбургских, исетских крепостях, острогах, дистриктах и слободах, и отсюда до сих разстояния имеется до тысяче пяти сот верст, при питейных и конских пошлиных сбоях, да в Казанском уезде и в соликамском ведомстве, близ Кунгуры, в селах и в партикулярных разных заводах при соляных продажах, имеющих разстояние от тридцати до пяти сот верст, а въще что соляных казенных дедюхинских промыслах на соляных судах в караванах до Нижнего, и по дедюхинскому соляному правлению, да господ баронов Строгановых при соляных промыслах у охранения и смотрения соли и запечатания соляных анбаров... да в службы и отправлялось в города Уфы, в Кунгур, в Красноуфимская крепости, к красноярским и бардинским в Кунгурской уезд промыслам и на Вятку, в Хлынов, в Кайгородок, да в казанские пригороды, и в Астрахань, да в Сибирь, в Иркутск, в ирбитскую ярмонку, в Верхоторье, и в сибирские партикулярные заводы к разным сборам, имеющих отсюда разстояний до трех сот до пяти и семи сот, трех и четырех тысяч верст и более"^{II}. Как видим, служба проходила на обширной территории и по времени была длительной. Она была тяжелой, поскольку жить приходилось за свой счет, вдали от родных мест, что усугублялось еще тем, что хозяйства оставались без присмотра. Как и во многих других наказах, здесь указывалось на разорение купцов, бывших "при приеме и отдаче вина выборными", так как с них взыскивалась утечка вина, "ибо нередко бывают и обручи с бочек лопаются". Согласно переписи, на посаде, сообщалось в наказе, проживало 1354 человека, но купцов из них (с малолетними детьми) числилось 134 человека, остальные "в самых последних цехах и подлых черных работах находятся". "К определению в службы годных из купечества и с цеховыми" имеется 197 человек. Соликамское купечество настойчиво просило от дальних "иносторонних и отлучных служб уволить" и от доямок освободить.

Тяжелые повинности и служба имели свои последствия, указывалось в наказе. Многие соликамские купцы и посадские, "не хотя с купечеством градским мирских гостей несть", без разрешения магistrата "своевольно отходят... к соляным промышленникам и заводчикам во услуги" "из наемной платы". Соликамцы считали необходимым запретить прием на службу купцов и посадских, не получивших отпускные в магистрате.

Сообщая о конкретном случае записи 13 купцов Соликамска в купечество Екатеринбурга, наказставил общий вопрос о запрещении перехода на другой посад, аргументируя свою позицию тем, что оставшемуся купечеству становилось обременительно платить подати и нести службу.

Подробно описано в наказе состояние местных промыслов. Не без основания соликамское купечество ставило себе в заслугу поиск, добычу и доставку соли – необходимого для человека продукта. Оно напоминало, что вложило немало усилий и затратило большие средства для развития промыслов и в результате в казенную продажу доставлялось 400 тыс. пуд. соли. Крупные соляные промыслы принадлежали представителям местного купечества – Суровцеву, Ростовщикову, Ксенофонтову, Турчанинову.

Однако позднее частью промыслов завладели Г. и А.Демидовы, купец М.Боровитинов и другие из г.Юрьева Поволжского, но Камер-коллегия оброчные платежи с промыслов продолжала взыскивать с соликамского купечества. Все это вынудило их просить вернуть принадлежавшие им промыслы. Что касается прибылей, то купечество предложило делить их поровну между казной и купечеством, чтобы использовать свою долю прибыли на "городовыя надобности" – содержание штата магистрата, школ, сиротских домов, лекарей и др.

Купечество настаивало на том, чтобы право на владение в городе лавками, амбарами, погребами, постоянными дворами, харчевнями, мельницами было закреплено только за купечеством, причем без взыскания с них "поземельных денег". Оно же должно пользоваться всеми преимуществами в торговой и предпринимательской деятельности. В наказе ставился вопрос о праве покупки людей "для домового охранения и прочаго", владения лугами, покосами.

Наказ Екатеринбурга¹², врученный депутату купцу И.Д.Дубровину, отразил прежде всего недовольство торговлей, которую вели крестьяне. Вторжение последних в сферу торговли подрывало "коммерцию" купечества. Весьма ощутимо мешали, писали авторы наказа, и разные казенные службы, к которым привлекали городские сословия. Купцов в городе, по данным этого документа, 394 души, а долг за купечеством составлял 3 тыс.руб.

Большой интерес представляют не только наказы, но и их обсуждение в Уложенной комиссии. Представляется целесообразным вслед за обзором содержания наказов жителей городов Урала и Приуралья (так же, как и городов Поволжья) осветить ход прений, развернувшихся вокруг городских наказов данного региона. Обсуждения, которые проводились на заседаниях Уложенной комиссии, чрезвычайно интересны, и изучение их хода имеет не меньшее значение. В ходе прений выдвигались дополнительные аргументы в пользу той или иной точки зрения, связанной с положением купечества, его настоящей и будущей жизнью и деятельностью. Во время дискуссии депутаты подробно и разносторонне освещали многие проблемы городской жизни. Обсуждение городских наказов началось 25 сентября и продолжалось (с некоторыми перерывами) до 20 ноября 1767 г. Весьма показательна организация прений. Одновременно с заслушиванием "мнения", "проектов", "предложений", "представлений", "возражений" отдельных депутатов шло ознакомление с действующим законодательством, которое так или иначе затрагивало интересы купечества. "Законы о купечестве" читались на 33 заседаниях, обсуждение выдвигаемых требований проходило на 43 заседаниях из всех 204 заседаний "Комиссии об уложении"¹³.

В "мнении" депутатов г.Уфы Алексея Подьячева поставлен вопрос о социальной принадлежности торговцев и возможных территориальных гра-

¹² Наказ подписан городским головой Петром Зыряновым и 67 купцами (Сб. РИО. Слб., 1911. Т.134. С.355-366).

ницах их торговли. Это "мнение" было доложено на 39-м заседании комиссии 12 октября 1767 г.¹⁴ Подьячев начал с того, что высказался за запрещение торговли крестьянам "и тому подобным людям" в городах и уездах, кроме торговли предметами "своего рукоделия" и "земельных произведений". Но в то же время он считал, что "такому же ограничению следует подвергнуть и купцов, чтобы они не производили торговли вне тех городов и уездов, где имеют жительство" (нарушения должны повлечь за собой конфискацию товаров в пользу казны). Специально он остановился на торговле татар из оренбургской Сейтовой слободы, допуская ее только в портах, где каждый купец мог вести меновую торговлю.

Позже (45-е заседание, 22 октября 1767 г.) А.Подьячев выступил с возражением депутату Т.Ишбулатову, затронувшему вопросы торговли в Уфимской провинции. Подьячев считал, что в этой провинции торговые дела должны полностью принадлежать купеческому сословию. Он указал, что уфимское купечество "нигде еще по купеческим делам кредита не потеряло, а терпит стеснение от производимой разночинцами торговли и от заводов". В целом, несмотря на обширность Уфимской провинции, по его мнению, купечество в состоянии удовлетворить потребности населения в товарах¹⁵.

А.Подьячев также изложил свой протест против "мнения" депутата Р.Алкина (64-е заседание, 19 ноября). Алкин просил узаконить торговлю приписных к Адмиралтейству мурз и татар, в том числе в Башкирии, где они скупали лошадей, а чаще меняли на разные товары. Подьячев дополнил сведения, приведенные Алкиным. По его данным, в Уфимском уезде торговали в том числе и товарами иностранного происхождения, а точнее занимались "купеческими делами", не только "иноверцы" Казанского, но и Нижегородского уездов. В Уфимском уезде они закупали мех, воск, мед, сало, кожи. Все это отражалось на "выгоде" оренбургского, уфимского и табынского купечества, считал Подьячев. Он не согласился с Алкиным, пытавшимся обратить внимание на незнание оренбургским купечеством языка и связать с этим трудности торговли с башкирами. Подьячев указал, что имеется выход – привлечение толмача¹⁶.

По мнению Подьячева, казанским, а тем более нижегородским татарам не следует выезжать в Башкирию не только из-за большого расстояния, но "по причине частых беспокойств в башкирских землях". Такие поездки могут, с его точки зрения, совершаться, но только с единственной целью – для покупки лошадей, и только на деньги, а не на товары.

Подьячев выступил также за запрещение башкирам, татарам и "прочим иноверцам" торговать воском из-за того, что они подмешивают в него сало и серу. В общем Подьячев заключает следующее: "Казанской и Нижегородской губерний не только иноверцам и государственным крестьянам, но и другим им подобным, кроме купечества, запрещено было торговать как в городах, так и в уездах для того, чтобы купечеству в размножении коммерции не было подрыва. Сверх того, иноверцам или государственным крестьянам поставить обязанности продавать такие вещи, которых обык-

новенно принадлежат к крестьянскому рукоделью, не перекупая их один у другого для пользы или прибытка и не производя оными торговли, которая составляет право купечества"¹⁷. Если кто пожелает иметь торговый промысел, то следует записываться в купечество.

Депутат А.Подьячев просил комиссию добиваться для купечества пограничных районов Российского государства разрешения покупать "и за себя укреплять" дворовых людей¹⁸. Аргументировал он свое мнение необходимостью учитывать специфику населения Уфимского уезда; проживание в нем разных по национальности народов, "которые к подобного рода услуге склонности не имеют", а также состав населения прилегающих к Башкирии территорий и невозможность найти наемных работников среди местных жителей.

Подьячев указывал на необходимость запретить купцам кредитовать крестьян и "иноверцев" и принимать их в приказчики "для предупреждения могущих быть подлогов". Купечество обязано кредитовать или брать в приказчики людей из своего сословия, "из своей же братии купцов". Это пресечет, по его мнению, путь крестьян к "недозволенным промыслам"¹⁹.

Особыми правами, по мнению депутата г.Уфы Алексея Подьячева, должно быть наделено купечество Оренбургской губернии, входившее в своей промысловой деятельности в контакты с ясачными татарами, удмуртами, мари и другими народами. Поскольку по указу от 14 февраля 1761 г.²⁰ запрещено обязывать векселями государственных, дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян, состоявших в работе у купцов, то и ясачные народы (хотя в указе о них не сказано) тоже за взятые в долг деньги и товары не обязываются векселями, они дают заемные письма. Но это не обеспечивает возвращение долга, многие "иноверцы" умышленно объявляют себя "к платежу несостоительными", зная, что по заемным письмам не будут привлечены к суду магистратов. Чтобы поддержать купечество, следует дать ему право обязывать эту категорию населения векселями за взятый в долг товар и деньги²¹. К мнению Подьячева присоединились депутаты Кунгура, Чебоксар, Соликамска, а также городов Поволжья – Цивильска, Свияжска, Саранска, Козмодемьянска, Яранска.

Депутат г.Оренбурга Илья Коченев на 75-м заседании комиссии 12 декабря напомнил о том, что этому отдаленному от центра городу, согласно привилегии от 7 июня 1734 г.²², были дарованы "разные выгоды", соответствующие "благосостоянию" его жителей²³. Только благодаря этому Оренбург заселялся и рос. Но с некоторого времени, отметил депутат, городские жители подвергаются притеснениям, и он назвал в числе последних следующие: постом, отсутствие суда, ведавшего делами купечества. Все это вызывает тревогу и ни в коей мере не способствует росту населения, но, напротив, вызывает его сокращение. Выход из положения – восстановление привилегии. В связи с его выступлением собрание постановило: так как дело не касается коммерции, то Кочневу надлежит обратиться в соответствующее ведомство, т.е. в Дирекционную комиссию.

Депутат от башкир и тарханцев четырех дорог Уфимского уезда Токтамыш Ишбулатов выступил (40-е заседание, 15 октября 1767 г.) против

депутата Уфы Алексея Подъячева, внесшего предложение запретить торговать лицам, не принадлежавшим к купечеству. Он обосновал свое возражение тем, что Уфимская провинция обширна по своей территории и "бедное и немногочисленное" купечество Уфы не в силах обеспечить необходимыми товарами население, отдаленное от города, оно почти не торгует в уездах. Кроме того, жителям провинции из башкир, мишарей, мари, удмуртов прежними указами, напомнил он, не была запрещена торговля²⁴, и именно башкиры и мишари выступают владельцами кожевенных, мыльных мануфактур, а не купечество. Все это дало ему основание выступить в защиту широкой торговли, не приносившей, на его взгляд, ущерба интересам купечества.

На первое выступление А.Подъячева, требовавшего запрещения торговли людьми всем не принадлежавшим к купечеству, в том числе жителям Сейтовой слободы (30-е заседание, 12 октября), помимо Т.Ишбулатова откликнулся депутат Оренбургской Сейтовой слободы из торговцев-татар Мансур Пулатаев. Он обратил внимание на историю возникновения слободы. Слобода была основана "единственно для торгового промысла". Она заселялась людьми, добровольно откликнувшимися на призыв правительства всемерно развивать в этом крае торговлю. Татары этой слободы в отличие от других категорий населения, неся военную службу без жалования, сохраняли право торговли, а это право подтвердил в 1753 г. оренбургский губернатор И.И.Неплюев. И если торговля будет запрещена, то "народ наш может прийти в крайний недостаток"²⁵, - делает вывод Пулатаев.

Депутат Яицкого войска Иван Окутин на 41-м заседании комиссии 16 октября 1767 г. в связи с заслушанными мнениями кратко и весьма определенно указал на те последствия, которые будут в случае передачи прав на торговлю исключительно купечеству. Если земледельцы не смогут продавать свои "произведения и рукоделия" и их передадут в оптовую торговлю купечества, то от этого, считает Окутин, будет вред всему обществу, а крестьяне придут в крайнее разорение, "равным образом и яицкому войску последует обида^x; тогда им и хлеба достать будет неоткуда, ибо купцы не допускают крестьян покупать в розницу рыбу и икру, которые яицкие казаки ловят в свободное от службы время"²⁶. Из этого следует, что яицких казаков устраивали те торговые отношения, которые сложились у них с местными крестьянами. В данном случае яицкие крестьяне и казаки выступали совместно, отвергая претензии купечества. Важно указать, что мнение Окутина поддержал депутат оренбургских нерегулярных войск сотник Тимофей Падуров, впоследствии один из видных сподвижников Е.И.Пугачева. Поддержали Окутина также депутат Оренбургского войска Петр Хопренников, депутаты однодворцев Ставропольской

^x В другом случае Окутин выступал за то, чтобы крестьянам, которые привозили хлеб в Яицкий городок, не чинили препятствий в Сызрани и Самаре (Сб. РИО. 1871. Т.8. С.159).

провинции Иван Ахтемиров и Ефим Гладков, депутат от чуваши Алатырской провинции Василий Семенов.

Выступление Подьячева не оставил без внимания не только депутат Яицкого войска, но и депутат Уфимского казацкого войска Прокофий Бурцов, взявший слово дважды, 17 и 24 октября 1767 г.

Учитывая обширность Уфимского уезда, малочисленность городов и купечества, депутат Бурцов считал, что в этом крае не должно существовать запрещения "разночинцам" торговать домашними произведениями. По его данным, в Оренбургской губернии купечество имелось только в Оренбурге, Уфе, Табынске. В составе населения крепостей по рекам Яику и Юю, в низовьях р. Самары, в Уфимской и Исетской провинциях "по казацким городкам и крепостям" купечество отсутствовало²⁷. Запрещение торговли, с его точки зрения, не согласуется с "естественным правилом", потому что крестьянину или разночинцу предоставлено "невозбранно" покупать друг у друга скот. В окраинных районах с давних пор, отмечал Бурцов, сложились особые порядки, которые должны сохраняться для "народной пользы", чтобы бедные "при встретившейся крайней нужде или при требовании в казну государственных податей" могли "свободно и безопасно случившимся у него какие бы то ни было произведения продать своему собрату, который мог бы также безопасно их купить"²⁸.

Настаивая на сохранении торговых отношений, сложившихся в Уфимском уезде, Бурцов указывает, что "уездные обыватели, в ожидании прибытия купца в место своего жительства для продажи собранных ими от излишества предметов, не могут иногда дождаться его в течение целого года, при том же в Уфимском уезде есть такие места, что купцу туда и достичь невозможно, по неимению проезжих дорог". Местные жители выделяют иногда на продажу товара на полтину или 1 руб., и поездка с таким товаром в Уфу, который хотя и расположен в центре уезда, но в 300–400 верстах от некоторых селений, требует больших издержек, которые не окупятся продажей товара. Запрещение торговли на местах, считал Бурцов, приведет к "нужде" и трудностям с уплатой государственных податей²⁹.

П.Бурцов указывает, что при сборе податей "многие крестьяне будут переносить от старост и выборных всякия претеснения и даже побои", а это отступление от основного положения Наказа, призывающего к "доброму". "Один будет иметь в виду только свое обогащение, а другой за кровавый свой труд будет претерпевать увечье"³⁰.

П.Бурцов считал, что крестьяне, казаки, отставные солдаты должны иметь право продать в городе и там же купить необходимое у купцов. Вывезя товары из города, они не должны лишаться права продать их по дороге или в своем селении. "Но вне своего уезда и в места отдаленные нарочно для закупки ездить запретить. Сим способом все уездные произведения могут поступать к купечеству, и жителям уезда доставится не малое удовлетворение"³¹. В соответствии с прежними привилегиями названные категории жителей имели право торговли в Уфимском уезде (и это

право должно сохраниться), а также по Оренбургской линии и при портах, в Оренбурге и Троицкой крепости. Он просил разрешить им торговать в городах, в лавках, продуктами питания и другими товарами, в которых заинтересованы башкиры и другие народы. Однако из состава этих товаров следует исключить "заморские товары": французские сукна, шелковые платки и др. Казаки, драгуны, солдаты в свободное от службы время могут заниматься не только торговлей, но и ремеслами³².

Бурцов обосновывал свои предложения тем, что уфимские казаки не владели землями, кроме пастбищ для рогатого скота и отдаленных от города пастбищ для лошадей. Даже если бы они имели земли, то из-за служебных отлучек в летнюю пору они не смогли бы ее обрабатывать. Он напоминал, что в царствование Петра I уфимским казакам и стрельцам были пожалованы земли на одной стороне г.Уфы - "займище", сенные покосы за реками Белой и Уфой, была разрешена рыбная ловля (по р.Белой "от устья Уфимска до половины перевоза"). Но они отобраны и отданы Уфимской провинциальной канцелярии "на перекуп из оброка". И далее Бурцов указывал, что предки уфимских казаков имели помимо жалования право на "все купеческие выгоды и производили торговлю, промыслы и разные ремесла до нынешнего времени". Службу, подчеркивает Бурцов, "казаки выполняли исправно" и за "верность и усердие" во время нападения на Уфу сибирских царевичей Аблая и Тевкея были награждены. Отражая нападения на Уфу "иноверных", они несли немалые потери в людях. Кроме того, в основанный Оренбург было взято 185 человек. Оставшиеся в Уфе казаки, получая 4 руб. жалования в год, должны содержать себя. От этого они "пришли в совершенное убожество" и не могут выращивать хлеб.

В зимнее время, свободное от службы, казаки кормят себя продажей ремесленных изделий, "съестных припасов" в розницу. Кроме продуктов скотоводства, другими товарами они не торгуют. Если торговля будет запрещена, то тогда они смогут нести службу только при условии получения из казны ружей, "конских приборов, платья, денежного и хлебного жалованья"³³. Это мнение поддержали депутаты служилых мишарей, служилых черемис (мари), ясачных татар, черносошных крестьян Исетской провинции, казаков г.Саратова, Астраханского казачьего полка, черносошных крестьян Астрахани, казаков Сибирской губернии, служилых татар Исетской провинции, Азовского казачьего полка.

П.Бурцов в своем "мнении" специально останавливался на порядках, определявших владение "фабриками" и " заводами". Он поставил под сомнение утверждение некоторых депутатов (прежде всего А.Подьячева) о якобы "обидах", которые терпит уфимское купечество от башкир, мишарей и других "инородцев", владевших кожевенными предприятиями. Если бы это соответствовало действительности, то уфимское купечество не допустило бы 20 крестьян, прибывших из Нижегородского уезда, к кожевенному ремеслу. Бурцов категорично утверждал, что уфимскому купечеству от занятий башкир и других кожевенным ремеслом "нет ни малейшей оби-

ды, тогда как народная польза весьма велика". Эти " заводы" в Уфимском уезде снабжали обувью солдат, несших службу в Оренбургской губернии, работных людей мануфактур, расположенных в крае. Закрытие предприятий по выделке кож создаст трудности в снабжении обувью населения Оренбургской губернии. Доставка ее из Казани и других городов незамедлительно поднимет цены на обувь. Но Бурцов считал, что разрешение на владение кожевенными заводами следует получать разночинцам у оренбургского губернатора, без этого разрешения право на такие предприятия должно сохранять только купечество³⁴.

Выше приводились суждения П.Бурцова, касавшиеся в основном торговли и предпринимательской деятельности. На 65-м заседании 20 ноября 1767 г. он выступил по другому вопросу, который затрагивал интересы той социальной среды, к которой он принадлежал. Депутат Уфимского казачьего войска Бурцов вступил в полемику с депутатом от казаков Хопёрской крепости Андреем Алейниковым, который настаивал на том, чтобы казакам и старшинам было запрещено покупать дворовых людей, а у кого имеются, описать на имя е.и.в. Бурцов высказал предположение, что Алейникову неизвестны условия, в которых находились войсковые подразделения в разных районах России.

Мнение Алейникова наводит на мысль, отмечает Бурцов, что хопёрские казаки не отягощены службой, "пользуются свободою и имеют землю и другия выгоды". Иное положение со службой и условиями жизни у уфимских и оренбургских казаков и старшин. Они "с опасностию для жизни" защищали г.Уфу и охраняли российские границы, города и крепости, участвовали при Петре I в войнах, несли конвойную службу и т.д. За службу им выплачивалось жалование в размере 4 руб. в год. "Земель у казаков как прежде не бывало, так и теперь нет, а прочих выгод, как, например, рыбных ловель, такие не имеют". Казаки не могут заниматься хлебопашеством, они не имеют времени даже на то, чтобы накосить сена для лошадей. Наемных работников найти почти невозможно. Для поощрения "от природы нравов добродетельных" и военных заслуг казаков и старшин Бурцов считал, что они должны получить право на покупку дворовых людей, особенно старшины, и речь не должна идти об отнятии уже живших в их домах дворовых людей, так как это отнятие "благосостояния"³⁵. Видимо, точку зрения Бурцова разделяли многие депутаты. Во всяком случае, зафиксировано, что с ним согласились депутаты Донского, Яицкого, Терского, Улбенского, Вольского, Азовского казачьих войск, служилых мишарей Уфимской провинции, новокрещеных калмыков Ставропольской провинции. Примечательно, что у Бурцова высказывания о "народной пользе" и "дobre" не исключали включения в сферу торговли дворовых людей.

Депутат служилых мещеряков Исетской провинции Абдуль-мурза Даушев на 53-м заседании Комиссии 1 ноября защищал право крестьян на торговлю. Ограничение их занятия "одним только хлебопашеством" приведет, по его мнению, в случае неурожая при небольших размерах земли к то-

му, что они не только не смогут продавать излишки хлеба, но и вынуждены будут сами покупать хлеб для прокормления своей семьи. В этой ситуации ухудшится и положение семей служилых людей; произойдет же это потому, что они не в состоянии уделять достаточное внимание домашним занятиям. Кроме того, должно учитываться, что остающиеся в хозяйстве престарелые и дети в основном кормятся доходами от торговли кожами, маслом, воском, медом, холстами и сукнами домашнего изготовления. В общем Даушев заключает, что "если же землемельцам такой небольшой между собою торг будет запрещен, то весь народ приведен будет в крайнее разорение и нищету, а через это и в платеже государственных податей воспоследует остановка", купечеству же "никакого помешательства, ни подрыва в их коммерции быть не может", так как товары по привозе в город купцам же продаются³⁶.

Абдул-мурза Даушев остановился и на вопросе записи в купечество. Он считал, что если желающим торговать надо будет записываться в купечество, то это будет "не весьма дельно", особенно для служилых людей. Они служат в пограничных районах, защищая отчество. За это казаки пользуются правом заниматься торговлей. Служилые мишари несут службу без жалования, на собственном содержании. Поэтому, заключает Даушев, они, как и оренбургские казаки, должны иметь право торговать "без всякого от купцов кредита"³⁷. Его поддержали депутаты служилых людей, ясачных крестьян, крещеных и некрещеных народов Казанской губернии, Кунгурской, Свияжском, Пензенской, Алатырской, Уфимской, Исетской провинции.

Второе возражение Абдул-мурзы Даушева касалось попыток добиться положения, при котором дворяне были бы отстранены от права на владение заводами, фабриками, мануфактурами. Он считал, что дворяне, которые уже имеют собственных крестьян и получили право на предприятия, не могут своей деятельностью как-то помешать купечеству, напротив, эта их деятельность принесет "народную пользу". Купечество же, торгующая в портах, городах и пограничных районах, на торжках и ярмарках, получает достаточную прибыль³⁸.

В выступлении Даушева очень ярко отразилось, что Наказ Екатерины II в Уложенную комиссию был весьма авторитетным документом. Выше на некоторые положения Наказа ссылался П.Бурцов. Тот и другой указывают на необходимость стремиться делать "добро". Даушев цитирует I-ю статью Наказа, призывающую "взаимно делать друг другу добро, сколько возможно". Выступая в защиту крестьянской торговли, а также против запрещения дворянам заводить заводы и фабрики, т.е. отстаивая свободу предпринимательской деятельности независимо от сословной принадлежности, Даушев отмечал, что иные мнения "не только противны законам, но несогласны и с человеком библейским, ибо каждому человеку должно желать своему брату то, чего он себе желает". И далее или конкретное напоминание или обычная фразеология, но говорится в духе просветительских идей: "Человек сотворен от всевышнего творца с равным правом

пользоваться всяkim сокровищем сего мира. Всему свету известно, что и всемилостивейшая наша государыня всем верноподданным рабам своим желает равнаго благоденствия; поэтому и нам, подданным рабам, чувствующим такую высочайшую ея милость, должно наблюдать как личную, так и общую на родную пользу" (разрядка моя. - М.К.)³⁹. Иные депутаты, считает он, отходят от положения Наказа, желая "богатства, прибытка и пользы единственно только самим себе, а другим ничего"⁴⁰. Призыв Даушева - не на словах, а на деле следовать Наказу.

В ходе прений в Уложенной комиссии ставился вопрос и таким образом: если купечество добивается запрещения крестьянской торговли, то и крестьяне должны настаивать на запрещении существовавшей в некоторых регионах практики занятий купечества земледелием. Кроме того, частные заводы должны обслуживаться силами собственных крестьян, а не черносошных государственных крестьян. Последних же следует привлекать при условии оплаты их труда по расценкам, установленным для вольнонаемных работников, как указывал депутат от приписных государственных черносошных крестьян г. Кунгур Федор Полетаев⁴¹ на 67-м заседании комиссии 26 ноября 1767 г.

Он обратил внимание на особенности купечества в Кунгурском уезде. В среде этого сословия имеются купцы, которые, проживая в селах и деревнях, острожках и ставках, приписанных к медеплавильным заводам, пашут землю, косят сено и т.д., "вовсе позабыв купеческие обязанности". Поэтому, считает он, и к купечеству следует предъявить определенные требования - "заниматься торговлею сообразно с своим купеческим званием"⁴², т.е. запретив пахать пашни и косять сено.

Выяснив основные требования, содержавшиеся в городских наказах, обратимся к наказам городов еще одного большого региона - Поволжья.

Наказ "гражданства" Нижнего Новгорода^xставил многие проблемы, касавшиеся городской жизни, среди них выделяется требование разрешить купцам покупку крепостных в рекрут в интересах "всеобщественной пользы". "Недостаток нижегородского купечества", указывалось в наказе, проискался от того, что купечество не имеет дворовых людей. При возможности их использования купечество ожидала "безопасная и надежная" коммерция⁴³. Купечество также указывало на широкий характер крестьянской торговли и промыслов в городе и его окрестностях. В этом отношении к нему близки наказы Алатыря^{xx}, Арзамаса^{xxx} и др.⁴⁴

^x Наказ подписан президентом магистрата и головой Андреем Пушниковым, бургомистром Дмитрием Трушениковым, ратманами Яковом Шукиным и Дмитрием Брызгаловым и др. (Сб. РИО. СПб., 1911. Т. I34. С. II, 12).

^{xx} Наказ подписан купцом Александром Протопоповым и 72 купцами, 28 цеховыми и др. (Сб. РИО. Т. I34. С. 19-21).

^{xxx} Наказ подписан купеческим головой Н.П. Масловым и 160 купцами (Сб. РИО. Т. I34. С. 31).

Пензенский купец Степан Любавцев получил наказ (датирован 17 апреля 1767 г.)⁴⁵, который отразил ряд требований купечества, прежде всего касавшихся запрещения торговли иногородним купцам и крестьянам "с новыми штрафами и конфискованием товаров", чтобы "настоящим градским купцам... в торгах и промыслах подрыву и помешательства не было".

В наказе жителей Пензы сообщалось, что крестьяне не только дворовые, но и помещичьи торгуют разными шелковыми товарами, сидя в лавках, якобы по кредитам от купцов, не считаясь с указом 1761 г. Крестьяне (как и иногородние купцы) "тайно и явно" торгуют в розницу, а в торговые дни скапают по дорогом цене воск, мед и др., не допуская к покупке "гражданское купечество". Взвинчиванием цен они наносят немалый ущерб доходам купечества.⁴⁶

Земельный вопрос не в меньшей степени волновал пензенское купечество. Оно писало, что во время пожаров 1751 и 1767 гг. в городе сгорело много купеческих домов. Поскольку постройки были тесными, местные власти, опасаясь пожаров, запретили строиться на старом месте. Разрешением строиться на выгонных землях горожане не могли воспользоваться, так как пахотные солдаты, завладев этой землей, не допускали к ней, хотя по писцовым книгам эта земля была закреплена за "всеми градскими жителями". Не допускали они купцов и цеховых в большой Сурский лес, также закрепленный за городом. Поэтому купечество принуждено покупать у пахотных солдат лес, нанимать дворы (на выгонах). Мало осталось у купцов и цехов сенных покосов. Все это вынуждало просить, если при межевании окажется у пахотных солдат или соседних помещиков лишняя земля и покосы, отдать ее купечеству и цехам, чтобы "от того малоимения сенных покосов не имели найма у посторонних и напрасного убытка".⁴⁷

Пензенское купечество добивалось не только права на землю, но и на владение дворовыми людьми, так как наем работников часто разорял их. Наёмные люди, получив задаток, не прослужив установленного договором срока, писали авторы наказа, убегали, а розыск оказывался безрезультатным, в том числе и из-за запрещения по указу Сената от 1761 г. брать с них обязательства по векселям.

В исторической литературе нередко просьбы о разрешении верхушке купечества ("кто в том достаток признает") покупать крепостных людей (крестьян и дворовых) расцениваются как стремление приблизить себя к "благородному" сословию. Нам представляется, такое объяснение, учитывая существующую систему крепостного строя в стране, не является исчерпывающим. Сами депутаты объясняли свои просьбы весьма определенно. Они указывали, что покупка крепостных является вынужденным шагом, продиктованным загруженностью разного рода службами, а также трудностью, а в некоторых случаях невозможностью найти наемных работников, дорого-

⁴⁵ Наказ подписан бургомистром провинциального магистрата Максимом Свешниковым, 40 купцами и 8 цеховыми (Сб. РИО. Т.107. С.476).

визной оплаты их труда, их непоседливостью и непослушанием (Кунгур, Уфа). В рассматриваемом наказе пензенских горожан говорится не об отсутствии предложении свободных рабочих рук, а о ненадежности и убыточности постоянного их использования в домашнем хозяйстве, поэтому предпочтительности труда крепостных. О своей же вине в уходе и бегстве наемных людей купечество умалчивало, хотя во многих случаях побеги происходили из-за тяжелых условий труда и низкой его оплаты. Владение крепостными открывало купечеству возможность наживаться на низкой оплате труда закрепленных за ними работников.

По данным, содержащимся в наказе Пензы, в городе проживало 502 купца и 143 цеховых ремесленника, из которых 143 человека находились при кабацком сбore, 15 - при соляном, много горожан отсыпалось в Саратов для приема и отпуска "елтонской соли" в качестве ларечных, цеволовальников, подъячих. Наказ отразил крайнее недовольство купечества разного рода повинностями и службами. "За малолюдством пензенского купечества и цехов" купечество просило "к службам и к делам" в другие города не посыпать, чтобы оно "не приходило б в упадок". Постойную повинность предлагалось разложить на всех городских жителей, а не только на купцов и цеховых, снизить сборы с бани с 1 руб. до 15-25 коп. Предлагалось также жалование лекарю (144 руб. в год) собирать не только с купечества и цеховых, но со всех ревизских душ Пензенской провинции, отменить выплату жалования (48 руб.) пробирному мастеру (проба золота и серебра). Купцы желали, чтобы члены магистрата избирались сроком не более чем на один-два года. "Во охранение купечества и цехов" за бесчестье, считало пензенское купечество, следует повысить штраф в соответствии с принадлежностью к той или иной гильдии.

Депутату г.Пензы С.Любавцеву был вручен наказ от канцеляристов и подканцеляристов (16 октября 1767 г.), подписанный городским головой Ильей Григорьевым, канцеляристами и др. (23 человека). Представители этой категории горожан указывали, что прежде приказных служителей было более 70 человек, теперь же в качестве канцеляристов, подканцеляристов и копиистов трудятся всего 16 человек (с годовым жалованием 10 руб.). В "отлучках" по делам они иной раз бывают до пяти лет, и из-за отсутствия дворовых людей у неверстанных приказных служителей их хозяйства приходят в упадок. Верстанные, владея землей и крестьянами, имеют возможность поддерживать свои хозяйства на соответствующем уровне, обеспечивающем содержание семьи. Неверстанные служители, ссылаясь в своем наказе на этот факт, просили права владеть землей и крестьянами, особенно для тех из них, которые состоят в браке с дочерьми или родственниками дворян, права строиться на выгонных городских землях⁴⁸.

Саранское купечество в своем наказе^X единодушно высказывалось за запрещение крестьянской торговли, торговли "разночинцев", которая при-

^X Наказ представлен в Уложенную комиссию депутатом ратманом И.С.Котельниковым и подписан купцами Тимофеем Котловым, Петром Гурьевым, бурмистром Василием Фадеевым, 26 купцами, сыном подъячего (фамилия не указана) и др. (Сб. РИО. т.107. С.621).

водит их "в несостояние". Тем самым оно требовало сохранения и упрочения своих сословных привилегий.

Разного рода служба и повинности, по заявлению саранских купцов, были крайне обременительными для них. Стремясь облегчить свое положение, они предлагали привлекать к ней и цеховых. Кроме того, настаивали на обеспечении жалованием служащих магистратов.

В своем наказе купечество г. Саранска просило разрешить им покупку "дворовых людей для необходимых своих домашних и заводских работ". Что касается заводов и фабрик, то, по мнению саранских купцов, они должны строиться на "государевых землях и дачах", так как горожане остро ощущают недостаток земли, в том числе лесных угодий.

Помимо общих проблем, которые волновали саранское купечество, как в целом купечество большей части городов, они в своем наказе ставили вопросы, непосредственно относившиеся к их жизни и деятельности. Так, они просили снять с них накопившиеся за многие годы недоимки за откупы кабацких и других сборов в размере нескольких десятков тысяч рублей, приносившие им "всеконечную скудость и разорение". Они сообщали, что "онаго кабацкаго сбору содержать не желают"⁴⁹, как и оставлять за собой обязанность выплачивать жалование лекарю, осуществлять сборы с бани.

К наказу купечества Саранска было приложено "прощение" цеха^X этого города. Цеховые ремесленники жаловались на тяжесть государственных податей и служб, притеснения со стороны купечества, в частности в промыслах.

Приказные служители Саранска также выступили с "прощением"^{XX} у законить покупку дворовых людей, выплату пенсии по окончании службы. Они просили снять с них рублевой сбор с бани.

Саратовское купечество, которое, как сообщал наказ депутату Ивану Портнову^{XXX}, по последней (третьей) ревизии насчитывало 1150 человек, предлагало "престарелых, дряхлых и увечных, почти вовсе пропитания не имеющих", исключить из купеческого сословия. А в "дополнение и умножение" купечества записывать в него выходцев из бобылей, пахотных солдат и казаков, "торг иметь могущих"⁵⁰.

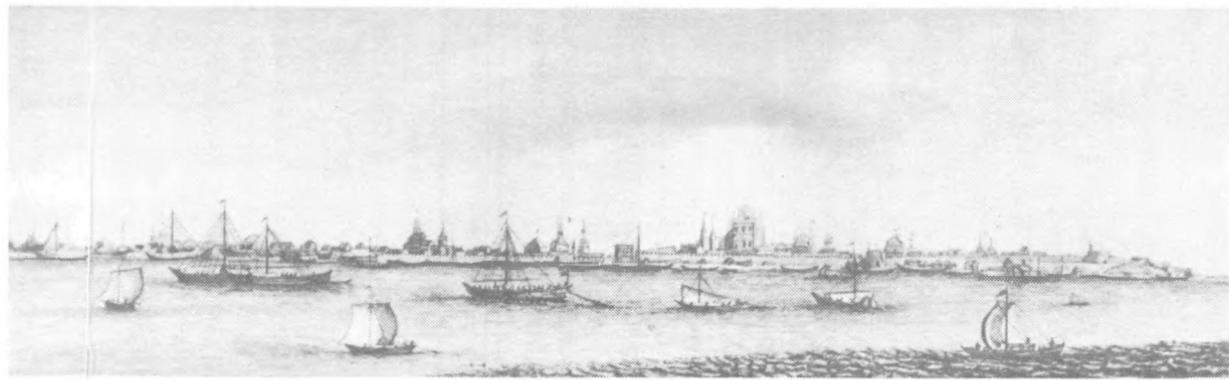
Депутат Афанасий Ларионов представлял наказ г. Симбирска^{XXXX}. В наказе сразу заявлялось, что цель содерявшихся в нем просьб и предло-

^X Прощение было вручено ратману И. С. Котельникову и подписано цеховым старостой Тимофеем Поломасовым (Сб. РИО. Т. 107. С. 621, 622).

^{XX} Прощение подписано бургомистром Василием Федеевым, саранской воеводской канцелярии канцеляристами Иваном Клоковым и Тарасом Чуприковым, 6 канцеляристами, 5 подканцеляристами и 9 копиистами (Сб. РИО. Т. 107. С. 623-626).

^{XXX} Наказ представил депутат Иван Портнов, подписан городским головой Федором Калабзаровым и др. (Сб. РИО. Т. 134. С. 272, 273).

^{XXXX} Наказ подписан городским головом Петром Свешниковым, бургомистром Андреяном Набоковым, 2 ратманами, 56 купцами и 26 цеховыми (Сб. РИО. Т. 107. С. 554).

Астрахань. Гравюра начала XVIII в. ГИМ.

женый – "поправление бедно состоящего купечества и цехов". Прямо или косвенно такое обобщение своих целей купечество выдвигало в большей части своих наказов. "Совершеннейший подрыв" купечеству наносит, говорилось в наказе, торговля и промыслы помещиков и "разного звания обывателей". Последние тем самым не могли как положено заниматься своей "экономией", т.е. посавом хлеба и "прочими экономическими домовыми обращениями". Отсюда дороговизна хлеба и других продуктов питания и ущерб всему народу.

Симбирское купечество просило запретить откупщикам и подрядчикам скупать в уезде хлеб, кожу, а покупать нужный им товар только у представителей купечества. Продукты производства горных заводов и разных фабрик, владельцами которых являются "разного звания чинь", как говорится в наказе, не должны завозиться в Симбирск для продажи в розницу. При этом они ссылались на положение торгового устава 1755 г., согласно которому продажа продукции этих предприятий купечеству должна осуществляться оптом.

Неблагоприятно отражаются на имущественном положении купечества, указывали симбирцы, случаи, когда заводчики и фабриканты исключаются из купечества. Им надо быть "во всем на ряду с купечеством", ибо "ныне по увольнении заводчиков и фабрикантов от платежа излишних сверх их душ подушных денег и других податей, от служеб, от постоев домов их и прикащиком и от выключки некоторых и совсем из купечества и с подушного окладу, оставшие купцы несут немалое отягощение". Это тем более ощутимо, что купечеству и без того приходится платить подати и нести службу за умерших, отанных в рекруты, несостоительных по имущественному положению купцов.

Наказ ставил вопрос о необходимости установить жалование приказным служителям, избранным магистратом из числа купцов. Они "несут тягость и приходят в упадок", находясь на своем содержании иногда в течение многих лет. 300–400 купцов, сообщается в наказе, привлекаются на разного рода службу (в качестве головы, ларечного целовальника) в городе и уезде: "к приему вина и соли, вина от подрятчиков и отдачи откупщикам, а соли от вощиков с озера в магазеины и к отдаче на суда и на подводы"⁵¹. Кроме того, из представителей купечества и цеховых до 200 человек набираются в полицию (сотники, пятидесятники, десятники, уличные старосты). Пожарную службу тоже несет эта категория горожан. В результате почти все купечество и цеховые Симбирска состоят на службе, которая приводит к "отлучкам" от ремесел и разорению. Симбирцы напоминали об указе императора Петра I от 15 апреля 1722 г., который рекомендовал использовать на службе отставных. Они хотели бы избавиться от обременительной постной повинности, отказывались содержать лекаря. Этот городской наказ ставил вопрос о разрешении первостатейному купечеству и купцам "второй статьи" покупать крестьян, ссылаясь на то, что в "России многое крестьянство состоит во владении у помещиков, к великому наиму по контрактам никакого способа найти не можно"⁵². Без запи-

си в цеха, указывали жители Симбирска, никто не должен заниматься в городе ремеслом.

К наказу жителей г. Симбирска был приложен наказ приказных служителей^х, в котором они просили "об определении пропитания" отставным и престарелым.⁵³

В наказе жителей г. Самары^{xx} (май 1767 г.), врученном депутату купцу Данилу Рукавину, прежде всего напоминалось, что город был построен "вскоре по взятия Астрахани" и ему были пожалованы "безоброчно, в вечное владение, земли, рыбная ловля, сенные покосы, лесные и прочия угодья, о чем имелась жалованная грамота, но в пожар 1700 г. она сгорела. В 1727 г. по указу симбирской провинциальной канцелярии часть земель была отдана в "вечное содержание" самарцу Ивану Иевлеву, отставному сотнику Ивану Славинову, в 1764 г. полковнику П. Порецкому и др. В 1750 г. чуваши и мордва д. Шеряевских Вершин Самарского уезда и ново-крещеные Пензенского уезда (125 душ) заняли еще ряд земельных участков, на которых "хлеб пашут, сена косят и всякой лес пустошат". От этого "все градские жители явною их наглостию и усиливением крайне притесняли и принуждены" свой скот пасти в дикой степи за р. Самарой, где небезопасно от набегов калмыков, "воровских людей". Жители города Самары жаловались также на "притеснение и отягощение" излишними поборами и настаивали на снижении сборов с бани с 1 руб. до полтины. Они указывали на обременительность "казенной службы", отрывающей их от хозяйства иногда на пять лет (с собственным содержанием), в то время как казаки и их старшины ведомства Оренбургского корпуса, проживая в Самаре, торгуя и владея кожевенными предприятиями, рыбными ловлями, податей не платят и служб, относившихся к купечеству, не несут.

Горожане просили вернуть им земли и покосы, защитить от излишних сборов за степные умбы (по дороге на Яик), взятые на откуп сызранским купцом Федором Поповым, торгующих казаков и старшин записать в купечество или запретить им торговлю, разрешить штатским и нижним воинским чинам, не имеющим жалования, а также купцам первой и второй гильдий покупать дворовых людей (без земли), регулировать постайную по-винность и, наконец, выделить магистрату под проценты 4 тыс. руб.⁵⁴

В наказе жителей г. Самары напоминалось о пожалованиях, данных им в прежние времена, - "безоброчно, в вечное владение, земли, рыбная ловля, сенные покосы, лесные и прочия угодья по урочищам, снизу Волги реки, от Самарского устья вверх по Волге и по Самаре рекам...".⁵⁵

^х Подписан симбирской провинциальной канцелярии протоколистом Алексеем Баженовым, регистратором, II канцеляристами и 5 подканцеляристами, отставным губернским регистратором (Сб. РИО. Т.107. С.556).

^{xx} Наказ подписан бургомистром Иваном Халевиным, ратманом Василием Синицыным, канцеляристом Иваном Калишевцовым, коллежским регистратором Иваном Еремеевым, купеческим старостой Иваном Макеевым (Сб. РИО. Т.107. С.467).

Примечательно, что в этой части наказ перекликается в известной мере с некоторыми положениями пугачевских указов, провозглашавших передачу народу земли, покосов, рыбных угодий⁵⁶.

Жители г. Яранска представили в Уложенную комиссию через своего депутата купца И.М. Антонова наказ и прошение (9 июля 1767 г.)^X. В наказе они сообщали, что дворцовые и ясачные крестьяне, несмотря на запрещение, торгуют в городе и уезде "воском, медом, кожей и салом говяжьим, овчиной, белкой, лисицей и всякой пушной и прочей", причем от яранской канцелярии и дворцовых управителей им в том "потачка и явная понаровка"⁵⁷.

Кроме того, они обвиняли яранскую воеводскую канцелярию, что она "насильно" отнимает у купечества "оброчные земли, сенные покосы, луги и мельницы, со всяким строением и городбами", в то время как указанным владельцам они с "давних лет, по писцовым отводам и межеваниям". Это наносит ущерб той части купечества, которая, не участвуя в торговле, "по необходимости для собственного своего жития и прокормления, хлебопашества и дома заведа"⁵⁸. Наставая на сохранении существующего положения, купечество ссылалось на практику занятой хлебопашеством представителей купечества городов Козмодемьянска, Василя, которая дает возможность содержать свои семьи и платить налоги. "Гражданство" Яранска обвиняло в незаконных действиях бывшего канцеляриста воеводской канцелярии Захара Балохонцева, построившего мельницы на р. Яране и запретившего сплав леса, необходимого для городских построек. Как и во многих других городских наказах, данный наказ Яранска содержал также просьбу освободить купечество от выплаты жалования пробирному мастеру, лекарю.

Свияжское купечество численностью около 200 человек предлагало в своем наказе^{XX}, как и пензенское купечество, постойной повинностью обязать все население города, независимо от сословной принадлежности. Кроме того, их наказ содержал требование облегчить разные службы купечеству, а также обязать выплачивать жалование лекарям, пробирным мастерам.

Торговля, по мнению авторов наказа г. Свияжска, - это привилегия купечества, "не имевших купецкого права" необходимо исключить из сферы торговли. В занятия торговлей, считало свияжское купечество, следовало ввести определенный порядок, а именно за иногородними купцами оставить только право на аттовую торговлю.

^X Наказ подписан вместо старости И.М. Антонова купцом П.П. Севрюгиным, купцом А.Е. Поповым, 16 купцами, 7 лицами без указания их социального положения (Сб. РИО. Т.107. С.561).

^{XX} Наказ вручен депутату коллежскому регистратору П.П. Афанасьеву и подписан городским головой Матвеем Лазаревым, 37 купцами, 2 ратманиами, 8 канцеляристами, 8 подканцеляристами и др. (Сб. РИО. Т.107. С.564, 578).

Свияжское купечество, указывая, что в разных "Свияжской провинции городех купцам не только сенные покосы, лесные угодии даны, но и пашенными землями и рыбными ловлями довольно награждены и пользуются, а свияжское купечество и граждане от того несут напрасные убытки", про-
сило разрешить "гражданству" Свияжска владение землей⁵⁹.

Они выступали и за распространение права купечества на покупку дворовых, обосновывая свои претензии, как и многие их собратья по сословию, частными разъездами в связи со службой, к которой принуждается купечество. Более того, они поддерживали канцелярских служителей, не имевших офицерских чинов, в получении права на приобретение дворовых.

В наказе г. Василя⁶⁰ купцу М. В. Телнову (позже он сдал депутатство санкт-петербургскому купцу Андрею Мехову) поднимается вопрос, особенно волновавшие купечество этого города, - прежде всего разного рода повинности. Город был расположен на "самой большой дороге" из Москвы, Сибири, Казани, Оренбурга, Екатеринбурга, при городе имелся Сурский перевоз. Купечество сообщало, что каждые сутки они собирают только одних лошадей до 50 и сопровождавших их по 70 человек⁶⁰. Более того, с них требуют выставлять для выгрузки судов по 30-40 человек, при этом еще используются амбары купцов, а к охране складов они же выделяют сторожей. Посадское население обязано собирать деньги на жалование лекарю (12 руб.), по 3 руб. квартирных, на содержание Царево-санчурской почтовой станции. В своем наказе купечество города мало-валось на обременительность службы, отвлекающей их на длительное время (два-три года) от непосредственного дела - торгово-предпринимательской деятельности. Они несли службу в Оренбургской губернии, Исетской провинции и т.д. Наказ г. Василя, как и наказы Пензы, Саранска, Свияжска, содержал требование облегчить купечеству повинности и службы путем распространения некоторых из них на более широкие категории населения города или уезда в целом. В случае с г. Василем выдвигалось предложение к содержанию Царевосанчурской почтовой станции привлечь все уездные города Свияжской провинции, а в городах - не только купечество, но и разночинцев. Купечество подкрепляло свое предложение ссылками на то, что им приходится платить государственные подати за многих "слепых, дряхлых и вовсе увечных", записанных по последним двум ревизиям в купечество. Об обременительности последних платежей писало в своем наказе и купечество г. Козмодемьянска.

Наказ жителей этого города депутату Афанасию Ивановичу Замятину⁶¹ отразил, как и другие наказы, стремление купечества монополизировать торговлю, отстранив от участия в ней крестьян, "обывателей всякаго званья".

⁵⁹ Подписан бургомистром васильгородской ратуши Ларином Черавым, купцом Фомой Ребиховым, подьячим Т.И.Роздыяконовым, 73 купцами и 26 посадскими (Сб. РИО. Т.107. С.485).

⁶⁰ Подписан ратманом Федором Шмаковым и 104 купцами (наказ не датирован) (Сб. РИО. Т.107. С.489).

В наказе жителей г.Козмодемьянска указывалось, что "градские и уездные обыватели всякого званья, разночинцы и мещане, и крестьяне, чуваши и черемисы", не записавшись в купечество, не выполняя его "тягот", торгуют "на торгу" и в лавках разными "купеческими товарами" – шелком, красной кожей, пушниной из Перми, а также хлебом, мясом, салом, медом, воском. Торгуют не только в Козмодемьянске, но и в других городах на "знатные суммы"⁶². Несмотря на запрещения, их торговля не только не сокращается, но "от часу" умножается.

В подавляющем большинстве наказов указывалась дата его составления, фамилия депутата и фамилии подписавшихся. Наказ г.Цивильска отличает любопытная подробность: названа группа горожан, которой было поручено составление наказа. В эту группу входили купец А.П.Перетрухин, купец Л.М.Яшин^X, отставной капитенармус И.Г.Ядринцов^{XX}, канцелярист Н.М.Ерофеев^{XXX}. В наказе сообщалось, что горожане не имеют земли, необходимой "на выпуск скотины для корму", "для рубки лесу". "Приходит в наивыщий упадок" купечество и из-за крестьянской торговли, крестьяне, "оставя земледелство и пропчуя в работе крестьянскую свою должность, наивсегда в том купечестве, как бы они настоящие купцы, обращение имеют". Кроме того, купечество Цивильска недовольно приездом купцов из соседних городов для скупки хлеба.

Купечество Цивильска просило дать первостатейным из них и среднего состояния право покупать дворовых людей, так как привлечение к работе новокрещенных не оправдывало себя. Они стремились освободиться от сборов на жалование лекарю, пробирному мастеру, находившимся в Свияжске (соответственно 10 руб. 62 коп. и 2 руб. 82 коп.)⁶³.

Наказ жителей г.Казани^{XXXX} представлял владелец медеплавильного завода купец И.И.Кобелев. Наказ состоит из 17 пунктов, в которых затрагиваются разные стороны жизни этого большого торгового города, одновременно крупного центра суконной промышленности и различных ремесел.

Постоянная повинность для горожан Казани была, по-видимому, настолько обременительна, что свой первый пункт наказа они начинают именно с ее "множества". В наказе сообщалось, что квартиры постоянно занимаются едущими с разными поручениями в Симбирскую и Оренбургскую губернии. "Хозяева же, сколько б семейства не было, принуждены оставаться жить в людских избах и подклетях обще с дворовыми тех постоялцов людми и

^X В подписи: "Юшен".

^{XX} В подписи: "Ядринцов".

^{XXX} Подписали наказ помимо его авторов городской голова Ф.М.Толмачев, 20 купцов, 2 посадских, подканцелярист, 2 капитенармуса, солдат, прапорщик, 2 лица без обозначения социальной принадлежности (Сб. РИО. Т.107. С.509).

^{XXXX} Наказ подписан владельцем суконной мануфактуры Иваном Дрябловым, 38 купцами, 14 цеховыми, рядом должностных лиц и др. (Сб. РИО. Т.107. С.522).

денщиками". "Обиды и убытки", "немалое разорение" терпят горожане и от необходимости кормить своих постоянных жильцов. Казанцы предлагают построить за счет всех живущих в городе казенные квартиры, специально предназначенные для проживания проезжих⁶⁴.

Второй пункт данного наказа посвящался положению приказных служителей. Он напоминал, что до 1754 г. (межевания земель) приказные служители, купцы, мурзы и татары, однодворцы могли приобретать недвижимое имущество. Лишившись "не только наследственных крестьян, но и для необходимых домашних нужд дворовых людей", приказные служители остались "против прежнего своего достоинства в немалом презрении", а особенно по сравнению с имеющими "деревни и дворовых у себя людей, мурз и татар и однодворцев"⁶⁵ (при этом дается ссылка на 36-ю главу Генерального регламента императора Петра I). В наказе проводится мысль о необходимости разрешить приказным служителям покупать "некоторое небольшое число" дворовых для "исправления домашней экономии". Аргументируется это тем, что "наемных же для исправления домашних работ волных людей с паспорты сыскать едва можно, да и то с большой платой. Но и те, взяв вперед деньги и не дожив срочного числа, бегают и при том чинят немалых кражи и тем приводят в разорение"⁶⁶. Наказ поднимал вопрос об установлении приказным служителям (как военнослужащим) и их семьям пенсии. Наказ отразил и просьбу разрешить купечеству покупать дворовых людей "до нескольких семейств". Это "неминуемо", потому что представителей купеческого сословия постоянно отвлекают на разного рода службы (в том числе полицейскую).

Что касается вопросов, относящихся к области торговли, то жители г. Казани выразили протест против занятий торговлей представителей других сословий. Так, дворяне, по мнению представителей наказа, и без того имеют большие привилегии в обществе. Размах их торговой деятельности должен быть строго ограничен, на рынок может вывозиться только то, что в "вотчине родиться".

Показательно, что наказ содержит специальный пункт о ремесленниках. В нем говорится, что крестьян (из разряда государственных, экономических), овладевших ремеслами, следует приписать к г. Казани с платежом 40-алтынного оклада и исключением из оклада по прежнему месту жительства. Здесь проявилась заинтересованность в увеличении категории ремесленников, обслуживавших запросы городского населения Казани.

Развернутое освещение нужд и требований, а также некоторых обязательств горожан находим в "мнении", с которым выступил на одном из первых заседаний (2 октября 1767 г.) депутат от купечества Рыбной слободы^х Алексей Попов. Слобода входила в зону восстания, поэтому остановимся на этом документе подробнее. Начинает он с того, что напоминает, какие усилия прилагал "обновитель России" Петр I для приведения в "цветущее состояние русского дворянства и коммерции". О последней он

^х Рыбная слобода (на Волге) Ярославской губернии стала г. Рыбинском по областной реформе 1775-1785 гг.

имел "отеческое попечение". Петр I стремился "русское купечество, сбрав яко разсыпанную храмину, не только сраунить, но и возвысить над европейскими купцами, зная достоверно, как нужна коммерция государству, что и видим на самом деле в европейских державах". Но после кончины Петра I дворянство многоного добилось, купечество же не смогло достичнуть "желаемого им состояния"⁶⁷. С Уложенной комиссией, отметил далее Попов, купечество связывает немалые надежды: не только сохранить права, данные в период царствования Петра I, но и получить некоторые новые привилегии. Однако то, что приходится наблюдать в ходе деятельности комиссии, вызывает опасение, что "русскому купечеству готовится большое отягощение, как будто оно вовсе не нужно для государства".

"Вместо того, чтобы в силу указов императора Петра Великого, - говорил Попов, - утвердить за купечеством их права и вольности, а другим всякого звания людям строжайше запретить вести торговлю, чрез что натурально купечество могло бы достичь большого благосостояния, помянутые господа депутаты напротив того предлагают, ко вреду купечества, чтобы как благородному дворянству, так и крестьянам предоставлено было (разрядка моя - М.К.) пользоваться купеческим правом наряду с купцами. Эти господа домогаются, чтобы купцам запрещено было иметь всякия фабрики и минеральные заводы, которые устроены и размножены собственным их старанием и на свои капиталы... К этому они еще предлагают, чтобы крестьяне, привозящие в города свои произведения, имели право продать их в розницу... купцы терпят от них много обиды и помешательств"⁶⁸.

"Мнение" Попова содержит 11 пунктов, в которых детально изложены стремления купечества, не проходит он мимо и положения некоторых других категорий городского населения. В первых из пунктов "мнения" он указывал на необходимость восстановить данное Петром I купечеству право на заведение фабрик и заводов, с покупкой земли и крестьян (в том числе право на содержание винокуренных заводов), что принесет "большую пользу для государства".

Попов настаивал на том, чтобы купцы по месту своего жительства (в городах) могли иметь "лавки, анбары, погреба, постоянные дворы, харчевни, дома, сады, огороды и домовые бани, без платежа с них поземельных и других оброков"⁶⁹. Купечество должно иметь свой орган управления и суда - магистраты и ратуши, что было установлено указом от 16 января 1721 г.

Попов требовал не только прав, но и определенных обязательств со стороны купечества. У купцов, перешедших в асессоры, советники, директора и в другие чины и исключенных из подушного оклада, должно быть отнято право заниматься торговлей. Кроме того, Попов подчеркивал необходимость "купцам своего права никому, ни за что и ни под каким видом не передавать; также кредитов крестьянам и разночинцам отнюдь не давать, в лавках сидельцами их не сажать...". Если кто-нибудь из

⁶⁷ Попов допускает использовать крестьян только в качестве извозчиков.

разночинцев или крестьян будет торговать под именем купцов, то у тех, несмотря ни на какие их оправдания, конфисковать в казну все продаваемые ими товары. "Купцов же, которые будут сажать их в лавки и давать им кредит, подвергать штрафу, дабы чрез это те и другие не отважились вредить коммерции, и чтобы означенными обязанностями могли пользоваться ма ломощиye (разрядка моя. - М.К.) из купечества и улучшать свое состояние. Когда же разночинцы будут занимать эти места, то маломощные купцы принуждены будут снискивать себе пропитание крестьянской работой"⁷⁰. Таким образом, Попов не оставляет в стороне интересы и низших слоев купечества. Об этом же говорит 9-й пункт "мнения", где, предлагая запретить разночинцам в городах иметь лавки и харчевни, он настаивает "представить этот промысел бедным людям из купечества, дабы сим способом они могли себя поправить, как об этом указано и в регламенте главного магистрата"⁷¹.

Что касается "крестьян и разночинцев", "иноверцев", то они, пожелав пользоваться "купеческим правом", должны записываться в купечество "вечно, а не временно". И ремесленникам тоже надлежало записываться в цехи "вечно и временно, с платежом купечеству" и подчинением магистратам и ратушам. С наибольшей обстоятельностью Попов разъяснял мысли о правах на торговлю. Главное обоснование у него - "если нужно, чтобы русское купечество приносило государству полезные плоды, то непременно должно запретить торговать другим всякого звания людям"⁷². Особенно подробно останавливался он на необходимости запретить торговые дела дворянству и крестьянам. "Дворянству не дозволять торговать и ни у кого, ни под каким предлогом. покупать купеческое право". Имеющий большие привилегии и "драгоценное имя дворянина", доказывал Попов, не должен заниматься коммерческими делами; "фабричные, заводские и разные торговые промыслы дворянам, по их званию, не свойственно... благородному русскому дворянству, как мне кажется, надлежит иметь старание о приведении в лучшее состояние земледелия их крестьян, и смотреть, чтобы последние обрабатывали свою землю с прилежанием и усердием. Когда же эти крестьяне будут оставаться при своем жребии, то из сего последует хороший урожай всякого рода хлеба и произойдет для государства польза". Попов подробно, по пунктам, излагал мысли о том, в чем именно будет заключаться польза:

1. "Сами владельцы и их домашние будут удовлетворены в пропитании".
2. Оставшийся хлеб может быть отвезен в город и продан оптом мещанам, а полученные деньги крестьяне используют для уплаты подушной пошлины, оброка, собственных нужд.
3. Регулярный подвоз хлеба крестьянами в город не сможет не содействовать стабильности цен на него, "а не так как ныне, по нарачению землевладельцев к хлебопашеству, он продается чрезвычайно высокую цену". "Умеренная цена хлеба"^X, - отмечает далее Попов, - при покупке его мещанами может доставить им способы прийти в лучшее состояние".

^X Кн.М.Щербатов считал, что умеренная цена хлеба "сама собою установится, коль скоро земледелец будет защищен, и в продаже своих про-

4. Привоз хлеба в российские города, в том числе портовые, "будет иметь последствием дешевизну хлеба и в этих городах; от этого и обычавтели городов будут иметь большое облегчение, а особым бедным (разрядка моя. - М.К.), часто не имеющие возможности купить себе хлеба по его дорожизне".

5. "Прилежное" занятие земледелием и отсюда снижение цен на хлеб важно и для подрядов провианта в казну, в чем не могут не быть заинтересованы власти. Все, о чем сказано, заключал Попов, принесет пользу обществу и прибыль казне. Из крестьянской торговли, по его мнению, ничего полезного не происходит, а, напротив, только вред. "По незнанию... тонкостей коммерческих оборотов" некоторые крестьяне, проторговавшись и не заплатив купцам за взятые товары, скрываются из городов, но в родные селения и к земледелию не возвращаются, и купцам приходится платить за них подушные и оброчные деньги (в селения), что никак не устраивает купечество.

Крестьянин должен "для пользы всего государства" (разрядка моя. - М.К.) заниматься "единственно хлебопашеством, а не в какую торговлю, по силе приведенных выше узаконений, не вступать; и поэтому при сочинении проекта нового Уложения сделать постановление о строжайшем запрещении (разрядка моя. - М.К.) крестьянам и разночинцам вступать в торговый промысел с тем, что ежели кто из них будет в оном изобличен, то все товары такого конфисковать"⁷³. Итак, Попов твердо отстаивал привилегии купечества на торговую деятельность, заведение фабрик и заводов с правом покупки земли и крестьян. Показательны его исторические экскурсы в Петровскую эпоху и попытки обосновать свои требования стремлением принести большую пользу интересам всей страны.

При сравнении данного Попову наказа и "мнения" обнаруживается, что последнее не являлось повторением конкретных положений наказа, а шло в их развитие на пользу привилегий купечества.

"Мнение" Попова поддержало 69 депутатов. Среди них были депутаты многих городов Поволжья, находящихся в зоне восстания Е.И.Пугачева. Это Нижний Новгород, Ядрин, Камышин, Балахна, Алатырь, Арзамас, Дмитровск, Цивильск, Козмодемьянск, Пенза, Темников, Касимов и др.

Обратимся к тому, какие "мнения" в ходе дискуссии высказывали депутаты этих и других городов Поволжья.

Выше был дан анализ наказа горожан Пензы Степану Любавцеву. В ходе дебатов (40-е заседание, 15 октября 1767 г.) этот депутат подробно обосновывал необходимость запрещения крестьянской торговли. Он гово-

---

изведением не встретит притеснений, когда купцы будут лишены права покупать для фабрик людей, а дворяне, имеющие в деревнях своих фабрики, будут производить на них валовую работу только в зимнее время, тогда в летнюю пору земледельцы будут более радеть о плодородии земли" (Сб. РИО. Т.8. С.63).

рил: "Некоторые господа депутаты от дворян и от новокрещенцев представляют комиссии, что крестьянам и людям других званий, кроме купечества, следует дозволить торговать в розницу не только хлебом и другими припасами, но и прочими товарами". Это противоречит, по его мнению, действующим указам, запрещавшим "ни под каким видом" торговать шелковыми, бумажными и прочими товарами, а разрешавшим крестьянам торговлю только продуктами собственного изготовления: хлебом, медом, воском, хмелем, маслом и проч. Несмотря на эти указы, крестьяне и новокрещеные не ограничиваются торговлей "мелочными товарами" (на разрешении ее настаивали некоторые депутаты на том основании, что крестьяне берут этот "мелочный товар" в городах тех уездов, где сами проживают, из лавок "для удовольствия уездных жителей"). Они торгуют и товарами, привезенными из Астрахани и Оренбурга, в уездах и городах для "своей пользы"⁷⁴. Ссылаясь на статьи Наказа (3, 22, 34, 294, 317), Любавцев выступал за строжайшее запрещение "крестьянам, новокрещенцам и татарам и прочим разночинцам" появляться на рынках с товарами, "им не подлежащими" (шелковыми, бумажными), особо оговорив продажу хлеба собственного изготовления, а не скупленного. Крестьяне, считает Любавцев, должны заниматься земледелием, "от этого хлеб может быть дешевле и последует народная польза; а ежели им дозволить торговать, то обществу никакой пользы ожидать нельзя, кроме утеснения купечеству; сверх того, земледелие будет умаляться, а в хлебных ценах должно ожидать еще возвышения"⁷⁵.

Таким образом, вслед за Алексеем Поповым, аргументировавшим необходимость запрещения крестьянской торговли "пользой всему государству", Степан Любавцев также ссыпался на "народную пользу".

В данном случае сказалась противоречивость позиций купечества: с одной стороны, защита узкосословных интересов купечества, с другой – казалось бы, выход за рамки этих сословных интересов.

Депутат г. Яранска Казанской губернии Иван Антонов в своем "мнении" (36-е заседание, 9 октября 1767 г.) прямо констатировал, что "купцам настоит крайняя надобность" иметь право покупать и владеть дворовыми людьми. По "точным" данным, которыми он располагает, в г. Яранске добровольно нанимавшихся людей мало, да и те нередко убегают, не отработав взятые у нанимателя вперед деньги. "Да и во время пребывания своего в найме, зная, что они не крепостные, и потому не имея никакого страха, делают всякие своеевольства и причиняют хозяевам много хлопот". Он указывает, что на "подобных наймитов" купечество не может положиться, они теряют доверие и кредит⁷⁶.

Он же выступил с предложением разрешить приказным служителям, не имевшим права владения недвижимым имуществом, покупать дворовых людей для домашних работ⁷⁷. Всякня "своевольства" наемных работников – новая по сравнению с приведенными другими депутатами (например, г. Пензы) мотивировка причин необходимости получить права на подневольный труд крепостных.

Далее депутат напомнил, что, по Соборному уложению 1649 г., за бесчестье купцам первой гильдии выплачивалось 7 руб., второй - 6 и третьей гильдии - 5 руб. В этом отношении личное достоинство "купечества находится в крайнем пренебрежении и опасности". Получаемое ими не компенсирует судебных издержек и потери времени. Поэтому Антонов предлагал увеличить размеры штрафа за бесчестье: купцам первой гильдии выплачивать 150 руб., второй - 100, третьей - 50 руб., а заувечье - вдвое больше названной суммы⁷⁸.

Иван Антонов предлагал запретить детям купцов, оставшимся сиротами, ходить за милостыней, а разрешить купцам брать их на воспитание для обучения грамоте и коммерции с выплатой за них подушной подати. За это они обязаны до 20-летнего возраста оставаться у воспитавших их людей, с тем чтобы после 15 лет отработать расходы на их содержание⁷⁹.

Депутат от г. Черного Яра Семен Сережников на 40-м заседании 15 октября 1767 г. поддержал депутатов, настаивавших на разрешении купцам покупать крестьян и владеть ими. Он считал это особенно важным для купечества Астраханской губернии, так как они постоянно испытывали "крайнюю нужду" в найме рабочих рук, не было в этом крае приписных сел и деревень⁸⁰.

Семен Сережников в отличие от депутата г. Шуи Дмитрия Воинова, который предлагал производить выборы ратманов и бурмистров ежегодно, считал это целесообразным производить через три или пять лет (если не возникнут чрезвычайные ситуации)⁸¹.

Депутат г. Самары Даниила Рукавкин на 44-м заседании комиссии 19 октября 1767 г. полемизировал с депутатом Яицкого войска Иваном Окутиным по поводу торговли крестьян хлебом, скопившимся в г. Сызрани. Рукавкин встал на сторону сызранского купечества, требовавшего запрещения такой торговли, в то время как Окутин считал, что это затруднит снабжение хлебом Яицкого войска. Допускать перекупку крестьянами в городе хлеба, указывал Рукавкин, - значит дать "поворот к отвращению их (крестьян. - М.К.) от упражнения земледелием и обратить их к ленности и нерадению, а отсего последует: 1) что земля, данная крестьянам от государя или от господина, будет лежать праздной и не принесет никакого плода; 2) что произойдет умаление и недостаток всякого хлеба, ибо оный без посева сам собою не родится и 3) что цена хлеба в России (от чего боже упаси!) будет от времени до времени возвышаться и причинит вред государству, ибо земледелие в России есть главнейший способ народного продовольствия"⁸².

В прениях в частной комиссии был поставлен вопрос об изменении прав и привилегий купцов-иностранцев. Депутат г. Цивильска Федор Полстолов (45-е заседание, 22 октября 1767 г.) обращал внимание на то, что в свое время был введен закон, по которому долги иностранным купцам выплачивались в первую очередь, а уже затем русским. Такое положение было принято "по необходимости, для приохочивания иностранцев приез-

жать в Россию, коих товары, за неимением в нашем государстве фабрик, весьма были нужны". "Ныне же, - указывал Полстовалов, - оставлять за иностранными купцами такое преимущество не только не нужно, но им русское купечество считает себя весьма обиженным, и когда при поступлении просьб о долгах будут удовлетворены иностранные купцы прежде русских, то последние потеряют большое разорение". Чтобы этого не случилось, "правосудие" должно быть равным в отношении иностранных и русских купцов. Он соглашался, что иностранцев следует "зашивать от обид и оказывать им всякия благодеяния", но не разоряя русское купечество и не во "вред своему отечеству"⁸³.

Высказанную точку зрения Полстовалова поддержал депутат г. Симбирска Афанасий Ларионов⁸⁴. Его "мнение" (52-е заседание, 31 октября 1767 г.) отразило, кроме того, наличие трений в среде русского купечества, которые рождались из-за различий в имущественном положении представителей этого сословия. Он указывал на беззаконные действия богатого купечества, в то время как в 34-й статье Наказа утверждается, что "равенство всех граждан состоит в том, чтобы поддержаны были тем же законом". Ларионов предлагал внести в новое Уложение закон, запрещавший богатым купцам притеснять служивших у них приказчиков из купечества. "У купечества европейских государств и даже в странах Азии приказчики почитаются, как дети"⁸⁵ - таков был приводимый им пример в качестве подтверждения выдвинутого предложения.

В высказываниях владельца медеплавильного завода купца И. Кобелева, получившего "полномочия и доверенность" жителей г. Казани (на 51-е заседание, 30 октября), проглядывало стремление отвести попытки депутатов служилых мурз и ясачных татар Р. Алкина и А. Сентова защитить интересы представляемых ими категорий населения края. Кобелев замечал, что хотя законом "разночинцам" запрещено торговать, не записавшись в купечество, служилые мурзы и ясачные татары ведут большую торговлю "всем тем, что Казанская и Оренбургская губернии производят" (воском, медом, салом, кожами, пушниной и др.). Они продают товары по ярмаркам и меняют на иностранные товары сукна, китайку, олово и др., которыми затем торгуют в уезде. Отметив обширность данной торговли, Кобелев предложил записать ее участников в купечество и "пользоваться купеческим правом наравне с купцами"⁸⁶.

Служилые и ясачные татары, замечал И. Кобелев, это те же крестьяне, они имеют достаточное количество земли для хлебопашества, сенные покосы, леса, где могут промышлять охотой, реки, которые дают возможность заниматься рыбной ловлей. Все это, по его мнению, не может служить основанием для утверждения, что ясачные татары за неимением достаточных размеров пашенной земли "претерпевают нужду", не могут не только продавать хлеб, но испытывают в нем недостаток. На основании личных наблюдений во время пребывания в их селениях Кобелев заключал, что татары, отвлекаясь на торговлю, обрабатывают далеко не все освоенные земли. Кроме того, он не заметил стремления расчищать новые земли в

районах, в которых ощущался их недостаток. Между тем, напомнил он, З13-я статья Наказа гласит, что "земледелие есть первый и главный труд, к которому поощрять людей должно"⁸⁷. То, что татары "по причине торгов" земледелие оставляют "в пренебрежении", они не могут "быть совершенно ни купцами, ни земледельцами" и потому наносят "вред всему обществу"⁸⁸.

Кроме того, И.Кобелев обвинял служилых и ясачных татар в низком качестве продаваемых ими товаров (в воск мешают сало, в мед доливают воду, в гусиный пух муку и известь и т.д.), что отражается на торговле и нарушает престиг русской торговли с зарубежными странами.

На 59-м заседании комиссии 12 ноября 1767 г. представил свое "мнение" депутат г.Балахна Сидор Щепетильников, начав его со ссылкой на Наказ, прежде всего на его тезис видеть "народ столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольствие может на сей земле простираться". Он напомнил о просьбе депутата от пахотных солдат Нижегородской губернии Ивана Жеребцова разрешить торговлю крестьянам с.Городец Балахнинского уезда (расположено от г.Балахны в 15 верстах). Как известно, отметил депутат, дворцовые крестьяне большой, малой и нижней слобод с.Городца не имеют пашенной земли, а корымятся за счет торговли и промыслов. Они торгуют в розницу и оптом местными и привозными товарами: холстом, пестрядью, сермяжным сукном, медом, воском, маслом, салом, кожами, пушным товаром, персидским шелком. Они владеют кожевенными, мыльными заводами, лавками, судами. Торговля связывает с.Городец с Петербургом, Астраханью и другими городами. Расположенная в 30 верстах от г.Балахны Боровская слобода также, по данным депутата Щепетильникова, ведет оживленную торговлю, не владея достаточным количеством земельных угодий. И в самом г.Балахне крестьяне, бывшие в ведомстве Покровского монастыря, а ныне Коллегии экономии, строят суда и лодки для продажи, берут подряды на поставку казенной соли из Нижнего Новгорода в городе и села верховья Волги, хлеба - на пристани Нижней Волги. Иными словами, крестьяне г.Балахны, с.Городец и Боровской слободы, занимаясь торговлей и получая большие прибыли, обогащаются, в то время как балахнинское купечество несет убытки. Поэтому Сидор Щепетильников настаивал на запрещении крестьянам и "прочим разночинцам" торговать какими-либо товарами, кроме "крестьянских изделий и произведений их деревенского хозяйства"; владеть лавками, амбарами, заводами. При этом он ссылался на 294-ю статью Наказа, гласящую "не может быть там ни искусное рукоделие, ни твердо основанная торговля, где земледелие в уничтожении или не различительно производится", и ряд других, относящихся к оценке значения земледелия и необходимости поощрений его развития (статьи 297, 299, 302)⁸⁹. Он настаивал на записи в купечество жителей Городецкой и Боровской слобод, живших между дворами купцов г.Балахны, бывших крестьян Покровского монастыря⁹⁰ (или в цех) в целях охраны балахнинского купечества "от подрывов в торговых промыслах и приращении в капиталах", облегчения несения податей и служб.

Чтобы крестьяне в течение недели по несколько раз не отлучались из своих селений на городские торжки и ярмарки, некоторые депутаты предлагали проводить их в один только воскресный день. Но этот день, как напомнил депутат Балахны С.Щепетильников, по церковным законам должен быть свободным от дел, торговать следует в какой-либо другой день недели, а воскресную торговлю ограничить продажей продуктов питания⁹¹.

Сидор Щепетильников указал на практику использования первостатейным купечеством вместо себя среднестатейных и бедных представителей купечества, когда дело доходило до исполнения разного рода служб. Закон от II августа 1731 г. разрешал купечеству найм на службы, но в указе не говорится, что к нему могут привлекаться менее состоятельные купцы, которые, по мнению Щепетильникова, из-за этого отходят от собственных коммерческих дел⁹².

Весьма характерна для дворянства была позиция, которую занял кн. М.М.Щербатов во время обсуждения законов о купечестве. Будучи депутатом от ярославского дворянства, кн.М.М.Щербатов выступил (35-е заседание, 8 октября 1767 г.) в связи с предложениями Алексея Попова. Он весьма выразительно оценил настроение господствующего дворянства: "Сохрани меня, боже, и подумать, чтобы в такое время, когда милость и правосудие царствуют на престоле, дворянство, в место приобретения каких-либо прав, могло что-либо из оных утратить" (разрядка моя. - М.К.)⁹³. Поскольку сырье для минеральных, а также винокуренных заводов, добывается в земле, а земля-собственность дворян, то нецелесообразно, по его мнению, отбирать у них право на владение такими заводами. Иными словами, Щербатов отстаивал исключительные права дворян на владение землей, ее недрами, а также крепостными крестьянами, выводя из этого право на промышленную и торговую деятельность. Что же касается права заводить купцам фабрики и заводы, то вряд ли, указал кн.Щербатов, кто-либо из дворян будет возражать. Он считал "неоспоримым" принятие решения о праве купцов на покупку земель под фабрики, но с оговоркой, чтобы ее размеры не превышали площади, необходимой для деятельности того или иного предприятия, чтобы земля не использовалась для других целей, например для земледелия.

Кн. М.Щербатов указывает, полемизируя с Поповым, что "работники необходимо нужны для фабрик, но если принять во внимание число пахарей в России, то, конечно, не только не следует допускать, чтобы дворяне, продавая людей для фабрик, отнимали их от земли, но, напротив, должно всемерно стараться о размножении земледельцев". Немногие из крестьян овладевают мастерством, поэтому он рекомендовал провести перепись приписных к заводам людей и запретить дальнейшую приписку. Кроме того, фабрикантам следовало бы постепенно переводить приписных на положение вольных работников, "давая им свободу в награду за хорошее поведение и за лучшее знание искусства с таким условием, чтобы эти

люди выслужили у фабрикантов несколько положенных лет в благодарность за их обучение. При окончательном же выпуске таких людей на свободу можно было бы обязать их не отставать от выученного ими фабричного мастерства. Эта мера послужит к исправлению нравов, к умножению народа населения и к приведению ремесел в лучшее состояние"⁹⁴.

Далее он ставит вопрос: какие деревни Попов предлагал оставить за фабрикантами, - деревни, купленные и приписанные к фабрикам, или те, которые куплены для получения с них доходов "подобно помещикам"? Первый вид "недвижимых имений", приобретенных с разрешения властей, должен сохраняться "свято и нерушимо", следует только следить, чтобы деревни находились в тех же уездах, что и заводы, и в количестве, необходимом для выполнения заводских работ. При продаже завода (кому пожелает) приобретенные к ним деревни, считал Щербатов, следует продавать только дворянам.

Известно, что кн.М.Щербатов подверг критике "мнение" Попова в той части, которая касалась торговли крестьян и "прочих разночинцев", отнявших якобы у купцов всю торговлю. "С удивлением, - отмечал он, - слышу такое заявление, притом сделанное купцом". Вот его аргументация: купцов в России более 200 тыс., из них около 40 тыс. торговцев, если к ним прибавить такое же число незаконно занимающихся торговлей, то получается 80 тыс. торговцев. Как же в Голландии, в которой столько купцов, сколько жителей, может вестись без помех торговля? Он соглашался, что крестьянам надо запретить торговлю иностранными товарами, но из этого, считал Щербатов, не следует делать вывод, что они мешают развитию внешней торговли⁹⁵.

Свое несогласие с мнением о необходимости из-за ущерба земледелию запретить крестьянам торговлю разными товарами высказал депутат от "новокрещенцев" из мордовы, чуваш и татар Пензенской, Саранской и Петровской провинций Федор Сараев. Он выступил (37-е заседание, 10 октября 1767 г.) против тех, кто неурожай хлеба пытался объяснить "недоверием крестьян". Указывая, что урожай зависит не столько от усердия земледельцев, сколько от Бога, Сараев утверждал, что в урожайные годы крестьянин "только в том и думает, как бы ему хлеб убрать, и он уже не имеет досуга помышлять о торговле"⁹⁶. В неурожайные же годы дело обстоит иначе - торговля дает возможность кормить семью и платить по-дати. Он считал, что крестьянская торговля никак не может наносить ущерб купечеству и следующим образом обосновывал это свое мнение: "Крестьянин имеет в обороте от двадцати до пятидесяти рублей, тогда как купцы производят обороты от заводов, фабрик и от казенных подрядов на весьма значительные суммы, и, следовательно, пятидесятирублевая торговля не может причинить подрыва купцам. Император Петр Великий узаконил, чтобы крестьянам дозволено было торговать разными товарами, кроме лавочных и щепетных, ибо крестьяне покупают и продают не для денежной корысти (разрядка моя. - М.К.), но для пропитания своих семейств и для платежа государственных податей"⁹⁷.

Сараев поддерживал мнение о том, что разночинцы и крестьяне, владеющие капиталом в 100 руб. и более, должны получить право записи в купечество.

И последний вопрос, к которому привлекает внимание депутат. Это возможность получения крестьянами ссуды под проценты из государственных банков. "Лучше, - говорил он, - казне доставить прибыль, чем пользоваться ею другим; а известно, что дворяне, получая из банка деньги, отдают их с процентами крестьянам"^x.

Депутат от дворян Любимского уезда Никифор Толмачев на заседании 28 сентября 1767 г. высказался за то, чтобы мещане пользовались теми же правами, что и купечество, за необходимость преобразования больших сел, ведущих оживленную торговлю, в города. Ссылаясь на 401-403-ю статьи Наказа, он подчеркнул важность обучения жителей городов "разным мастерствам", а также заведения в городах фабрик "всяким гражданином... кто как пожелает" с использованием не крепостного, а вольного найма работников.⁹⁸

Депутат Бахмутского и Самарского гусарских полков Михаил Тошкевич в прениях в Уложенной комиссии (39 заседание, 12 октября 1767 г.) высказался за повышение ответственности за бесчестье иувечье. Он указал на несправедливость определять наказание в зависимости от имущественного положения истца, на порядки, когда купцу первой гильдии за бесчестье ответчик выплачивал 150 руб., купцу второй гильдии - 100 руб. (соответственно за увечье вдвое больше). Тошкевичу, по-видимому, было небезразлично достоинство купеческого сословия в целом, и он рассуждает следующим образом: "В сякий гражданин должен быть в одинаковой степени чести...каждому гражданину должно платить равномерно (разрядка моя. - М.К.) как за бесчестье, так и за увечье, дабы один гражданин перед другим не мог претерпеть обиды"⁹⁹.

Выделяет этого депутата участие в последующих прениях и его высказывания по поводу торговли крепостными крестьянами. Он указывал (57-е заседание, 7 ноября), что Россия "попечением и трудами императора Петра Первого... достигла совершенного просвещения, славою свою превозвысила все европейские государства", однако еще сохраняется продажа крепостных крестьян, при которой дети отрываются от родителей. С его точки зрения, настало время отменить продажу крепостных, "которая не только в Европе, но и в азиатских странах нигде не ведется", дворянам от этого "вреда" не последует. Может допускаться только продажа сел и деревень, т.е. не отдельных крестьян (без земли)¹⁰⁰, а следовательно, и купечеству нельзя предоставить право покупки крепостных крестьян.

Обращаясь к положению отставных военных, он защищал их право на торговлю "разною мелочью", так как это позволит, особенно людям пре-

^x По 50 коп. на рубль в год (Сб. РИО. Т.8. С.83).

клонного возраста, содержать себя и свои семьи. В то же время Ташкевич считал, что это не принесет ущерба купечеству. Отставные военные по торговым делам должны судиться в ратушах, а по другим – в ведомстве тех сословий, к которым принадлежит то или иное лицо¹⁰¹.

В Поволжье проживал целый ряд народов разных национальностей. Специфику их положения отразили некоторые материалы Уложенной комиссии. Так, в "мнении", заслушанном на 39-м заседании 12 октября 1767 г. депутат Шацкой провинции от мурз и татар Вялша Елгушев сообщил, что категория населения, которую он представляет, – значительная часть населения г. Касимова. И поскольку мурзы и татары, обложенные подушной податью, кроме "усадебных мест", не владеют землей и не имеют возможности ее использовать для занятий сельским хозяйством, их, считал Елгушев, следовало бы причислить, по их желанию, к касимовскому купечеству или цеховым ремесленникам¹⁰².

Возражая сторонникам запрещения крестьянской торговли, депутат служилых мурз и татар Пензенского и Саратовского уездов мурза Аюпа Еникеев указывал: "Мы не думаемся, чтобы нам дозволено было производить торговлю с дальними странами, но только просим, чтобы тем из нас, которые, по состоянию своего капитала, пожелают торговать в уезде деревенскими товарами, не было запрещено их покупать и продавать" (40-е заседание, 16 октября 1767 г.)¹⁰³. Он, как и многие другие депутаты, указывал, что это обеспечит сбор податей и сохранит рабочее время тем, кто занят земледелием.

Народы, населявшие Казанскую губернию, выступали против запретов на торговлю. На 44-м заседании 19 октября 1767 г. депутат приписных к Казанскому адмиралтейству служилых мурз и татар Рахманкул Алкин, которого поддержал депутат служилых мурз Алатырской провинции мурза Якуб Мангушев, указывал, что уездные татары и з д р е в л е (разрядка моя. – М.К.) производили всякие торги наравне с живущими в городских слободах татарами, хотя в отличие от последних не имели жалованных грамот, исправляя одинаковую с слободскими службу и корабельную работу. Он обвинял русское купечество в разорении их торговых промыслов. Русские купцы отбирают у них предназначенный для продажи домашний скот, кожи, мед и воск и другое, причисляя этот товар к покупному. Русские купцы предлагают татарам вести торговлю по данным от них кредитным письмам и под их именем¹⁰⁴.

Р. Алкин, как и многие другие сторонники разрешения крестьянской торговли, решительно отвергал попытки некоторых депутатов аргументировать необходимость ее запрещения ссылками на ущерб, который приносит якобы это занятие земледелию. Они говорят так, замечает Алкин, "не для иного чего, как только для нашего стеснения", так как торговля ведется в свободное от полевых работ время, преимущественно в зимнюю пору¹⁰⁵.

Он следующим образом характеризовал ход торговых операций казанских татар. Зажиточная часть татарского общества скупала в городе необходимый сельским жителям товар, а затем распродавала его по селам и

деревням, жителям которых было не с руки за каждой мелочью ездить в город. В селениях они скупали товары, которые требовались в городах, продавая их купцам не в розницу, а оптом. Алкин считал, что малоимущие от этого получали "не малую пользу", не отрываясь от полевых работ и экономя затраты на поездки. Некоторые из татар, отмечал Алкин, имеют кожевенные заводы, для которых в разных селениях, скупают кожу, обработав ее, продают в городе оптом. Этим они освобождали купцов от лишних хлопот в поисках сырья¹⁰⁶.

Депутат Р. Алкин, отстаивая интересы татарского торгующего крестьянства, приписанного к Казанскому адмиралтейству, подчеркивал, что их служба не меньше купеческой. Они платят подушную подать, несут военную службу, выполняют корабельные работы, т.е. не имеют преимуществ по сравнению с купечеством¹⁰⁷.

В ответ на это депутат г. Казани (51-е заседание, 30 октября) И. Кобелев указал, что служба татар, владеющих землей, никак не больше купеческой. Хотя во время прусской войны вместо рекрутского набора и был с них наряд по числу душ, но им было определено казенное жалование, тогда как среди купцов был произведен рекрутский набор. Что касается корабельной работы, то она зачитывается в подушный оклад¹⁰⁸.

Торговые промыслы при недостаточной обеспеченности крестьян землей становились дополнительным средством существования. Это было одним из аргументов в защите крестьянской торговли. Об этом говорили многие депутаты в ходе дискуссии в Частной комиссии. Депутат от ясачных татар Казанского уезда Абдрешита Сеитов (49-е заседание, 26 октября) указывал: "Во многих наших селениях, за умалением земли и всяких угодий, есть такие, которые и дневную пищу достают с великой нуждой. Поэтому покупая один у другого хлеб и разные домашние произведения и отвозя их для продажи в другия места, тем снискиваем себе пропитание"¹⁰⁹.

Депутаты от оренбургского купечества просили, чтобы казанским и нижегородским служилым мурзам и татарам была запрещена торговля в башкирских селениях Оренбургской губернии, в Уфимском уезде. Уже упомянутый выше депутат служилых мурз и татар Казанского уезда Рахманкул Алкин на 57-м заседании 7 ноября объяснял необходимость покупки и обмена на привозные товары лошадей в башкирских селениях "для исправления обязанностей при карабельных лесах и воинской службы". Это, с его точки зрения, не наносит ущерба оренбургскому купечеству, которое в основном торгует в лавках. Кроме того, он отмечал, что русским купцам с башкирами торговаться почти невозможно из-за незнания их языка¹¹⁰.

Депутат от пахотных солдат Нижегородской губернии Иван Жеребцов (58-е заседание, 9 ноября 1767 г.) указал, что в губернии имеется много больших сел, в которых бывают оживленные торги и ярмарки. Это Лысково, Работки, Ворсма, Гороцец, Мурашкино, Княгинино. Торгуют хлебом и предметами ремесленного производства: выделанными кожами, овчинами,

холстами, изделиями из меди и железа, предметами одежды, посудой и т.д. Другие же, "высшаго разбора, товары": парча, шелк, тонкие сукна, китайка и другие предлагает купечество. Он выступал за сохранение данного порядка торговли. "Если же крестьянам всего государства, - отмечает Жеребцов в своем "мнении", - воспрещено будет торговать товарами их собственного производства, то они со всеми своими семействами лишатся всякаго пропитания... придут в совершенный упадок", так как при названных селениях мало земельных угодий и хлеба собирается недостаточно. Кроме того, крестьяне не смогут исправно платить государственные подати и оброк помещикам. Пострадают и крестьяне ближайших к названным селениям сел и деревень, так как будут вынуждены ездить за покупками в отдаленные города. Жеребцов ссылается на 41-ю, 42-ю статьи Наказа: "Ничего не должно запрещать законами, кроме того, что может быть вредно или каждому особенно или всему обществу"; "Все действия, ничего такого в себе не заключающие, ни мало не подлежат законам, которые не с иным намерением установлены, как только сделать самое большое спокойствие и пользу людям"¹¹¹.

Депутат служилых мурз и татар Алатырской провинции Якуб Мангушев добивался свободы торговли для своих избирателей с тем, чтобы они могли исправно платить государственные налоги и исполнять "корабельные работы и службы"¹¹².

Депутат от однодворцев Шацкой провинции Михаил Невежин поддержал депутата от однодворцев Елецкой провинции (61-е заседание, 14 ноября 1767 г.), который настаивал на разрешении торговать "разночинцам" мелочными товарами в городах, не имевших купечества. При этом он считал, что запрещение такой торговли несовместимо с Наказом. Невежин задает вопрос: "Какое же купечеству может произойти в его торговле претеснение там, где его нет и никогда не было"?¹¹³ Запрещение же торговли создаст трудности жителям городов в приобретении предметов мелкой торговли, они вынуждены будут отправляться в отдаленные города. Запись однодворцев в купечество принесет ущерб казне, так как сборы с однодворцев выше сборов с купечества. Однодворцы, чернососные крестьяне поставляют армии больше рекрутов, чем купечество. Однодворцы же, "льстя себя легкому купеческому службою и мало положенным на них подушным окладом, а в особенности почтенным им против других родов, кроме дворянского, купеческим званием, будут большою частию записываться в купечество. Чрез это оставшиеся в однодворцах потерпят большое отягощение в содержании украинского корпуса"¹¹⁴.

Приведенный конкретный материал позволяет судить об основном направлении требований, предъявлявшихся правительству городами Урала и Поволжья. На передний план в период деятельности Уложенной комиссии выдвигался вопрос, касавшийся торгово-предпринимательской деятельности, в которую по мере экономического развития вовлекались разные по социальной принадлежности группы населения России. Осознавая свое растущее значение в жизни страны, купечество в наказах и прениях в духе времени

отстаивало свои сословные интересы. Борьбу за них оно искусно и довольно убедительно сплетало с доводами общегосударственной пользы.

Все документы, исходившие от этого сословия, пронизаны мыслью о том, что торговля и предпринимательство – это исключительное право купечества. Оно выступало не только за сохранение, но и за расширение привилегий представителей торгово-промышленного сословия. Купечество отразило недовольство существовавшими ограничениями их правового положения (телесные наказания, размеры штрафов заувечье и бесчестье, покупка земли и крестьян). Оно упорно указывало на обременительность служб и повинностей, взывая к заступничеству, настаивало на освобождении от некоторых из них с заменой денежным обложением. Купечество настаивало также на запрещении дворянству владеть заводами, на ограничении их торговли. Оно выдвигало требование об отстранении крестьян от торгово-предпринимательской деятельности, делая исключение только для богатых торгующих крестьян при условии их записи на посаде. В наказах в Уложенную комиссию проявилась не только борьба против феодальных пережитков в системе налогов и служб, но и стремление упрочить свое экономическое и правовое положение.

Материалы этой комиссии дают основание говорить о своего рода программе, выдвинутой городским населением в тот период, и отразившей противоречивость эпохи генезиса капитализма и соответствующий уровень купеческого сознания, подход к пониманию законности и справедливости с позиций сословных интересов. Ход прений, особенно по правам на торговлю и промыслы, выявил разногласия между формирующейся буржуазией и основными классами – сословиями крепостной России – дворянством, а также крестьянством, претендовавшими на торгово-предпринимательскую деятельность.

В заключение приведем очень выразительную общую оценку деятельности Уложенной комиссии, принадлежащую Екатерине II. В "Записке о введенных в России учреждениях" она писала: "Комиссия Уложения, быв в собрании, подала мне свет и сведения о всей империи, с кем дело имеем и о ком пешишь должно". Благодаря ей, считала императрица, "стали многие о цветах судить по цветам, а не яко слепые о цветах".¹¹⁵

В этих словах императрицы много правды, хотя они требуют и соответствующих оговорок. Все же, несмотря на "сведения о всей империи", начавшееся восстание под предводительством Е.И.Пугачева оказалось для Екатерины II полной неожиданностью.

¹ ПСЗ-1. Т.27, № 12801; Опыт законодательных собраний в России // Дело. СПб., 1870. № 5. С.5; В о з н е с е н с к и й С.В. Городские депутатские наказы в Екатерининскую комиссию 1767 г. // ЕМНП. СПб., 1909. Ноябрь. С.89-119; Декабрь. С.70-284.

² Б е л я в с к и й М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И.Пугачева. М., 1965; Л а т к и н В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. СПб., 1887. Т.1; В о з н е с е н с к и й С.В. Указ.соч.; Ф л о р о в с к и й А.В. Состав законодательной комиссии 1767-1774 гг. Одесса, 1915.

3 В о з н е с е н с к и й С.В Указ.соч. С.94, 95.

4 Л а т к и н В.Н. Указ.соч. С.426; К л о к м а н Ю.Р. Соци-
ально-экономическая история русского города: Вторая половина XVII ве-
ка. М., 1967. С.78; К о з л о в а Н.В. Из истории формирования об-
щественного сознания купечества в XVII в. // Спорные вопросы отечест-
венной истории XI-XVII вв.: Тез. докл. и соообщ. первых чтений, посвящ.
памяти А.А.Зимина. М., 1990. Вып.1. С.117.

5 ПСЗ-1. Т.17, № I2801. С.1092.

6 Д и т я т и н И.И. Екатерининская комиссия 1767 г. "О сочинении
проекта нового Уложения": Ст. по истории рус. права. СПб., 1895.
С.368.

7 Сб. РИО. СПб., 1894. Т.93. С.91.

8 Там же. СПб., 1900. Т.107. С.524.

9 Там же. С.525.

10 Там же.

11 Там же. С.531, 532.

12 Там же. СПб., 1911. Т.134. С.356-359.

13 Там же. СПб., 1871. Т.8. С.1-382.

14 Там же. С.98, 99.

15 Там же. С.147, 148.

16 Там же. С.299, 300.

17 Там же. С.301.

18 Там же. С.98, 99.

19 Там же. С.301.

20 ПСЗ-1. Т.15, № II204. С.649, 650.

21 Сб. РИО. Т.8. С.326, 327.

22 ПСЗ-1. Т.9. № 6584. С.344-349.

23 Сб.РИО. Т.8. С.375-377.

24 Там же. С.II2, II3.

25 Там же. С.II4.

26 Там же. С.I24.

27 Там же. С.I28.

28 Там же. С.I27.

29 Там же. С.I26.

30 Там же. С.I28, I27.

31 Там же. С.I27.

32 Там же. С.I28-I30.

- 33 Там же. С.158, 159.
- 34 Там же. С.129, 130.
- 35 Там же. С.318-320.
- 36 Там же. С.192.
- 37 Там же. С.192, 193.
- 38 Там же. С.191.
- 39 Там же.
- 40 Там же. С.192.
- 41 Там же. С.332-334.
- 42 Там же. С.332, 333.
- 43 Сб.РИО. Т.134. С.6, 10.
- 44 Там же. С.17-31.
- 45 Сб.РИО. Т.107. С.468.
- 46 Там же.
- 47 Там же. С.474.
- 48 Там же. С.476-482.
- 49 Там же. С.617.
- 50 Там же. Т.134. С.269-270.
- 51 Там же. Т.107. С.549.
- 52 Там же. С.553.
- 53 Там же. С.556.
- 54 Там же. С. 459-467.
- 55 Там же. С. 459.
- 56 Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773-1774 гг. М., 1975. С.23.
- 57 Сб.РИО. Т.107. С.558, 559.
- 58 Там же. С.559.
- 59 Там же. С.564-570.
- 60 Там же. С.482-485.
- 61 Там же. С.486-489.
- 62 Там же. С.486, 487.
- 63 Там же. С.499-509.
- 64 Там же. С.510.
- 65 Там же. С.512.

- 66 Там же. С.513.
- 67 Там же. Т.8. С.37, 38.
- 68 Там же. С.39.
- 69 Там же. С.40.
- 70 Там же. С.42, 43.
- 71 Там же. С.43.
- 72 Там же. С.42.
- 73 Там же. С.41, 42.
- 74 Там же. С.III.
- 75 Там же. С.II2.
- 76 Там же. С.76, 77.
- 77 По указу 2 июля 1758 г. (ПСЗ-1. Т.15, № 10855) покупать дворовых людей и крестьян без земли для домашних услуг было запрещено (Сб. РИО. Т.8. С.78, 79).
- 78 Сб.РИО. Т.8. С.77, 78.
- 79 Там же. С.78.
- 80 Там же. С.II5.
- 81 Там же.
- 82 Там же. С.I44.
- 83 Там же. С.I46-I47.
- 84 Там же. С.I39, I40.
- 85 Там же. С.I90. "Мнение" Ларионова поддержал депутат новокрещеных чувашей Симбирской провинции Трофим Васильев.
- 86 Там же. С.I82, I83.
- 87 Там же. С.I84.
- 88 Там же.
- 89 Там же. С.239.
- 90 Там же. С.332, 238,239.
- 91 Там же. С.260.
- 92 Там же. С.I72.
- 93 Там же. С.59.
- 94 Там же. С.60.
- 95 Там же. С.63, 64.
- 96 Там же. С.82.
- 97 Там же. С.83.

- 98 Там же. С.35-37.
- 99 Там же. С.102.
- 100 Там же. С.222.
- 101 Там же.
- 102 Там же. С.101.
- 103 Там же. С.115.
- 104 Там же. С.141, 142.
- 105 Там же. С.141. См. также: С.220, 221.
- 106 Там же. С.142, 143.
- 107 Там же. С.143.
- 108 Там же. С.183.
- 109 Там же. С.169.
- 110 Там же. С.223, 224.
- 111 Там же. С.230, 231.
- 112 Там же. С.216.
- 113 Там же. С.265, 266.
- 114 Там же. С.266. Украинский корпус комплектовался за счет одновременное.
- 115 Там же. СПб., 1880. Т.27. С.176.

Г л а в а ІУ. ГОРОДА УРАЛА И ПРИУРАЛЬЯ НА ПЕРВОМ И ВТОРОМ
ЭТАПАХ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ (СЕНТЯБРЬ 1773 –
МАРТ 1774 г., АПРЕЛЬ – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ИЮЛЯ
1774 г.)

Осада Оренбурга началась через 17 дней после вспыхнувшего в этом крае восстания под предводительством Е.И.Пугачева, 5 сентября 1773 г., и продолжалась до 23 марта 1774 г., т.е. полгода. Борьба восставших за этот крупный административный и торговый центр оценивалась в историографии по-разному: одни исследователи считали ее ошибкой, другие, напротив, – смелым и правильным решением. Сторонники первой точки зрения в своем большинстве опирались на мнение Екатерины II, высказанное ею в письме к князю М.Н.Волконскому от 1 декабря 1773 г.: "Можно почесть за счастье, что сии каналы привязались целых два месяца к Оренбургу и не далее куда пошли"¹. В трехтомном коллективном труде "Крестьянская война в России в 1773-1775 годах" поход восставших во главе с Пугачевым к Оренбургу и осада его рассматриваются не как стратегическая и тактическая ошибка, не как удачный замысел Пугачева

и его сторонников. "Действия Пугачева после начала восстания были вызваны определенной необходимостью, объективным ходом развития движения", - писали авторы этого труда². Отмечалось, что стремление Пугачева овладеть Оренбургом ставилось в зависимость от его желания пойти навстречу одному из главных требований яицких казаков, которые видели в политике оренбургских губернских властей причину своих бед и несчастий, обрушившихся на рядовое казачество. Большое значение взятию Оренбурга Пугачев придавал в плане реализации похода в центр России. Захватом Оренбурга восставшие надеялись обеспечить себе тыл и укрепить свое войско артиллерией, боеприпасами и др.

Администрация Оренбурга мобилизовала все силы и средства на оборону города. На 1 октября 1775 г. в оренбургском гарнизоне насчитывалось 2988 человек, вооруженных огнестрельным оружием, из них регулярных солдат - 1104 человека, казаков - 439, артиллерийских и инженерных служителей, обслуживавших 70 артиллерийских орудий - 82. Остальные 1363 человека были нерегулярными: отставные солдаты, гарнизонные служители, неповерстанные рекруты. В составе этой группы П.И.Рычков называл также купцов и разночинцев³.

4 октября в город удалось пройти отряду под командованием премьер-майора С.Л. Наумова численностью в 420 старшин и казаков из 7-й полевой команды при трех пушках. Этот отряд являлся наиболее боеспособной частью войск оренбургского гарнизона⁴.

В первых числах октября в повстанческом войске, подошедшем к Оренбургу, было около 2900 человек, имевших на вооружении 20 пушек и около 20 бочек пороха. В середине ноября, по данным оренбургского губернатора И.А.Рейнсдорпа, к ним присоединилось 5 тыс. башкир, что составляло половину численности возросшего по сравнению с октябрем главного повстанческого войска⁵.

Уже в первые дни начавшихся оборонительных мероприятий, предпринятых губернатором Рейнсдорпом и его приближенными, были отмечены среди городских жителей "пустые толки и разглашения", хотя власти целую неделю скрывали от населения и низших чинов гарнизона положение дел. Живой отклик получила у населения агитация пробравшегося в Оренбург по заданию Пугачева сержанта Ивана Костицына, в Рассыпной крепости перешедшего на сторону восставших⁶. Распространился слух о том, что "Пугачев другого состояния", а не донской казак⁷.

И позже Рейнсдорп опасался "колебания" в Оренбурге "по причине голода", начавшегося среди горожан. Не менее беспокоило его "великое роптанье" среди солдат⁸.

Приведенные отзывы о положении в Оренбурге свидетельствуют о зревшем среди населения протесте и готовности принять сторону восстания. По-видимому, эти настроения разделялись социальными низами города.

Что касается торгово-промышленного сословия этого города в лице купечества, то материалов выявлено немного. Значительное место сре-

ди купцов-торговцев занимали татары Сейтова посада (Каргала), расположенного в 18 верстах от Оренбурга.

Из показаний сейтовского татарина (декабрь 1773 г.) Юсупа Ибрагимова узнаем, что в войске Пугачева находилось 450 жителей слободы, "взятых против воли", часть из них использовалась в военных операциях повстанцев, часть в качестве "снабженцев", особенно сеном⁹. Он же сообщал, что к повстанцам многие везли хлеб добровольно и продавали "по вольной цене, которая теперь состоит: ржаная мука от 20 до 22 копеек, пшеничная - от 40 до 45 копеек, крупа просяная - от 50 до 55 копеек"¹⁰.

Попавший в декабре 1773 г. в руки карателей казак Анисим Трифонов также рассказывал, что "по большой части сейтovская татара, привозя хлеб добровольно, продают муку ржаную по тридцати копеек, пшеничную по пятидесяти, крупу просяную по шест и десяти копеек пуд и в содержании во оной разбойнической толпе людей никакой нужды еще нет"¹¹.

Жители этой слободы, кроме того, передавали Пугачеву и его сподвижникам городские новости. "Отсель из города почти каждой день в разбойническую толпу прибегают сейтовская татара и сказывают самозванцу о городских обстоятельствах и что здесь продается мука арженая по два рубли пуд"¹².

Как сообщалось 11 января 1774 г., в лагерь повстанцев пытался бежать из Сейтовой слободы татарин Ахтам Абдулкаримов, находившийся "во служении" у бухарца Авязбирды Танрибирдина. До лета 1773 г. Ахтам служил у купца Алексея Щеткина. Авязбирды выкупил Ахтама у купца за 60 руб. при условии, чтобы тот в течение семи лет отработал эти деньги. Отработка долга была тяжелой, так как ежегодно прибавлялись 7 руб., которые купец засчитывал на содержание Ахтама¹³.

Когда же городские ворота открывались для жителей Оренбурга и они набирали воду, далеко не все из вышедших возвращались в город. Многие убегали в это время к повстанцам. Так поступил в январе 1774 г. крестьянин Кузьма Кузнецов. Он намеревался, укрывшись и переждав время, ночью бежать к повстанцам, среди которых находились его родственники, " заводские и крестьяне"¹⁴.

Представители купечества уже в тот период встречались в армии Пугачева. В сражении у Татищевой крепости был убит симбирский купец Иван Бичагов¹⁵. С конца 1773 г. попал в войско Пугачева мценский купеческий сын И.С.Трофимов (А.И.Дубровский)^x.

В течение февраля пугачевцы не раз подступали к городу, но неудачно. 2 марта осажденные тоже предприняли очередную вылазку, закончившуюся поражением правительственныех сил. После этой вылазки, вплоть до снятия осады, обе стороны не вели активных действий.

Для удара по большому войску Пугачева к концу февраля 1774 г. правительство сконцентрировало многочисленные войска во главе с ге-

^x О нем см. главу VI.

нерал-майором П.М.Голицыным. Бой произошел 22 марта у Татищевой крепости и кончился тяжелым поражением пугачевцев. Центр повстанческой борьбы после этого был перенесен на некоторое время на Южный Урал.

На первом и втором этапах крестьянской войны восстаниехватило огромную территорию России с целым рядом городских центров. Поражение карательной экспедиции генерала В.А.Кара 9 ноября 1773 г. привело к укреплению позиций Пугачева, к дальнейшему расширению границ восстания, которым к январю 1774 г. были охвачены вся Оренбургская губерния, значительные части Симбирской, Вятской и Пермской провинций Казанской губернии и западная часть Тобольской губернии. Повстанцы контролировали огромную территорию от берегов Волги и Камы до Западной Сибири. Казанский губернатор Я.Л.Брандт в рапорте президенту правительенной Военной коллегии доносил 21 ноября 1773 г.: "Все нижнего состояния люди, будучи обольщеннымми... вольностию, небранием никаких податей и рекрут, готовы на преклонение к той злодейской толпе"¹⁶.

Вести об освобождении от подневольного труда на помещиков и заводовладельцев, отказе от взимания подушной подати и других налогов с населения, отмене рекрутской повинности с радостью принимало крестьянство, в том числе заводское. Пугачев в беседе с приехавшим из Петербурга яицким казаком А.П.Перфильевым говорил: "Его правда, ты сам видишь, сколько теперь взято крепостей, а народу у меня как песку. А дай срок, будет время, и к ним в Петербург заберемся – моих рук не минует. Я де знаю, что вся чернь меня везде с радостию примет, лишь только услышит"¹⁷.

Ноябрь-декабрь 1773 г. был периодом, когда основная масса нерусского населения Башкирии присоединилась к восстанию. Башкирия стала одним из главных очагов восстания. Уже в середине ноября к Уфе направился отряд, состоявший из башкир, татар, марийцев и дворцовых крестьян Казанской дороги с целью захватить этот центр царской администрации в Уфимской провинции. 24 ноября отдельные башкирские отряды подошли к с. Чесноковке (Рождественскому), расположенному от Уфы в 10 верстах. Русские государственные крестьяне – жители села присоединились к восставшим, вслед за ними также поступили крестьяне других соседних с Уфой селений. Город оказался "обложен" вокруг цепью, что ниоткуль въезду и из города никому выезду и выходу не было, а кто к тому покушался, оные захватываны и вешаны, а другие в их злодейскую толпу присоединяены были"¹⁸. Осаду Уфы с конца ноября возвглавил опытный в военном деле походный старшина Тамьянской волости Ногайской дороги Качкын Самаров. Он развернул активную деятельность по привлечению к восстанию населения Башкирии. 2 декабря 1773 г. Уфимская провинциальная канцелярия доносила генерал-майору Ф.Ю.Фрейману: "Башкирские толпы, обще с государственными и помещичьими крестьянами, на город Уфу устремлялись"¹⁹. 14 декабря 1773 г. под Уфу прибыл один из выдающихся предводителей крестьянской вой-

ны И.Н.Зарубин-Чика, которому Пугачев поручил возглавить осаду Уфы и в целом повстанческое движение на Урале, в приуральской части Западной Сибири. Выполнение поставленных перед Зарубиным задач фактически превратило Чесноковку в штаб восстания в этом районе.

Еще до прибытия Зарубина под Уфу восставшие не раз предпринимали попытки склонить военную и гражданскую администрацию к добровольной сдаче города. Одной из основных задач являлось установление контакта с городскими жителями. 2 декабря в Уфу были посланы два повстанца с задачей привлечь горожан на сторону восстания. Через день они опять вступили в переговоры с осажденными, передав им копию указа Пугачева. 19 декабря по распоряжению Зарубина 48 жителей Уфы, захваченных в плен, были отпущены в город с поручением уговорить городские власти сдаться "без драки"²⁰ и кровопролития. Не получив ответа, 23 декабря Зарубин, осуществив ряд подготовительных мероприятий, начал решительный штурм Уфы. Численность атакующих составляла около 10 тыс. человек²¹. Среди них были башкиры, мишари, татары, удмурты, чуваши, дворовые люди, помещичьи и экономические крестьяне, заводские крестьяне с Воскресенского, Верхотурского, Катаевского, Усть-Катаевского, Ереденского, Симского, Белорецкого, Архангельского, Богоявленского и других заводов, табынские и нагайбацкие казаки, жители с.Сарапул, солдаты и многие другие²².

Наряду с огромным числом добровольцев, откликнувшихся на призывы "графа Ивана Чернышева" – Зарубина в осаде участвовали мобилизованные²³. Оборонявшиеся уступали по численности (1100 человек), но имели преимущество в артиллерии. К защите города власти привлекли канцелярских служащих, купечество и других горожан. Бой 23 декабря 1773 г. не принес победы ни одной из сторон.

В течение месяца Зарубин готовил свое войско к новому штурму, одновременно продолжая предпринимать меры к добровольной сдаче города. Но они оказались безрезультатными, хотя в городе назревал голод; кроме того, не хватало топлива и корма для скота. Непрекращавшаяся агитация, организованная Зарубиным, и неблагоприятное положение осажденных увеличили бегство горожан и переход их на сторону повстанцев. Приток беглых не прекращался вплоть до снятия осады города. Среди части горожан, примикинувших к отрядам Зарубина во второй половине января 1774 г., было "два разночинца", купец Коровин²⁴.

25 января начался второй штурм Уфы, но он закончился неудачей. Это вынудило Зарубина переменить тактику и перейти от атак к длительной осаде города. Однако из-за подхода крупных и хорошо вооруженных карательных отрядов под командованием подполковника И.И.Михельсона план до конца не был осуществлен. Повстанцы сняли осаду 24 марта, почти одновременно со снятием осады Оренбурга.

Исследователи, изучавшие события под Уфой, объясняют их неудачный финал причинами военно-тактического характера²⁵. К этому, на наш взгляд,

следует добавить и недостаточное содействие повстанцам со стороны города Уфы.

Восстание нарастало, и повстанцы проникали уже в города, расположенные на берегах р.Волги. Так, дворяне, офицеры г.Самары с тревогой следили за успехами пугачевского восстания. Иначе относилось к нему трудовое население Самары. Манифести Пугачева, в которых он обещал пожаловать народ "крестом и бородою, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованием, и хлебным провиантам, и свинцом и порохом, и вечной вольностью"²⁶, были очень популярны среди городской бедноты. Успехи пугачевского атамана Ильи Федоровича Арапова на Самарской укрепленной линии и поражение царского полковника Чернышева крайне встревожили самарских дворян и купцов. Они опасались восстания городской бедноты, которая с нетерпением ожидала прихода Арапова. "Имя Пугачева произносилось почти открыто с радостью и надеждой... Большинство солдат явно сочувствовало Пугачеву"²⁷.

Один из отрядов И.Арапова, двигаясь к Самаре, захватил Ставрополь. Из Алексеевска Арапов направил в Самару казака Короткого с наказом предложить коменданту города И.К. Балахонцеву сдать город без боя, а в случае отказа – поднять самарскую бедноту и при ее помощи захватить город.

В ночь на 24 декабря 1773 г. на квартире Балахонцева собирались офицеры, дворяне и купцы. Они решили оставить город и спасаться бегством в Сызрань. Из Самарского гарнизона, который насчитывал 300 поселенных и 100 регулярных солдат, с Балахонцевым ушли только 40 человек.

Оповещенный о бегстве Балахонцева Арапов поспешил из Алексеевска в Самару и рано утром 25 декабря занял город. Жители хлебом-солью встречали Арапова, во встрече приняло участие духовенство. В знак своего расположения к Пугачеву самарцы просили Арапова передать ему "разных сортов кусу и других тому подобных вещей". Арапов переслал подарки Пугачеву через Василия Жонова, подробно перечислив в реестре все посылаемое. Самарский бургомистр тоже послал от своего имени подарок Пугачеву, желая, как указывал в своей статье А.Шефер, этим защитить себя от возможных неприятностей.

Далее события в городе развивались следующим образом. Захват повстанцами Самары и Самарской линии вызвал панику среди дворян, которые массами бежали из приволжских губерний в Москву и Петербург. Паника возникла не без оснований. Учитывая стратегическое положение Самары, город мог служить Пугачеву опорным пунктом для военных операций в Среднем Поволжье. Кроме того, богатый хлебом район мог быть использован как продовольственная база для его армии. Все это учитывало правительство Екатерины II и поэтому приняло срочные меры, чтобы вернуть Самару и крепости Самарской линии. В распоряжение генерала А.И.Бибикова были стянуты большие карательные силы: 23-я полевая команда подполковника П.Б.Гринева, 24-я под командованием майора К. Муффеля, два эскадрона гусар, 23-я и 25-я полевые команды генерала П.Д.Мансурова.

Арапов, получив известие о продвижении к Самаре правительственные войск, обратился 27 декабря с призывом к населению. В нем говорилось: "От посланных мною за реку Волгу во окольные селища города Самары села и деревни... сейчас уведомился я, что к здешнему городу Самаре не в дальнем от оного разстоянии следуют неприятель в числе шестисот или более человеках гусарских полков и при них двенадцати орудиев артиллерии... если от тех злодеев нападения будет, то б, сколько оных есть наличных к службе его величества и какое при них оружие, со всем оным выходить, егда ударив сплох у церкви Вознесения господня... повелеваю о всем вышеписанном накрепко казакам и малолеткам подтвердить и во всем непременное исполнение чинить без опущения"²⁸.

Первым подошел к городу майор Муффель, его войско превосходило численность повстанцев, было хорошо вооружено и обучено. Несмотря на перевес сил Арапов решил защищать Самару. На его стороне было подавляющее большинство населения города. Однако, несмотря на отчаянное сопротивление повстанцев, отрядам Муффеля удалось 29 декабря их вытеснить из города. Сопротивление повстанцев и самарской бедноты было очень упорным. 31 декабря Муффель рапортовал Екатерине II, что город достался ему с большим трудом. "От города их злодейские пехоты, - писал он, - чинили нам крепкий отпор и в се в Самаре жители более оказывали с уроюости (разрядка мая. - М.К.), нежели ласки... злодеев хотя и побито довольноное число, однако за великим снегом и мятелью, которыми трупы заносило, никак исчислить было не можно, да и здешними обывателями многие трупы были украдены"²⁹.

4 января 1774 г. в Самару вступила команда подполковника П.Б.Григорьева. Началась жестокая расправа над жителями, причастными к восстанию. Несколько дней свободы дорого обошлись самарской бедноте. Из рапорта Муффеля следует, что горожане Самары поддержали повстанцев, однако этот документ не содержит конкретных данных о характере участия разных категорий городского населения. Поэтому остается открытым вопрос, имело ли место пассивное принятие новой власти или весьма активная ее поддержка, в том числе и со стороны купечества. В последнем случае важно, укладывались ли надежды и требования купцов в рамки определенных сословных интересов или выходили за их пределы.

В сообщении Арапова повстанческой Военной коллегии о настроениях горожан Самары сказано лишь в общей форме. Арапов писал: "Сего декабря 25-го числа со всем ввереною мне командою я под город Самару подошел. И скоего города все жители (разрядка мая. - М.К.), вышед ко мне навстречу, со всем освещенным собором, со святыми образами, с молением встретили, и без всякаго бою и пролития крови е.и.в. покорились, и всем собором в соборной церкви по прочтении манифеста молебное о здравии е.и.в. пение произвели... Капитан же Балахонцев з бывшими в городе Самаре дворянами и с состоящими при нем волских казаков командою 24 числа декабря в ночи бежал,

после которого осталось команды Ставропольского батальона солдат 15 человек. При оном же городе Самаре взято мною артиллерию: пушек - шесть, пороху и денежной казны ничего не отыскалось, ибо оную казну и порох вышеписанной азодей, капитан Балахонцев, увес с собою... Блеск же города Самары окольные сель и деревни жители все в подданство покорились его величества...³⁰

Отметим прежде всего тот факт, что Арапов в своем сообщении, информируя о бежавших из города, называет только дворян. В своей работе Шефер не обратил на это внимания и, не ссылаясь на источники, называет в числе бежавших и купцов. Далее Арапов пишет о переходе на сторону восставших "всех жителей" Самары, в том числе духовенства. Был ли Арапов оставил бы без внимания позицию купечества, информируя штаб повстанцев о поддержке, которая оказана его отрядам со стороны крестьян (у него "жителей") окрестных сел и деревень. Отсюда более вероятным представляется далеко не однозначное отношение к восстанию со стороны купечества Самары.

Успешно действовали повстанцы в ряде других районов. В их руках оказались пригороды Бирска, Осы, Красноуфимска.

Восстание в Пермском крае началось с появления отрядов восставших башкир под Осой и Красноуфимском. Это были две крепости, которые как бы замыкали Пермский край на его юго-западной и юго-восточной окраинах. Дальнейшее продвижение отрядов повстанцев на Кунгур и Соликамск свидетельствует о продуманном наступлении их на этот край с флангов. Руководители восстания понимали, что победа в Пермском крае даст им выгодные позиции для наступления на Казань и Екатеринбург³¹.

Народное восстание в Пермском крае во многом определила активность крестьян Осинской волости. Осинский воевода поручик Ф.Д. Пироговский^x не выполнил предписания властей угнать население на Юговские казенные заводы, так как был напуган слухами о силе отряда тулвинского башкира пугачевского полковника Абдая Абдулова, продвигавшегося к Осе. Осинский староста "первостатейный" крестьянин Илья Иванович Дьяконов, земский писарь Михайло Ильич Голдобин^{xx}, протопоп Успенского собора в Осе, сотники Козлов, Занин, Поварницын и другие, узнав об отряде Абдулова, собрали народ на земский сход. Собравшиеся постановили направить 18 декабря депутатов в башкирскую д.Барду, где стоял отряд Абдулова. Когда посланцы осинцев

^x Сохранился билет (Документы ставки Е.И.Пугачева... № 105. С.132), выданный И.Н.Зарубиным Пироговскому на свободный проезд из с.Чесноковка в г.Осу. Пироговский явился к Зарубину "на поклон" и передал ему медную пушку времен Ивана Грозного и два воза медных денег. По приговору Казанской секретной комиссии он был отправлен на пожизненную каторгу в г.Коду Архангельской губернии.

^{xx} Впоследствии Голдобин "раскаялся", каратели торжествовали, зная об его авторитете в "мирской избе".

прибыли к Абдулову, он, "выняв ис пазухи писанной лист", вручил его делегатам, сказав, что это манифест Петра Ш. В дополнение к манифесту осинцев заверили, что "народу будет облегчение в зборе подушных денег и рекрут, равно и в соляной и винной продаже уменьшение", "и будет всем вольность". Делегация от всего г. Осы объявила повиновение. По возвращении делегации крестьяне Осинской волости начали заготовлять провиант и фураж, собирать в повстанческую армию людей. Восставших осинцев поддержали мастеровые и рабочие люди Рождественского завода П.Демидова и других заводов, расположенных близ Осы.

23-24 декабря 1773 г. в Осу вступили отряды пугачевских полковников А.Абдулова, Батырка Иткинина и др. Осинская приказная изба была признана органом власти восстания, и тем самым в данном случае был использован старый земский выборный аппарат. 25 декабря Осинская земская изба ("волостной староста с мирскими людьми") приняла от "солдатской земской избы" казенное "Уложение и зерцало"³². Произошло это потому, что главу осинских пахотных солдат в солдатской земской избе Я.Кобелева изобличили в воровстве казенной соли. Пахотным солдатам было приказано выбрать нового "командира". Кобелев подвергся наказанию, его имущество было конфисковано, а его, как и воеводу Пироцовского, отправили под Уфу в Чесноковку к Зарубину-Чике - "графу Ивану Чернышеву".

Задачи Осинской земской избы по "наставлению" 24 декабря, выданному ей Б.Иткинином, сводились к следующему:

1. Захватить дорогу на Казань и не допускать проезда без письменных "подорожен" от имени "государя" Пугачева-Петра Ш.
2. "До указу по-прежнему" продавать вино и соль и хранить доход как собственность "государя", "записывая в приходную и расходную книги без всякой утайки".
3. Держать в послушании окрестных жителей.
4. Всех послушников и подозрительных людей присыпать в армию.
5. "Никому напрасно обид и притеснения не чинить, опасаясь неизбежного его императорского величества гневу".
6. По всем указанным вопросам, а главное, во всех случаях нарушения "государства интереса" рапортовать каждые три дня в армию о "на рочно посланными"³³.

"Единодушие в выступлении осинцев вовсе не следует объяснять единством их социального облика", - писали авторы коллективного труда по истории восстания Е.И.Пугачева. При этом приводится известный случай, когда Осинская земская изба (староста, писчик и сотники) решили "одарить" повстанческих полковников "из мирских денег", "дабы в пригородке Осе и в уезде первостатейных людей они... не разоряли и меньше в казаки людей взяли". И они одарили Абдулова. В этом сказался, подчеркивают авторы трехтомного труда, обычай зажиточного крестьянства откупиться от несения личной военной службы, узаконенной для армии с 1754 г.³⁴

Из 100 людей, определенных Осинской волостью в "казаки", в поход было взято только 30.

В целом Осинская земская изба руководствовалась интересами "первостатейного" крестьянства. Но ее значение в ходе восстания нельзя недооценивать, учитывая деятельность по привлечению к восстанию не только Осы, но и окрестных сел и заводов. В дальнейшем по всему Кунгурскому уезду были организованы органы власти восстания по образу и подобию Осинской земской избы.

Осинская крепость позже, в 1774 г., оказалась среди населенных пунктов, через которые лежал путь Пугачева к Каме. 19 июня он со своим войском^x приблизился к Осе.

Воевода городка Осы поручик Ф.Д.Пироговский на допросе сообщил, что один из яицких казаков "привес с собою от Пугачева указ и, не доехав до форштату, оставил его на полевой городьбе, а сам уехал в толпу". По-видимому, в указе излагались условия капитуляции³⁵. Командование гарнизонаказалось их принять, и Пугачев повел свои полки на штурм крепости. 21 июня Пугачев вошел в Осу. В дни осады осинские жители и дворцовые крестьяне "пotaенно по ночам переходили [к Пугачеву]... пересказывали о снарядах, силах и намерениях деташеменов"³⁶. В Осе Пугачева встречали хлебом и солью, "с колокольным звоном, со крестя и обра-зами". Все письменные дела карательной экспедиции Яковлева были уничтожены, отряд обезоружен и приведен к присяге. Больных и раненых Пугачев отпустил по домам. Из-под Осы вместе с Пугачевым ушло более 5 тыс. крестьян, мастеровых и работных людей Пермского края³⁷.

Именно к дням пребывания Пугачева под Осой относится "Дело о ржевском купце Астафе Долгополове, являвшемся к Пугачеву с ложным извещением, будто бы послан к нему с подарками"³⁸. Так в сжатой форме официальной властью выражалось обвинение в адрес Долгополова, приведшее к изоляции его от общества, а затем к сугубому осуждению. Выяснение степени виновности купца не потребовало большого времени, по делу, начатому 2 октября, 12 ноября 1774 г. был вынесен приговор. Но следственное дело успело обрасти обширной и разнообразной документацией, занявшей 166 листов. В него вошли подлинники и копии записей допросов Долгополова - от 2 октября в Ржевской провинциальной канцелярии, от 11 октября - в Петербурге у генерал-прокурора А.А.Вяземского, от 12 ноября 1774 г. - в Москве в Тайной экспедиции с дополнениями и "пополнениями" к ним (в ряде случаев скрепленные рукой самого подследственного). Кроме того, здесь же находим записи допросов в Тайной экспедиции видных предводителей восстания - А.Н.Перфильева и Канзафара Усаева, а также переписку должностных лиц по поводу основного виновника данного следствия - купца Долгополова.

К этому архивному делу уже обращались исследователи, однако оценка действий Долгополова как авантюристов³⁹ отнюдь не раскрывает непрос-

^x А.П.Перфильев на допросе сообщил, что в войске было 10 тыс.человек (ЦГАДА. Ф.6.Д. 425. Л. 41)

тую судьбу этого человека. Между тем сохранившиеся материалы позволяют обратиться к внутреннему миру человека, оказавшегося в конфликтной ситуации в напряженный момент истории страны. Важно и то, что такое значительное историческое событие, как восстание Пугачева, предстает через восприятие современника. Ценно то, что главное действующее лицо – представитель купеческого сословия, которое, занимая не последнее место в социальной иерархии феодального общества, выступало носителем новых отношений, шедших на смену феодализму. В связи с этим подобного рода материалы имеют немаловажное значение для решения общего вопроса – об отношении торгово-промышленной части русского общества к восстанию Пугачева.

Попытаемся проследить, какие внешние обстоятельства и внутренние побуждения лежали в основе поступков купца Долгополова. В связи с этим рассмотрим встречи и контакты на его далеко не простом пути в напряженные и сурьёзные дни борьбы повстанческих сил с регулярными частями царских войск, а также данные им оценки происходящих событий, характеристики деятелей народного протesta. Но вначале остановимся на фактах, дающих общее представление об этом человеке, осуществившем свое намерение добиться личной встречи с предводителем восстания – Е.Пугачевым.

Евстафий Митрофанович Долгополов^X состоял в купечестве г.Ржева, по убеждениям был "записным расколщиком"⁴⁰. Во время восстания ему было 49 лет, и за годы своей жизни он, должно быть, накопил немалый опыт в области основного занятия – торговли, неся двойной оклад – в Ржеве и Москве. По отзывам местных властей Долгополов находился в "бедном и банкротском состоянии"⁴¹. При выяснении суммы долгов, по справке Ф.Шишкина от 24 октября 1774 г., оказалось, что долг Долгополова по векселям составлял 1270 руб. Во время обыска в его доме "в сапогах за чулками" найдено было 370 руб. золотых империалов, а в ларчике 2170 руб.⁴² Учитывая немалый кредит, которым пользовался Долгополов, а также деньги, найденные в его доме, вряд ли можно отнести его к числу "бедных". Но, по всей видимости, торговые операции, которыми он занимался, не всегда были удачными, и это отражалось на капитале и в целом на его имущественном положении.

Весной 1774 г. (по одним показаниям – на первой неделе Великого поста, по другим – в начале мая), взяв у воеводы билет и сказав же, что направляется в соседние города покупать овес, Долгополов уехал из Ржева, но направился не в "соседние города", а в Москву. В Москве купил краску на 360 руб., намереваясь от продажи ее в Казани получить "барыш" и тем увеличить имеющийся на его руках капитал (около 3 тыс.руб.)⁴³, состоявший в основном из заемных денег. Но при-

^X В Ржеве проживали его братья Федот и Трофим Долгополовы (ЦГАДА. Ф.6. Д.425. Л.4).

⁴³ Если верить показаниям Долгополова, он помимо своих денег 1020 руб. имел взятые у ржевских разных купцов 2080 руб.

взяли из Казани "знакомые купцы" посоветовали ему поступить иначе: "Кто де у тебя в нынешнее беспокойное время в Казани ее (краску. - М.К.) купит, а продайте лучше ее здесь, хотя с накладом, а повезти туда деньги, теперь де в Казань съехалось много дворян и продают всякую всячину. Почему ты не можешь на деньги там купить какова товару или ис пожитков за дешевую цену и после продать с хорошим барышем". Здесь дается характерная для купечества оценка сложившейся ситуации в связи с восстанием и соответствующая ориентация овоей деятельности. Прислушавшись к совету купцов, Долгополов реализовал свой товар в Москве без убытков, с 20-рублевой прибылью. В Казань он готовился ехать с 500 империалами, полученными в результате обмена денег. Однако Казань не стала конечным пунктом его поездки. Он изменил свои первоначальные планы.

От оказавшегося под следствием Долгополова по вполне понятным причинам вряд ли можно было ожидать правдивости, и это зафиксировали позже следователи, указав, что он "не один раз переменял свои показания", допускал "противоречий в показании", что в целом вызывало "сомнение... от него сказанное". Однако было выяснено, что Долгополов знал о кончине императора Петра III и погребении в Невском монастыре, причем не только из правительенных указов, но и от очевидцев - ржевских купцов, пребывание которых в Петербурге совпало с этим событием.

До некоторой степени проливает свет на последующие действия Долгополова его отношение к слухам, распространившимся во многих районах России в связи с выступлением "Петра III" - Пугачева. Достигшие Ржева еще в 1773 г. слухи о появлении около Оренбурга "государя Петра Федоровича" заставили его задуматься - "и помышляя один себе, что это какой ни есть явился самозванец... но иногда приходило ему в мысль и то, что может быть оной самозванец и прямой государь, но сии разные его размышления ево тяготили". В то же время, признавался он, "мысли, что государь жив, были ему приятны"⁴³. Данное признание могло быть или искренним выражением царистских настроений купца, или попыткой реабилитировать себя в глазах правосудия. Во всяком случае, несомненно, на событиях под Оренбургом сосредоточилось его внимание, родив разные мысли. Долгополов вольно или невольно сознался в своем недоверии к официальной правительенной оценке выступления Пугачева. Исходя из этого, можно заключить, что последующее было результатом обдуманных действий, стремлением лично дознаться до происходящего и соответственно сориентироваться в своих действиях. На допросе он повествовал о том, как ездил на Яик "для покупки товару и купил лисиц щетом две тысячи четыреста у приезжающих из разных городов купцов, ценюю на три тысячи на сорок рублей"⁴⁴.

2 и II октября 1774 г. он показывал, что повстречавшийся ему на пути отряд из башкир и татар задержал его в 80 верстах от Оренбурга и повез в стан Пугачева. Товар же был разграблен. По его же другим заяв-

лениям, встреча с Пугачевым произошла в апреле^X на Яике, и пробыл он среди повстанцев более трех месяцев⁴⁵.

В протоколе допроса 2 октября 1774 г. записан рассказ Долгополова о том, как задержавшие его повстанцы привели его к Пугачеву. Первый вопрос, с которым к нему обратился предводитель восстания, — что он за человек, откуда и куда едет? Выслушав ответы, а также жалобу о похищении у него товара, Пугачев заверил, что велит оплатить убытки.

Но в большей степени правдивы, на наш взгляд, последующие его показания, которые частично подтверждались рассказами сподвижников Пугачева. Из этих материалов следует, что Долгополов совершил длительное и трудное путешествие, пока добрался до Пугачева. Оно заняло несколько недель. Долгополов называл следующие населенные пункты, через которые лежал его путь: г. Казань, г. Мензелинск, с. Мазино, д. Юнеч, г. Оса, а также "железные заводы". Первым желанием Долгополова было добраться до Оренбурга. Действовал он осторожно и осмотрительно, скрывая, что направляется к городу, за событиями в котором следила вся Россия. Так, остановившись ночевать у купца Ивана Никитина, он "намерение свое никому не сказывал", а хотя и спрашивал о Пугачеве, "где он стоит толпой", но с таким видом, будто из одного любопытства в разговорах, когда дойдет об нем речь, ибо он опасался не только прямое свое намерение открыть, но и виду к тому никакого не подать, для того что взяли бы его тогда в губернскую [канцелярию] под караул". Из этого заявления следует, что он полностью осознавал всю опасность своего предприятия, но от намерения не отступил и упорно двигался к цели своего путешествия. Разведав же в "татарских лавках у татар"⁴⁶, что Пугачев стоит под Оренбургом в Берде, Долгополов направился туда. Стремление встретиться с Пугачевым было настолько велико, что даже весть о поражении повстанческих войск под Оренбургом не остановила его, хотя вынудила прервать, "отложить" на время свою поездку. Это еще одно доказательство целенаправленности его действий. Узнав, что Пугачев движется к Уфе, Долгополов поехал ему навстречу, наняв проводника-татарина. Он чутко улавливал общую обстановку, особенно отношение населения к восстанию.

Несколько недель пути убедили, как указывал Долгополов, что повстанцы пользуются огромной поддержкой в народе. Он видел, что "иноверцы" к Пугачеву "были усердны"⁴⁷. Проводник из татар сразу же посоветовал Долгополову говорить, что они едут к "государю". Именно это, утверждал проводник, будет для них надежной защитой: "Если де мы так скажута станем, то нас не обидят, а будет иначе скажемся, так нас из одних лошадей погубят"⁴⁸.

Доехав до д. Юнеч, Долгополов решил не торопиться, а точнее разузнать местонахождение Пугачева. Когда же ему стало известно, что Пуга-

* В апреле не могла произойти встреча, так как после поражения под Татищевой крепостью 22 марта Пугачев ушел на Южный Урал.

чев идет к Осе, он поехал в направлении этого города. Но только выехал из деревни, как повстречал одного из сподвижников Пугачева Канзафара Усаева, которого явно не убедила правдивость Долгополова, пытавшегося заверить, что он ездит в поисках своего приказчика, пропавшего с товарищами. Увидев, что К.Усаев заметил в его телеге кису^x, Долгополов, "боясь, чтобы оные татары ево не убили", принужден сказать, что везет из Петербурга к государю Петру Федоровичу - Пугачеву подарки "яко то шляпу с позументом золотым, сапоги красные казацкие строчены мишурою, да перчатки^{xx} замшевые, шитыя шелком, да два красные камня, кое он взял из дому своего, и один был в запанке хрустал востошной, а другой желтой, который также из запанки".

Сотник Канзафар Усаев^{xxx} на допросе в Секретной комиссии 22 августа 1774 г. подтвердил, что действительно в татарской д.Юняч встретил купца Долгополова. Он сообщил также, что инициатива двигаться на встречу Пугачеву исходила от Долгополова⁴⁹. Из д.Юняч Канзафар Усаев и Долгополов выехали в сопровождении шести татар. Дорогой Усаев вновь завел разговор с Долгополовым и высказал сомнение, что он везет от себя такие дорогие подарки. "Долгополов тихо от других татар сказал, я де тебе откроюсь, что я послан ево посмотреть и подарки отвести от Павла Петровича"⁵⁰. Исходя из каких мотивов он встал на путь опасного во всех отношениях обмана, назвавшись посланцем царевича Павла, в деле объяснений не находим. Видимо, самозванство Пугачева, о котором оповещали правительственные указы, дало пример для подражания. Спустя пять дней, 18-21 июня, во время штурма восставшими Осы, они добрались до стана Пугачева. Увидел "Пугачева... сидевшаго... на посланном ковре и в шолковом халате, поклонился в землю" - так описывает Долгополов первый момент своей встречи с предводителем восстания. Далее встреча продолжалась весьма выразительно, высвечивая личность каждого из ее участников. Пугачев поинтересовался, откуда родом, куда направляется. В ответ Долгополов сказал, что он является купцом и приехал из Петербурга к Пугачеву с подарками и поклоном от Павла Петровича. Пугачев не растерялся и обратился к нему с вопросом: "Всю ли он благополучно?". И далее Долгополов отвечал: "Слава богу всю благополучно, и его де высочество молодец, хорош, да уже де он и обручен... на какой та немецкой принцесе... зовут ея Натальею Алексеевной". В качестве подарка от принцессы Долгополов передал Пугачеву два камня. Во время беседы Пугачев коснулся в целом настроений в правительенных кругах: "Я де чаю господа меня боятца, и он, Долгополов, сказал, как де вашего величества и не боятся"⁵¹.

^x Мешок.

^{xx} Шляпу, сапоги, перчатки Долгополов купил в Казани (ЦГАДА. Ф.6. Д.425. Л.156).

^{xxx} 37-летний Канзафар Усаев, по записи допроса, "грамоте умеет", и по-татарски и по-русски (ЦГАДА. Ф.6. Д.425. Л.50).

Наконец, Долгополов сообщил Пугачеву, что знает его давно, так как поставлял ему, когда он еще был великим князем, в 1758 г. овес^х в Ораниенбаум. Быстро оценив это заявление и не дав Долгополову договорить, Пугачев продолжил за него - "подхватил", сказав, что помнит о долге и готов расплатиться, назвав его "друг мой".

Для Пугачева приезд "посланца" царевича Павла был важным событием, подтверждавшим законность его действий. Оно убеждало в том, что он истинный государь, а не самозванец, как оповещали официальные власти. Поэтому Пугачев в благоприятной для него ситуации мог, выслушав Долгополова, заключить: "Сево для мне бог дал две радости: первая, что Осу взял, а другая, что от Павла Петровича привиоз... сей человек [Долгополов] подарки"⁵². При этом через дежурного казака Якима Васильева предводитель позаботился, чтобы об этих словах узнали в его стане.

Следует заметить, что, начиная с первого допроса 2 октября 1774 г. и во время последующих допросов, Долгополов неизменно сообщал, что Пугачев предложил ему "послужить"⁵³, т.е. как бы вынудил присоединиться к восставшим. Возможно, так оно и было в отношении данного представителя купечества. Но могло быть и приемом подследственного, пытавшегося отвести от себя инициативу в "службе" в повстанческой армии Пугачева. Купец остался в "числе казаков", и ему вручили саблю. Долгополов на допросах сообщал, что в основном находился в обозе ("при лошадях").

В г. Осе Долгополов был свидетелем казни пятерых человек, причем Пугачев сам призвал его присутствовать на ней. Когда же Пугачев стал отходить от Осы, Долгополов, которого, как он указывал следователям, "переломило со страху, что он вешает", решился на обман, чтобы получить разрешение на отъезд. Он заявил, что ему якобы надо поехать за порохом, который он вез от Павла Петровича, и попросил, чтобы его отпустили, пообещав доставить порох в Казань. Более того, он дал слово привезти в Казань Павла Петровича. Но Пугачев решил по-своему, указав Долгополову подождать с отъездом. Тогда по совету "простых казаков" Долгополов обратился с просьбой к А.П.Перфильеву, а также к И.А.Творогову^{хх} замолвить за него слово. То, как вел себя Перфильев во время разговора с Долгополовым, некоторые реплики, исходившие от него, свидетельствуют, что самозванство Пугачева^{ххх} не было для него секретом. В целом это был яркий по проявлению характеров разговор. Когда Долгополов изложил ему свою просьбу и "то, что Павел Петрович ожидает его

^х 500 четв.овса на 675 руб. (ЦГАДА. Ф.6. Д.425. Л.9).

^{хх} Впоследствии участника заговора против Пугачева.

^{ххх} В то же время Ф.Ф.Чумаков пытался выведать у Долгополова об истинном лице Пугачева: "Это государь или он такой, как ево называют Пугачев", на что Долгополов заверил "любимца" Пугачева - Чумакова, что "подлинно государь". Чумаков впоследствии участвовал в заговоре и выдаче Пугачева властям (ЦГАДА. Ф.6. Д.425. Л.75, 160 об.).

возвращение", Перфильев "говорил, усмехаюсь, полно, дедушка, пустое-то болтать, что ты нас обманываешь, ты отнюдь прислан не от Павла Петровича, а разве от какого другого ты прислан. Скажи, старичок, правду, что таишь. Я тебе про себя скажу, вить и я прислан от такового секова князь Григория Григорьевича Орлова, и он мне дал полтораста рублей денег, чтоб яицких наших казаков уговорить, чтоб государя та связать и в Питер привести, но я, сохрани меня бог, ни из чево этова не сделав, да я и государю о этом сказал. И он, Долгополов, клялся всеми силами, говорил, что я подлинно прислан посмотреть государя от Павла Петровича"⁵⁴.

Отъезд Долгополова не состоялся, и вместе с пугачевцами он вошел в Казань "позади... обоза вдали". По другим его же рассказам, он и днем, и ночью находился рядом с Пугачевым. Только через два дня после перехода на правобережье Волги Пугачев призвал Долгополова и объявил ему, что отпускает "совсем", дав ему 50 руб. и лошадей для проезда до Чебоксар. Но, взяв деньги, Долгополов осмелился напомнить об убытках, с которыми ему было трудно смириться: "Я, батюшка, своих денежонок больше истряс". Пугачев в ответ: "Не погневайся, коли б меня под Казанью не ограбили, тоб я тебе дал больше, да теперь нету."⁵⁵ В показаниях Долгополова находим и иную версию, а именно что он бежал от повстанцев⁵⁶. Но все-таки более настойчиво Долгополов утверждал, что уехал от повстанцев с разрешения Пугачева. На вопрос о том, что заставило его добиваться этого, прямого ответа не находим. Вряд ли Пугачев верил словам, которые щедро расточал Долгополов (относительно Павла, а также пороха). Возможно, Пугачев ожидал от Долгополова какого-то реального содействия, отсюда и наметки относительно дальнейших контактов, о которых скажем ниже.

В "дополнении" допроса II октября находим указание Долгополова на то, что якобы у него были письма от князя Г.Г.Орлова к яицким казакам, Г.А.Потемкина к подполковнику И.Я.Симонову, коменданту Яицкого го-родка, но во время переправы через Каму он не смог их сохранить, и они погибли. В других допросах об этих письмах не упоминалось, по всей видимости, Долгополов отдавал себе отчет в том, что его легко изобличить.

Не внушают доверия его попытки приписать себе действия в пользу правительства Екатерины II и его причастность якобы к заговору против Пугачева. В числе тех, кто готов был пойти на выдачу властям Пугачева, он называет атамана Андрея Афанасьева, "дежурного" Якима Васильева, Федора Федотова^X, Егора Петрова и совершенно неожиданно-верного сподвижника Пугачева А.П.Перфильева^{XX} и др.⁵⁷ Последний факт

^X Видимо, называются имена без фамилий.

^{XX} 14 ноября 1774 г. генерал-аншеф М.Н.Волконский сообщал Екатерине II, что никакого заговора Перфильева с Долгополовым не было (ЦГАДА. Ф.6. Д.425. Л.148).

в ходе следствия не подтвердился. Он даже выдвинул версию, что поездку в Петербург совершил с согласия некоторых "из первых... сообщников" Пугачева. Но в отставании этой версии был непоследователен; остается неясным, получил ли он от сообщников Пугачева письмо к князю Г.Г.Орлову. Во всяком случае, эти его заявления вытекали, по-видимому, из некоторых наблюдений, имеющих основания; известно, что часть яицких казаков была недовольна вынужденным отходом от родных краев. Так что купец был проницательным человеком, и от него не укрылся назревавший конфликт в лагере восставших. Возможно, это и сыграло свою роль в стремлении отстраниться от какой-либо причастности к восстанию.

Долгополов указывал, что "между толпы простых казаков" шли разговоры, "долго ль нам волочитца из места вместо домов своих, отстали, и всякой день нас убавляетца, инова убьют, другой потонет, а иные пропадают и казнят, и так де нас переведут, что на Яике никого не останется. А другие под те слова говорили, да вот государь сказывал, что государыня дает трицать тысяч, кто ево живова в Петербург привезет, а другие говорили ляотко ель место денег та, да не дадут пытака съ"⁵⁸.

В целом же верной представляется его же, но противоположная оценка настроений в ставке Пугачева. Он убедился, что пытаться отговорить повстанцев от поддержки Пугачева и при их помощи схватить его совершенно нереально, "боялся о сем и слово вымолвить, ибо естьли б он о сем хотя одно слово промолвил, то б они с ним зделали лютую казнь"⁵⁹.

В дальнейшем, добравшись до родных мест,казалось, Долгополов должен был затаиться в стенах своего дома, но он этого не сделал, а направился, как уже указывалось, в Петербург и оказался во враждебном повстанцам лагере. Он явился к князю Г.Г.Орлову, представившись яицким казаком. Орлов якобы доложил о нем в Царском Селе и прежде всего о его намерении поймать Пугачева, подкупив яицких казаков. Он ездил с капитаном А.П.Галаховым в Царицын, а оттуда в Саратов. В Саратове, выпросив у капитана Галахова 3100 руб., в соответствии, по его сообщению, с договоренностью с Перфильевым и другими "начальниками" поехал к повстанцам с целью подкупить их. Весь план он разработал сам, как утверждал на допросе. Все свои поступки он объяснял желанием получить награду и с ее помощью рассчитаться за свои долги (2 тыс.руб.). От Галахова он бежал также потому, что, узнав о поимке Пугачева, хотел первым принести это известие и получить награду.

Выше не раз отмечалось, что некоторые показания Долгополова в ходе следствия проверялись. Сложнее судить о достоверности его рассказов о периоде после ухода от повстанцев, так как отсутствуют документы, их подтверждающие или, напротив, опровергающие.

Долгополов вернулся в Ржев 1 октября и из имевшихся у него денег заплатил долг ржевским купцам Л.Пояркову, К.Мясникову (187 руб.)^x,

^x Жена Долгополова, П.П.Долгополова, на допросе 2 октября 1774 г. утверждала, что видела у мужа 1500 империалов (ЦГАДА. Ф.6. Д.425. Л.60, 60 об.).

а остальные были отняты у него купцами во главе с бургомистром К. Комоловым и ратманом Д. Серафаниковым⁶⁰.

Таково противоречивое с внешней стороны поведение этого представителя купечества. Недостаточно устойчивыми были и внутренние побуждения его поступков, даже если учесть, что они выдвигались во время следствия. Совершенно очевиден факт его добровольной поездки к Пугачеву. Следовательно, был интерес, и, наверное, не только коммерческий, но и интерес к восстанию как событию. Тем более встретиться с Пугачевым можно было, лишь преодолев огромное расстояние от Ржева до Оренбурга.

В ходе следствия Долгополов пытался выдвигать мотивы, которыми он руководствовался, предпринимая далекое путешествие, кончившееся тем, что он оказался среди повстанцев. Первоначально, 2 октября 1774 г., Долгополов заявил, что целью поездки на Яик была торговля⁶¹. В допросе II октября Долгополов конечным пунктом поездки назвал Ирбитскую ярмарку. Цель поездки, как и в допросе 2 октября, - "для покупки товаров"⁶². Сообщалось еще и о том, что в свое время Петр III взял у него 500 четв. овса^X на 675 руб., но деньги не заплатил. После смерти Петра III Долгополов пытался получить деньги, как заявлялось на допросах, через П. Евреинова, но безуспешно, ему было указано, что "многие де вашей братии ходят за деньгами". Впервые он заявил об этом факте в "пополнении" к допросу II октября, а затем повторил в допросе 12 ноября. Ссылаясь на данный случай, Долгополов пытался объяснить следователям уже иную цель предпринятой им поездки к Пугачеву - "Петру III": получение с него компенсации за поставку сена. Это тем более было для него необходимо, что "от разных в торгах приключений, то есть топли у него плывущей из Ржева барки с товарами, пришел не в состояние и одолжал". Поэтому, явившись к самозванцу, "вздумал... себя поправить"⁶³.

Долгополов, как он заверял следователей, подготовился и на случай, если бы оказалось, что Пугачев вовсе не тот, за кого себя выдает. На допросе 12 ноября он заявил, что, очутившись в данной ситуации, он якобы постарался бы не упустить возможности схватить Пугачева и передать властям. И опять откровенно выражалась заинтересованность в извлечении материальной выгоды, что характерно для этого представителя нарождавшейся буржуазии. Если бы Долгополов увидел, что перед ним самозванец, он попытался бы, "познакомясь с близкими при нем в толпе или же и с казаками, уговорить их, чтоб оне от него отстали, и уверя их, что он подлинно не государь, присоветывать им, чтоб они его связали и повезли в Петербург, за что чаял он, если сие удастся, получить от в.г.н а г р а ж д е н и е (разрядка моя. - М.К.)⁶⁴.

^X В результате дознаний выяснилось, что Долгополов не поставлял овса (ШГАДА. Ф.6. Д.425. Л.55).

И позже, в одном из дополнений к допросу II октября Долгополов указывал, что уехал от капитана Галахова тайком, с тем чтобы первому привезти в Петербург весть о поимке Пугачева, "ибо он лстился получить за то больше награждение"⁶⁵. Таким образом, не пытаясь заверить официальные власти в своей верности, он при удобном случае спешил сослаться на корыстные цели. И это наводит на мысль, что в известной степени к такому объяснению Долгополов прибегал, пытаясь отвести обвинение в участии в восстании и облегчить свою судьбу.

Добравшись до повстанческого лагеря, он намеревался по первоначальным планам говорить, что оказался в тех далеких от родных мест краях потому, что искал уехавшего по торговым делам сына (или приказчика). Но поступил он по-другому, оказав услугу Пугачеву в ущерб интересам правительственные кругов.

При каких обстоятельствах возникла у Долгополова мысль о том, чтобы представиться посланцем царевича Павла Петровича, сказать трудно. Вначале Долгополов показывал, что мысль о том, что он является посланцем царевича, была подсказана ему Пугачевым, "будучи с ним наодине"⁶⁶. Из последних допросов следует, что это произошло при встрече с Канз-фаром Усаевым, и значит, он сам придумал эту версию⁶⁷.

Возможно, поражение армии Пугачева под Казанью было одной из причин ухода Долгополова от повстанцев. Можно предположить, что колебания не оставляли его. В показаниях Долгополова содержится одно интересное сообщение, которое свидетельствовало, что им не исключалась возможность будущих встреч с Пугачевым. Намереваясь отстать от повстанцев, сославшись на болезнь, Долгополов пожелал выяснить, "где он ево, Пугачева, найти может, и на этот вопрос он ему отвечал: жди меня в Царицыне у купца Василя Пугачева"^X, он де про меня будет знать, где я буду находиться, и я к нему писать буду"⁶⁸⁻⁶⁹.

В дополнении от 13 октября записано, а Долгополовым собственноручно скреплено, кто же тот купец, у которого можно получить информацию о Пугачеве. Этого царицынского купца, у которого Пугачев велел "ему о себе спрашивать, зовут Василем Александров по прозванию Качалов Пугов, и сими именами назвал его тогда сам Пугачев", обещая писать этому знакомому ему купцу⁷⁰. Таким образом, Долгополов достаточно ясно указывал на один из каналов связи Пугачева с представителями купечества.

И еще один факт, мимо которого трудно пройти. Из сохранившейся копии письма Екатерины II к М.Н.Волконскому узнаем, что императрица настоятельно рекомендовала "дознаться", не был ли Долгополов послан к Пугачеву от ржевских раскольников⁷¹. Но ответный документ отсутствует. Следствием было зафиксировано хранение купцом какого-то компрометирующего документа. Открылось, что "вынув из ларчика своего одно писмо", он его сжег⁷².

^X Видимо, описка. Надб: "Пугове".

При всем стремлении Долгополова придать следствию желаемый тон, он был причислен к "важнейшим колодникам", причем отмечалось его "непосредственное участие" в восстании⁷³. Его сослали на каторжные работы в Балтийский порт (вместе с яицкими казаками – Василием Плотниковым, Денисом Караваевым, Григорием Закладновым, сотником Канзафаром Усаевым). Было предписано содержать его "навсегда в оковах"⁷⁴.

Так закончилась история, случившаяся с купцом Долгополовым, во время крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. Из нее следует, что личность этого человека, вовлеченного стихией восстания в число участников, вряд ли можно характеризовать однозначно. Она неустойчива и противоречива, отсюда и характер его поступков и действий.

Подобно Осе, сыгравшей большую роль в восстании в юго-западной части Кунгурского уезда, такую же роль имел в ходе восстания Красноуфимск на юго-востоке уезда. Казаки во главе с канцеляристом П.Д.Лутохиним завязали переписку с башкирским старшиной Ильчигулом Иткуловым, в ходе которой казаки получили обещание, что "нижняго состояния людей ничем не тронут и никакого им разорения и кровопролития не чинят". По приговору всего казачьего собрания в станичной избе 9 января 1774 г. красноуфимские казаки отправили Ильчигулу Иткулову пушки и порох и сами встретили его в двух верстах от крепости "с казачьим знаменем" и "без всякого сопротивления в крепость впустили".

12 января в Красноуфимск прибыл Салават Юлаев. Он столкнулся здесь с ожесточенной борьбой небольшой группы казачьей старшины, которая сдалась только под давлением остального "казачьего собрания". По-видимому, этим вызвано удовлетворение просьбы об отставке есаула Г.А.Овчинникова, сотника Д.Бршова⁷⁵ и назначение атаманом Макара Петрова, есаулом Матвея Чигвиццева. Канцелярист Лутохин стал походным полковым писарем.

В дни своего пребывания в Красноуфимской крепости С.Юлаев составил "наставление", которое было выдано 14 января 1774 г. атаману М.И.Попову (Иванову) и есаулу М.Д.Чигвицеву. Помимо призыва идти служить в повстанческую армию, оно, как и "наставление" Осинской земской избе, содержало указание "вседолжного порядка", в том числе в делах учета продажи соли и вина и др.⁷⁶

К 18 января относится еще одно "наставление" атамана И.С.Кузнецова есаулу М.Д.Чигвицеву, смысл которого сводился к тому, чтобы установлением надежной власти охранить жителей, "кто б какого звания и достоинства ни был", от "обид, притеснений, ниже грабительства", а нарушителей наказывать вплоть до смертной казни. "Казацкой команде" вменялось в обязанность иметь "обстоятельное смотрение" за продажей соли и вина, "дабы в соли обвесу, а в вине обмеру и подмесу чинено не было", в случае несоблюдения этих норм взыскивать штраф⁷⁷.

15 января 1774 г. войско Салавата Юлаева и Ильчигула Иткулова выступило из Красноуфимска, пополнив артиллерию четырьмя пушками и 20 пуд. пороха, а свои ряды – сотней казаков.

20 февраля каратели подступили к Красноуфимску. В середине марта секунд-майор Попов овладел крепостью. На втором этапе крестьянской войны 14 июня Красноуфимск был захвачен отрядом повстанческого полковника И.Н.Белобородова.

Следуя из Башкирии в Прикамье, войско Пугачева 10 июня прошло через Красноуфимск. Но каких-либо документов, исходящих от Пугачева и его Военной коллегии, в настоящее время не выявлено.

К началу 1774 г. повстанческие отряды, действовавшие в Пермском крае, при поддержке русских крестьян, работных людей с заводов и башкир приблизились к г.Кунгур, административному центру района. Жители окрестных заводов и деревень "крайне радовались погибели городу Кунгур" ⁷⁸. Юговский завод стал оплотом походного войска, осаждавшего город. Атаман повстанцев из башкир Батыркай Иткинин (Иткинов) по пути предпринял попытки разведать обстановку в городе. 26 декабря 1773 г., когда к нему привели захваченного в д.Усть-Турке кунгурского посадского Анисима Журавлева, он через переводчика допросил его и прежде всего поставил вопросы: "Вашего города Кунгур начальники и городовые жители будут ли драться или впустят в город без сопротивления? Есть ли у них при городе пушки и порох?". На допросе Журавлев показывал, что старался запугать пугачевцев и сказал, что в Кунгуре есть пушки и порох.

Не известно, дошли ли до Батыркай Иткинина известия об обстоятельствах панического бегства провинциальной канцелярии и горного начальства из Кунгура, которые, "оставя все свои порученные должности и казну... колодников... неведомо куда из города Кунгура... объездными дорогами выехали". Но, очевидно, он знал, что в городе "никого командиров нет", а пушки и порох имеются ⁷⁹. Батыркай отправил Журавлева в Кунгур с тем, чтобы тот передал воеводе приказ о сдаче без сопротивления и встрече повстанцев. Но Журавлев был схвачен по приказу кунгурского магистрата и посажен "под караул". 2 января 1774 г. в город вновь посыпалась делегация из двух священников и крестьянина "для увещевания города Кунгура граждан с тем, что все того города Кунгура граждане шли в подданство без сопротивления и они б пустили в город Кунгур", чтобы "маломощные граждане" присоединились к восстанию. Повстанцы обещали волю колодникам, и это пожалование было характерным для города, в тюрьмах которого томились схваченные за побег крестьяне и заводские люди многих провинций.

Окрестное население всеми мерами, снабжая провиантом и фуражом, поддерживали походное войско повстанцев на пути к городу и шли служить в их отряды. Они торопили ускорить взятие Кунгура: "...ступайте де смело!". С 4 по 10 января Батыркай Иткинин держал Кунгур в осаде. Пугачевцы 4, 5 и 9 января пытались ворваться в город, но пушечный огонь останавливал их и вынуждал отступить.

Передовые отряды повстанцев, выслеживая кунгурские караулы и выманивая ружейной перестрелкой за стены города вооружившихся кунгурских

купцов, разъезжали вблизи города и препятствовали подвозу провианта в город. По слухам, именно власти города отказывались принять предложение повстанцев и добровольно сдать город, желая "держать баталию", без них "все здешние города и Юговского завodu жители пошли к ним в подданство"⁸⁰. Это очень важная оценка положения в городе, которая позже повторится в "увещевании" 19 января 1774 г. После нескольких неудач Батыркай Иткинин отошел от Кунгура. Но борьба за город продолжалась, ее возглавил Салават Юлаев. 19 января в осажденный Кунгур был послан с красноуфимским казаком И.Дружининым манифест Пугачева от 2 декабря 1773 г. и "увещевание" от имени Салавата Юлаева, Канзафара Усаева, атамана М.И.Попова (Иванова) и других "разного звания обывателям" Кунгура, особенно "доброжелательным и приклоняющимся", о добровольной сдаче города. В "увещевании" ставился в пример Красноуфимск, "все граждане" которого 9 января торжественно встретили повстанцев. В числе своих противников повстанческие руководители называли не только власти, но и купца Емельяна Хлебникова, сына президента кунгурского магистрата⁸¹. "Увещевание" призывало: "...в сожелении себя не будьте смешены и не доведите до крайнего безпovинных разорения и против сильно идущей армии кровопролития". Повстанцы настаивали в случае принятия капитуляции передать им всю артиллерию и порох, а "захваченных в плен, ис торем наперед к нам выслать"⁸². На следующий день, 20 января 1774 г., вновь объявлялись властям, священнослужителям и населению Кунгура "увещевания" прибывшего накануне к Кунгуру помощника Зарубина-Чики под Уфой И.С.Кузнецова, Салавата Юлаева, М.Е.Мальцева и манифест Пугачева от 2 января 1774 г., в котором констатировалось, что повстанцы в перешедших на сторону восстания городах^x "никакого жителям притеснения, разорения, обид, налог и безпovинного кровопролития не чинили". И далее в духе повстанческих возваний: "Как россияне, так и иноверцы приведены вправне", если же они нарушают общее указание об отношении к населению городов, то будут наказаны вплоть до смертной казни. "Увещевание" называет главными своими врагами командира карательной команды горного офицера М.И.Башмакова, а также президента кунгурского магистрата И.И.Хлебникова и особенно его сына Е.И.Хлебникова. Именно они "чинят противность".

Кузнецов напоминает законы, согласно которым парламентарии не должны подвергаться аресту. Между тем в отношении повстанческих посланцев этот закон "властями был нарушен", и они "со изнурением" заключены в тюрьме. В "увещевании" рекомендуется прислать для переговоров ("к переговорке") "лучших города содергателей" ("из граждан... лучших"), причем человек десять, с заверениями, что их безопасность будет гарантирована⁸³. Это дает основание заключить, что руководители повстанцев, не сомневаясь в поддержке городской бедноты, делали

^x Имеются в виду, видимо, Оса, Красноуфимск.

в этом послании, в отличие от послания С.Юлаева, попытку склонить на свою сторону верхушку горожан.

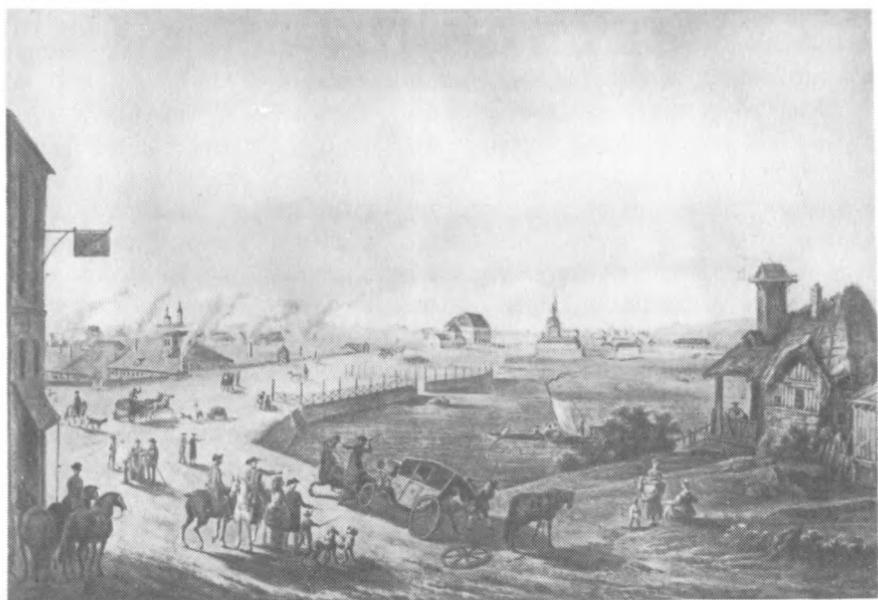
Основной базой по сбору сил в самом Кунгурском уезде стал отряд Гаврилы Ситникова, походного атамана, выдвинутого мастеровыми и работными людьми Юговского завода Осокина. Именно ему И.Кузнецov поручил "набор казатского российского войска", и он наладил связь со всеми восставшими селениями Кунгурского уезда и Осинской волости. При помощи Ситникова удалось вернуть под Кунгур отступивших с Батыркаем Иткининым мастеровыми и работными людьми Шармиятского, Аманского, Былювского, Юговского и других пермских заводов. К 23 января Кузнецovу удалось собрать под Кунгуром 3400 башкир, красноуфимских казаков, кунгурских крестьян⁸⁴. С этими силами он штурмовал город, но, израсходовав все снаряды, вернулся на исходные позиции. Когда же гарнизон Кунгура получил подкрепление, отряд в 300 человек во главе с опытным офицером премьер-майором Нарвского пехотного полка Д.Гагриным⁸⁵, И.Кузнецов отступил от Кунгура. С.Юлаев из-за ранения принужден был уехать в Башкирию. Сложившаяся под Уфой и Челябинском обстановка не позволяла Зарубину-Чике организовать помощь в борьбе за Кунгур. О том, насколько остро стоял вопрос о подкреплении для повстанцев, свидетельствуют многие документы, вошедшие в изданные в настоящее время публикации.

В период восстания под предводительством Е.И.Пугачева Екатеринбург^X, являясь казенным горным центром, принял оборонительное положение. Борьбу с восстанием в этом районе возглавлял главный начальник Екатеринбургского горного ведомства полковник В.Ф.Бибиков, ассессор горной канцелярии М.И.Башмаков, титулярный советник Турчанинов, получивший впоследствии за свою деятельность против бунтовщиков почетное дворянство.

По данным акад.Фалька, посетившего Екатеринбург в начале 70-х годов XVIII в., в Екатеринбурге находились 33 горных чиновника, 199 канцелярских служителей и 1923 горных и заводских человека. Ревизия 1763 г. выявила 390 купцов и ремесленников. Лепехин сообщает цифру значительно большую – 1370 человек. Для вспомогательных работ к Екатеринбургу было приписано 5476 государственных крестьян⁸⁶.

К началу января западная и южная части Екатеринбургского горного ведомства были охвачены восстанием. К середине января прикрывавшие Екатеринбург крепости, сдавшиеся, по свидетельству предводителя восстания в этом районе И.Н.Белобородова, добровольно, оказались в руках восставших. Войско повстанцев из 500 человек с пятью пушками приблизилось к Екатеринбургу с запада, вызвав панику и растерянность военной и гражданской администрации города. В то же время в среде городских низов отмечалось глухое брожение, недовольство, открытое неповиновение властям⁸⁷. В.Ф.Бибиков и местные власти были поставлены перед ли-

^X Возникновение этого города в 1721 г. связано с именем В.Н.Татищева.

Екатеринбург. Акварель В. Петрова. 1789 г. ГИМ.

цом всеобщего восстания на заводах ведомства. В начале января Бибиков созвал военный совет, на который собралась военная и гражданская администрация. Он указал членам совета на "бедственное" положение Исетской провинции, охваченной восстанием, разгром воинских команд на территории самого ведомства. Бибиков сообщил, что в городе находится 700 только что набранных рекрутов, 300 казаков, некоторое число мастеровых с соседних заводов, и заявил, что, располагая такими силами, не может защищать город. 8 февраля местные власти вновь собрались, чтобы обсудить создавшееся положение. Бибиков предлагал сдать город, а "благородным из оного выехать". Но присутствовавшие настаивали на необходимости защищать город, хотя Екатеринбург действительно находился под ударом повстанческих войск и легко мог быть захвачен ими.

Вопрос об эвакуации города был отложен. Внешняя опасность осложнялась волнениями в самом Екатеринбурге. Недовольство администрацией в широких кругах населения нередко переходило в неповиновение властям. Горожане открыто выражали сочувствие восставшим. Даже такой очевидец событий, как надворный советник Охлябин, который критиковал Бибикова за преувеличение опасности, писал в своих "Записках", что "ко всем улицам збирались народные кучи и ежечастно должно было ожидать возмущения". Ходили слухи о намерении городских низов захватить самого начальника Екатеринбургского горного ведомства при его бегстве из города. Известно, что Бибиков составил даже специальный проект "Обращения" к

горожанам. В этом "Обращении", которое он предполагал "расpubликовать" при выходе из города, прямо указывалось, что сдача Екатеринбурга произошла из-за "неверности" населения властям.

Вслед за крупными заводовладельцами, бежавшими из города еще в декабре, Бибиков тоже стал готовиться к отъезду. Страх перед восстанием внутри города усугублял панические настроения властей. Понимая, что сможет захватить из Екатеринбурга ~~весь~~ дворян Бибиков намеревался оставить на "милость победителей" даже часть городской верхушки. Чиновники города, опасавшиеся за свою участь, решили создать собственную полицейскую охрану. Надворный советник Роде организовал отряд из "людей горного ведомства", с которым "насквозь все ночи делал сам разъезды" по городу и тем только, считает Охлябин, "пресек начинаящее возмущение" в Екатеринбурге⁸⁸. Одним из фактов, свидетельствующих об отношении к восстанию некоторой части купечества, является история екатеринбургского купца И.В.Хмелева. Он был полковником в армии Пугачева и "по многим уликам", добытым властями, причислялся к "совершенным злодеям". Попав в руки карателей под Казанью, Хмелев был "нешадно" высечен кнутом и сослан на каторгу⁸⁹.

В то же время повстанческие отряды, не решившись нанести удар по городу, направились на северо-запад и тем самым упустили выгодный момент для захвата этого укрепленного крепостными стенами города. До конца марта 1774 г. властям не удавалось подавить восстание на заводах Среднего Урала.

Имущественное положение купечества было разным, и это являлось значительным, а иногда определявшим фактором, влиявшим на его поведение в период крестьянской войны 1773-1775 гг. Обратимся к событиям, которые произошли в крупном торговом центре Сибири - в Ирбитской слободе, знаменитой своей "великой" ярмаркой, второй по обороту после Макарьевской ярмарки. К февралю 1774 г. крестьянская война под предводительством Е.И.Пугачева достигла северных районов Среднего Урала и Зауралья - Верхотурского и Туриńskiego уездов Тобольской (Сибирской) губернии. 23 февраля тюменский комендант подполковник Устьянцев доносил генералу Деколонгу, что повстанческая "толпа обретается" от Ирбитской слободы в 30 верстах. Первыми восстали крестьяне Зайковского и д.Кочовки, приписанные к Ирбитской слободе. Крестьянин Степан Мурзин, познакомив односельчан с повстанческим манифестом, призывал всех "быть в подданстве" у "Петра III" - Пугачева. После этого все крестьяне "зделались согласны и взбунтовали". Затем зайковские агитаторы разъехались по соседним деревням. В д.Кочовку пришел Петр Кузьмич Мурзин "для объявления и соглашения"⁹⁰. Наиболее активно начали действовать в этой деревне крестьяне Нифед Яковлевич и Василий Иванович Шориковы.

Восставшие зайковские крестьяне стали призывать жителей Ирбитской слободы последовать их примеру. Но в слободе вопрос о поддержке Пу-

гачева вызвал ожесточенную внутреннюю борьбу между двумя группами. Зажиточная верхушка, тесно связанная, как отмечает А.И.Андрющенко, ярмарочными торговыми операциями с зависимыми от нее крестьянами, как и местные власти, решительно выступила против восстания. Трудовая же часть ирбитского населения стояла за переход на сторону Пугачева и активное участие в восстании. По сведениям Туринской воеводской канцелярии, все они склонялись и намеревались послать "от себя" к повстанцам "казаков". Когда в Ирбитскую слободу был прислан от туринского воеводы отставной унтер-офицер Ротанов, местные крестьяне вместе с белослужцами и зайковскими его "били и мучили смертельно" за "уговор и увещевание" не присоединяться к восставшим. Двух ирбитских крестьян, поддерживавших Ротанова, они убили.

Обстановка в слободе была напряженной, грозившей открытым "бунтом". Однако зажиточная часть населения слободы при поддержке властей Туринска подавила попытки поднять Ирбитскую слободу на восстание. Некоторые ирбитские жители, руководимые священником Одинцовым и пищиком Мартыновым, создали вооруженный отряд, командирами которого стали туринские унтер-офицеры. Ирбитские противники восстания даже "ходили партией", чтобы "наказать" зайковских крестьян за участие в восстании. Но последние, объединившись с белослужцами повстанцами, вступили в бой и одержали победу. Мартынов и Ротанов попали в плен, и их передали повстанческим властям Екатеринбургского повстанческого района. Предводителями восставших и "первыми... зачинщиками" выступали Степан Мурзин, его сын Кондратий, Нефет и Василий Шориковы.

Зайковские крестьяне были "усмирены и в верности утверждены" силами гороблагодатской карательной команды во время подавления восстания весной 1774 г. в Екатеринбургском, Исетском и Сибирском повстанческих районах.

Екатерина II "с особым удовольствием известилась" об активном участии ирбитских жителей в борьбе с отрядами Пугачева и их "непоколебимой верности" и немедленно "в знак особливого... благоволения" повелела "Ирбитскую слободу учредить городом на основаниях прочих российских городов", сделав г.Ирбит уездным центром⁹¹.

По инициативе Зарубина начался поход повстанческих отрядов на центр Исетской провинции – Челябинск – во главе с И.Н.Грязновым⁹².

Ко времени прихода повстанцев к Челябинску исетский воевода статский советник А.П.Веревкин успел принять ряд оборонительных мер. В ответ на его постоянные жалобы на недостаток боеприпасов и вооружения в Челябинск было послано 25 пуд. пороха и 200 ружей⁹³.

В конце 1773 г. в городе произошел "бунт" местных чиновников и купеческой верхушки. "Бунтари" потребовали увеличения городского гарнизона, состоявшего из 25 солдат, 50 казаков, 200 вооруженных чиновников и "прочих служителей", 200 рекрутов и I тыс. "набранных музыкантов" из соседних селений. В донесении воеводе Веревкину, под которым стояли подписи бургомистра Семена Буровинского, ратмана Анания

Ивейкина и подканцеляриста Дорофея Рожкова, содержалось требование, чтобы воевода срочно просил войска у генерал-поручика И.А.Деколонга и тобольского губернатора генерал-поручика Д.И.Чичерина, а до прибытия подкрепления задерживал любую воинскую команду, идущую через Челябинск на помощь осажденному Оренбургу. Воевода подчинился. Он задержал в Челябинске проходящую артиллерийскую полевую команду из 105 человек. Кроме того, в начале января Чичерин прислал в город рекрутскую роту, насчитывавшую 127 человек⁹⁴.

5 января восставшие заняли Чебаркульскую крепость, жители которой и гарнизон торжественно встретили отряд Грязнова. Его войско быстро росло за счет крестьян и солдат, а также башкир. Во время похода оно значительно пополнилось артиллерией и боеприпасами.

На подходе к Челябинску Грязнов, задумав установить контакты с солдатами гарнизона и населением, послал в город несколько человек, снабдив их повстанческими манифестами. Посланцам удалось проникнуть в город, и 5 января там началось восстание. Ненадежность опоры на население, особенно на городскую бедноту, мобилизованных крестьян и казаков, предвидел Веревкин. Он с тревогой писал Деколонгу в конце декабря о сложившемся положении в Челябинске и в Исетской провинции в целом: "Так велико зло (восстание. - М.К.), что ежели по отпуске из города артиллерии хотя один казак из злодейской толпы сюда ворвется, то может предать в злодейские руки все население города, состоящее из казаков и крестьян. За ними предается вся провинция, а за Исетской провинцией неизбежно грозит сие зло и всей Сибирской губернии"⁹⁵.

Начавшееся в городе восстание казаков возглавили атаман Уржумцев и хорунжий Невзоров. Они разгромили дома наиболее ненавистных чиновников, арестовали Веревкина и его помощника Свербеева. Мобилизованные крестьяне присоединились к восставшим казакам. Энтузиазм восставших поддерживало ожидание войска Грязнова. Однако офицеры и канониры артиллерийской команды отбили орудия у восставших и, подступив с пушками к дому воевода, где обосновались предводители, угрожая открыть огонь, потребовали освободить Веревкина и Свербеева. Казаки и крестьяне стали выходить из города, и им удалось скрыться. Власти было арестовано только 68 человек из числа восставших. Скрывшиеся из города сосредоточились недалеко от Челябинска. В ожидании подхода Грязнова они блокировали город, перерезав все дороги⁹⁶.

Восстание в Челябинске привело в панику местную администрацию, и она всеми мерами поторопилась добыть подкрепление. В ответ Деколонг направился к Челябинску.

Сохранились письма и воззвание И.Н.Грязнова к администрации и жителям Челябинска⁹⁷. Обращаясь к городской бедноте, он раскрывает цель восставших – освобождение от власти дворян и заводовладельцев.

⁹⁴ См. гл.У1.

8 и 10 января восставшие атаковали город, но хорошо укрепленный каменными стенами Челябинск устоял. II января Грязнов снял осаду и ушел на запад. Во время одного из столкновений с правительственным отрядом был схвачен хорунжий Невзоров и через сутки зверски замучен Веревкиным⁹⁷.

Но и после ухода Грязнова Челябинск оставался блокированным из-за повсеместных крестьянских восстаний. Позднее Грязнов с войском в 4 тыс. человек снова подступил к Челябинску. 8 февраля команда Деколонга и челябинские чиновники вышли из Челябинска и только 23 февраля, подвергаясь нападениям восставших, вступили в Шадринский пригород.

После ухода Деколонга восставшие вошли в Челябинск. Новые органы власти – походные атаманы, есаулы, станичные атаманы во главе с Григорием Тумановым, крестьянином Воскресенского завода, – следили за порядком в городе, занимались снабжением армии и набором в нее, ремонтом оружия и др.⁹⁸

Военные неудачи повстанческого войска Пугачева зимой и весной 1774 г. не повлияли на популярность его лозунгов среди простого народа. Вытесненный после сражений 22 марта под Татищевой крепостью и 1–2 апреля под Сакмарским городком из оренбургских степей и предгорий Южного Урала, Пугачев перенес центр восстания на заводские районы Урала, в горную Башкирию, а затем на берега Камы.

Официальные власти в своих оповещениях, обращенных к населению Российской империи, особый упор делали на то, что крупные города – Оренбург, Уфа, Челябинск, Кунгур – больше недоступны для нападения пугачевцев. Это являлось одним из методов давления в борьбе против восстания. Борьба еще более обострилась, когда стали поступать тревожные для правительства Екатерины II известия о движении Пугачева к Казани. Угроза восстания надвигалась на центр страны.

Взятие Воткинского и Ижевского заводов открывало Пугачеву путь на Казань. Успешный исход похода главной армии восставших на Казань во многом был предопределен повстанческим движением в Казанском крае, начавшимся задолго до прихода в этот район Пугачева. Крестьянские восстания в Казанском крае, разгоревшиеся зимой 1773–1774 гг., в марте–апреле были жестоко подавлены царскими карателями, вскоре вновь вспыхнули, особенно в связи с первыми известиями об успехах Пугачева в Башкирии, на уральских заводах и в еще большей степени при вступлении Пугачева на территорию Казанского края. Переправа Пугачева через Каму привела к массовому восстанию помещичьих крестьян, а также нерусских народов этого края. Чем ближе подходил Пугачев к Казани, тем быстрее росла его повстанческая армия. Населению края было уже известно, что он идет на Казань – центр эксплуатации народов Заволжья и Прикамья, оплот власти заводчиков и помещиков.

Крупным населенным пунктом на пути было с. Трехсвятское (позже город Елабуга). Крестьяне этого села принадлежали дворцовому ведомству.

В своих записках П.И.Рычков указывал на широкое развитие промысловой деятельности местного населения, в селе "земледельцев очень мало, а большая часть люди ремесленные, как то медники, иконоописцы, набойщики и серебречники", значительная часть жителей принадлежала к зажиточной прослойке, и тем не менее "все жители села, а впереди их духовенство с иконами вышли за окопицу встречать Пугачева, и все пали на колени"⁹⁹.

Восстания крестьян Казанского края и слухи о движении армии Пугачева к Казани повергли в страшную панику администрацию Казанской губернии. Об этом спешил сообщить Екатерине II прибывший в город 8 июля П.С.Потемкин: "В приезд мой в Казань, нашел я город в столь сильном унижении и ужасе, что весьма трудно было мне удостоверить о безопасности города. Ложные по большей части известия о приближении к самой Казани злодея Пугачева привели в неописанную робость, начиная от начальника, почти всех жителей так, что почти все уже вывозили свои имения, а фамилиям дворян приказано было спасаться"¹⁰⁰.

20-тысячная армия Пугачева, не встречая сопротивления, подошла к Казани. Продвижение правительенных войск, преследовавших его армию, задерживалось действиями отдельных повстанческих отрядов, а также по-всеместными крестьянскими восстаниями.

II июля 1774 г. Пугачев со своей армией остановился лагерем в 7 верстах от Казани, у Троицкой мельницы. Из показаний беглого капрала, участника крестьянской войны И.С.Аристова^X узнаем, что татары, жившие в Казани (в Татарской слободе), через присыпаемых гонцов пригласили Пугачева "итти прямо в Казань, уверяя, что ее можно взять без дальней трудности, где де военных людей немного. Они же будут на вспомоществование"¹⁰¹.

Следующая делегация Татарской слободы состояла из 70 человек. Они преподнесли Пугачеву богатые дары (сахар и др.). Призывая Пугачева в Казань, татары рекомендовали идти к городу со стороны Арской дороги, так как она не укреплена.

В это время Казань была крупным военно-административным и торгово-промышленным центром Заволжья с 9-тысячным населением. В распоряжении казанского губернатора Я.Л.Бранта и коменданта крепости полковника Лецкого находилось более 2 тыс.солдат и офицеров. В Казани имелся большой административный аппарат - чиновники губернской канцелярии, магистрата, ратуши, адмиралтейства, экономической конторы. Судьба Пугачева уже вторично привела его в этот город, но теперь как предводителя восстания. В первый раз в начале 1773 г. за намерение увести яицких казаков на Кубань Пугачев был препровожден в казанскую тюрьму. В литературе имеются сведения о его контактах в то время с некоторыми представителями купечества, об участии, которое проявили раскольники

^X Аристов был сослан на каторжные работы в Ревель (ЦГАДА. Ф.6. Д.468. Л.156).

в судьбе тогла еще безвестного узника. Наиболее других благоволил к Пугачеву казанский купец из старообрядцев. В тюрьме же с ним подружился бывший купец Парфен Дружинин, ожидавший наказания кнутом и ссылки. При содействии родных этого купца им удалось бежать и скрыться от властей.

В литературе довольно подробно освещена история борьбы повстанческих сил за Казань. Подходя к городу, Пугачев послал казанцам указ, чтобы без сопротивления покорились "государю" и сдали город, приняли его с честью. Но посланцы восставших вернулись и объявили, что казанцы "не слушают". Тогда отряды Пугачева начали штурмовать город. Во время осмотра городских укреплений к Пугачеву подошел старик и сообщил, что архиерей и все жители города готовы сдаться, но недавно приехавший из Москвы генерал П.С.Потемкин и губернатор объявили, что если народ пойдет встречать Пугачева с крестами, то они начнут стрелять по процессии из пушек. Несмотря на то что повстанцы были плохо вооружены, они сумели быстро занять город. В период борьбы за Казань к повстанцам примкнули городские низы: работные люди мануфактур, солдаты, ремесленники, дворовые. Их поддержка явилась важным фактором, повлиявшим на ход событий в этом городе. При приближении пугачевцев они покидали свои посты на отведенных участках, на которых по распоряжению властей города обязаны были стоять под страхом смертной казни. Так, по распоряжению губернатора Я.Л.Бранта, оборона Суконной слободы была возложена на работных людей и вольнонаемных рабочих Суконной мануфактуры Дряблова. Как только восставшие под командованием Белобородова миновали кирпичные заводы, многие суконщики разбежались по домам, а значительная их часть примкнула к восставшим.¹⁰²

Узнав, что к Казани приближается отряд Михельсона, Пугачев в разгар боя за крепость, в которой укрылись правительственные власти и богатые горожане, вынужден был прекратить штурм и выйти из города через Арское поле. Пять часов длился 12 июня бой с отрядом Михельсона, но хорошо вооруженные и опытные в военном отношении царские войска взяли верх. Однако повстанцы не сложили оружия, и 13 июня вновь завязался бой. Атакуемые с двух сторон отрядом Михельсона и выступившими из Кремля гарнизонными войсками под командованием Потемкина, восставшие вынуждены были отступить за р.Казанку. Утром 15 июня Пугачев в третий раз повел свое войско на штурм Казани. Это сражение произошло у с.Царицына. Но силы были неравны. Восставшие потеряли в этом бою до 2 тыс.убитыми, 5 тыс. пленными и всю артиллерию. Город Казань понес ощутимые потери: сгорело 2200 домов (казенных и частных), 777 лавок и 28 церквей. Пугачев с небольшим отрядом отступил в направлении Кокшайска.

Сохранились записи допросов участников восстания, донесения местных властей, а также следственное дело, возникшее в связи с обвинением казанского архиепископа Венуамина в попытке передачи Пугачеву 3 тыс.руб.¹⁰³ Анализ этих материалов позволяет раскрыть настроения

Казань со стороны р.Казанки. Гравюра Н.Ф. Челнокова по рисунку А.И. Свечина и М.И. Махаева.
1769 г. ГИМ.

горожан Казани, а также историю участия в восстании казанского купца Александра Огородникова.

Семинарист Степан Федорович Львов, поповский сын, "экзаменатор ставленников" при архиепископе Вениамине на допросе 2 октября 1774 г. показал, что дьякон Казанского девичьего монастыря, любимец и казненый Вениамина, Алексей Ионин, тайно посыпал его к Пугачеву. Передавая кошелек, он должен был передать поклон от служителей архиерейского монастыря¹⁰⁴. В дополнение к допросу 2 октября 1774 г. Львов написал своей рукой: дьякон Алексей Ионин, передавая кошелек, велел сказать Пугачеву: "Кланяется де сим вашему величеству его преосвященство архиепископ казанский и просит покорнейше свободить разорения загородной его Воскресенской монастыря"¹⁰⁵.

Дьякон Алексей Ионин вначале упорно отрицал, что посыпал к Пугачеву семинариста Львова, но когда его обнадежили монаршим прощением, "он, долго не отвечая, колебался, сколько приметить можно было в мыслях и, наконец, заплакал", боясь сказать правду¹⁰⁶.

4 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии Алексей Ионин показывал, что 12 июля во время пребывания Пугачева под Казанью архиепископ Вениамин в соборе "приносил мольбы всевышнему о поражении злодеев". Но когда военные отряды, оборонявшие город, стали отходить к крепости под написком повстанцев, вызвав "вопль и стон, которому весь бывшой народ тому же следовал", архиепископ Вениамин, "будучи во всеночном отчаянии", передал кошелек Ионину с наказом отдать его Пугачеву¹⁰⁷.

Естественно, что Потёмкин предпринял попытку выяснить обстоятельства столь необычного дела у "виновника" архиепископа Вениамина и в ответ получил заверения, что и в "мыслях сего богопротивного и беззаконного поступка не имел"¹⁰⁸, находясь в Кремле вплоть до 17 июля.

В донесении Вениамина от 26 октября 1774 г. в Синод указывалось, что оговор, по всей видимости, исходит от "пotaенного" раскольника казанского купца Александра Огородникова^x, именно он по слухам "первой донощик". Второй, по его подозрениям, семинарист Степан Львов. Все это сделано, заключал архиепископ, по "единой злобе и вражде"¹⁰⁹.

Казанский губернский магистрат в лице президента Александра Чекмарева сообщал в мае 1774 г. в Казанскую секретную комиссию, что полковником Толстым схвачен находящийся среди пугачевцев 29-летний казанский купец Александр Иванович Огородников. Как выяснилось, Огородников по паспорту, выданному казанским магистратом, работал у крестьянина с. Елабуги Ивана Подъяилова, "исправляя котельное ремесло, от чего

^x И.Аристов и А.Огородников на допросах в Тайной экспедиции отказались от некоторых показаний, данных в Казанской секретной комиссии, объясняя их "нестерпимостью", наказания плестью. Львов и Ионин также сняли прежние обвинения в адрес архимандрита Вениамина (в собственноручно написанных новых объяснениях), при этом указав, что произошло это не из-за "засылки чьей, а страшась суда за клевету" (ЦГАДА. Ф.6. Д.468. Л.83 об., 86, 90, 107 об. - 110, 123).

он, Огородников, по неимению по бедности торгу и пропитание имеет^{III}. О своей поездке из с. Елабуги на Боровецкий медный завод Красильникова для покупки меди отцу, купцу Ивану Огородникову, он сообщить не успел. Бежать А. Огородников не собирался, хотя слухи о появлении "в дальних местах" пугачевских отрядов уже до него доходили. По дороге купец попал в пугачевскую партию, на допросах утверждал, что "добровольно он... к той толпе не клонился". А. Огородников шел с пугачевцами до татарской д. Кулюкова. Он сообщал, что находился среди восставших до середины января, нес караул, использовался как посыльный, через которого отправлялись "татарские письма к другим таким же ево (Пугачева. - М.К.) сообщникам". Отпросившись якобы за "пожитками", поехал в Елабугу, "чтобы, удалясь от той... толпы", остался в селе^{III}. Однако священники и сборщик соляных сборов А. Хворов схватили его и, посадив в "рогожной куль", повезли в Казань. В с. Танайки крестьяне, находясь в "преклонности" повстанцам, подвод не дали и освободили Огородникова, признав в нем пугачевца. Так Огородников снова был доставлен в д. Кулюкову.

После освобождения Огородников в качестве разведчика повстанцев ездил в с. Сарапул. Там он был схвачен и отправлен в Нагайбакскую крепость, где по распоряжению А. И. Бибикова прогнан сквозь строй^{III}. Оттуда отправлен в Бугульминскую слободу, затем в Казань (июнь 1774 г.).

Власти утверждали, что Огородников находился в пугачевском отряде "из воли своей". Один из свидетелей, Алексей Хворов, показывал, что Огородников приезжал в Елабугу не один, а во главе повстанческого отряда в 14 человек и призывал присоединиться к пугачевцам^{III}. Позже Огородникова видели в составе другого отряда (численностью в 60 человек). Отмечалось "явное ево, Огородникова, с злодеями сообщество и противу присяги преступление"^{III}.

Сведения о "преступнике" А. Огородникове поспешил сообщить в Казанскую секретную комиссию протопоп Елабужского духовного правления Иоанн Александров, дав весьма определенную ему характеристику. Он был свидетелем пребывания отряда Огородникова в с. Елабуге 1 января 1774 г. С этим "казаком из посадских людей" Казани, по данным протокола, выступили более 10 крестьян дворцового с. Челны. Подъехав к его дому и вызвав его, Огородников "со обнаженною саблею" в присутствии "всех крестьян" принуждал подписаться, "чтоб верить и поминать на ектениях государя Петра Третияго"^х. Протопоп подписки не дал, и Огородников продолжал "смущать народ". Тогда протопоп, мобилизовав "неприлепившихся", сумел схватить Огородникова и связать, намереваясь передать в руки губернских властей. Первостатейные не выделили для этой цели лошадей, протопоп дал свои подводы. Но в с. Танайке, как уже указывалось выше, "крестьяня тутошния сего Огородникова отбили", а охрану сковали и, провезя "по разным злодейским командинам", доставили в с. Чесно-

^х 3 января 1775 г. на допросе Огородников отклонил эти обвинения (ЦГАДА. Ф. 6. Д. 468. Л. II2 об., II3, II4).

ковку, под Уфу. Зарубин-Чика ("граф Чернышев") привел задержанных к присяге и отпустил¹¹⁵.

Поскольку имелось предписание А.И.Бибикова - "буде из возвратившихся добровольно и из злодейской толпы" явится такой, который "многих подговаривал в злодейскую толпу и делал разбои и убивства, такой должен прислан быть в Секретную комиссию, так как и тот, которой будет разсевать уверение о лжесамозванце, что он истинной государь", то Огородников и был отправлен в Казань¹¹⁶.

Портрет Е.И. Пугачева неизвестного художника. 1774 г.
ГБЛ ОР.

Когда Пугачев занял Казань, Огородников (как и И.Аристов) был освобожден из тюрьмы^х, находился среди восставших. Около д. Караваева он отстал от отряда Пугачева и вернулся к отцу в д. Чукаеву, но отец побоялся его укрывать. Вторично он был передан в Казанскую комиссию 16 сентября 1774 г.^{II7}

За вторичное пребывание среди повстанцев Огородников был отправлен в Лифляндию служить солдатом. Власти считали, что это человек "к продержостям склонный"^{II8}.

Приведенные материалы по этому обширному региону раскрывают разное отношение к восстанию отдельных категорий городского населения. Широкие круги горожан, в основном социальные низы, были готовы примкнуть и во многих случаях примыкали к восстанию. Состоительная верхушка торгово-промышленного сословия в ряде случаев активно действовала в лагере противников восстания, на стороне правительенных сил. Ей, видимо, удавалось перетягивать на свою сторону колеблющиеся элементы имущественно зависимого купечества, составлявшего вторую и третью гильдии. Одной из причин такого поведения является, по-видимому, факт получения от правительенных ведомств ряда привилегий при переселении в города, отдаленные от центра России. К этому следует прибавить экономо-географическое положение городов, на что уже указывалось в исторической литературе, положение в промышленно развитом районе. Удаленные от центра, они были более свободны в своей деятельности, меньше испытывали конкуренцию со стороны дворянства и торгующего крестьянства.

Нельзя не учитывать и тот факт, что в составе населения городов Урала и Приуралья было немало служилых людей.

Стремясь вытеснить правительенную администрацию и военные гарнизоны и установить новую власть в городах, расположенных на территории восстания, пугачевцы прежде всего пытались достичь своей цели мирным путем, не подвергая опасности жителей и не нанося разрушений городским строениям. Эта тактика была характерна в отношении всех городов, во руководствовалось большинство предводителей повстанческих отрядов.

^I Москвитянин. 1845. № 9, ч.5. С.34.

² Крестьянская война в России в 1773-1775 годах: Восстание Пугачева. Л., 1966. Т.2. С.120.

³ Рычков П.И. Осада Оренбурга // Пушкин А.С. Полн.собр.соч. М.; Л., 1938. Т.9. С.216.

⁴ Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Т.2. С.122, 126.

⁵ Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т.2. С.46-47, 72; ЦГАДА. Ф.1110. Кн.3. Л.96.

^х По сообщениям, в Казани Пугачев "содержащихся в остроге колодников всех к себе взял" (ЦГАДА. Ф.6. Д.454. Л.97).

- 6 ЦГАДА. Госархив. Ф.6. Д.467. Л.81.
- 7 Пушкин А.С. Полн.собр.соч. Т.9, ч.1. С.220.
- 8 ЦГАДА. Ф.ИИ00. Кн.6. Л.2, 12, 84; ЦГВИА. Ф.20. Оп.1/47. Кн.4. Л.30.
- 9 ЦГАДА. Ф.349. Оп.1, ч.2. Д.7208. Л.15.
- 10 Там же. Л.15 об., 72 об.
- 11 Там же. Л.12.
- 12 Там же.
- 13 Там же. Л.47.
- 14 Там же. Л.39.
- 15 Пугачевщина. М.; Л., 1929. Т.2. С.188.
- 16 ЦГВИА. Ф.20. Оп.1/47. Кн.1. Л.288.
- 17 ЦГАДА. Ф.6. Д.425. Л.35 об.
- 18 Там же. Ф.ИИ00. Кн.7. Л.397 об.
- 19 Пугачевщина. М.; Л., 1926. Т.1. С.146, 147; 1931. Т.3. С.12, 13.
- 20 ЦГАДА. Ф.ИИ00. Кн.7. Л.468-471.
- 21 Там же. Л.398, 472; Ф.6. Д.467, ч.1. Л.275.
- 22 Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Т.2. С.225.
- 23 Пугачевщина. Т.1. С.147, 148.
- 24 ЦГАДА. Ф.ИИ00. Кн.7. Л.473.
- 25 Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Т.2. С.228-230.
- 26 Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773-1775 гг. М., 1975. С.29.
- 27 Шефер А. Пугачевцы в Самаре // Волжская новь. Куйбышев, 1940. Кн.9. С.235.
- 28 Документы ставки Е.И.Пугачева... С.140.
- 29 Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т.1. С.250.
- 30 Документы ставки Е.И.Пугачева... С.140.
- 31 Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Т.2. С.321.
- 32 Документы ставки Е.И.Пугачева... С.157.
- 33 Там же. С.156, 157.
- 34 Крестьянская война в России в 1773-1775, годах. Т.2. С.326-329.
- 35 Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И.Пугачева. М., 1980. С.227.
- 36 Пугачевщина. Т.2. С.148; ЦГАДА. Ф.6. Д.646. Л.223 об., 236.

- 37 Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Л., 1970. Т.3. С.91.
- 38 ЦГАДА. Ф.6. Д.425.
- 39 Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Т.3. С.345.
- 40 ЦГАДА. Ф.6. Д.425. Л.56, 123.
- 41 Там же. Л.119 об.
- 42 Там же. Л.17, 21-22, 56, 119 об.
- 43 Там же. Л.149, 149 об.
- 44 Там же. Л.62, 100.
- 45 Там же. Л.56 об., 62 об., 65 об.
- 46 Там же. Л.71.
- 47 Там же. Л.155.
- 48 Там же. Л.88 об., 154 об.
- 49 Там же. Л.48 об.-56.
- 50 Там же. Л.156.
- 51 Там же. Л.90-91, 157 об.
- 52 Там же. Л.73 об., 74, 157 об., 158.
- 53 Там же. Л.57, 62 об., 90, 108 об., 123, 156 об., 157.
- 54 Там же. Л.74 об., 75, 91 об. - 93, 160, 160 об.
- 55 Там же. Л.76, 94 об., 95, 162.
- 56 Там же. Л.57, 124.
- 57 Там же. Л.62 об.-63 об.
- 58 Там же. Л.69 об., 101 об., 162, 163 об.
- 59 Там же. Л.159 об.
- 60 Там же. Л.58, 59, 69 об., 75, 75 об., III об., 125, 126.
- 61 Там же. Л.56.
- 62 Там же. Л.62, 65 об.
- 63 Там же. Л.65 об., 68 об., 83 об., 84, 149, 150.
- 64 Там же. Л.88, 154, 154 об.
- 65 Там же. Л.66 об.
- 66 Там же. Л.69, 73 об.
- 67-68 Там же. Л.48 об.-50, 41 об.
- 69 Там же. Л.66, 76 об.
- 70 Там же. Л.67, 76 об., 133.

- 71 Там же. Л.27.
- 72 Там же. Л.117.
- 73 Там же. Л.12.
- 74 Там же. Д.468. Л.157.
- 75 Документы ставки Е.И.Пугачева... С.245-246.
- 76 Там же. С.244, 245.
- 77 Там же. С.208, 209.
- 78 ЦГАДА. Ф.6. Д.639. Л.226.
- 79 Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Т.2. С.339, 340; Пугачевщина. Т.1. С.149.
- 80 ЦГАДА. Ф.6. Д.637. Л.174.
- 81 Документы ставки Е.И.Пугачева... С.247, 429.
- 82 Там же. С.248.
- 83 Там же. С.249, 250.
- 84 Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Т.2. С.348-349.
- 85 Пугачевщина. Т.2. С.346-348.
- 86 Город Екатеринбург: Сб. ист.-стат. и справ.сведений по городу... Екатеринбург, 1889. С.19, 20.
- 87 Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Т.2. С.301, 302.
- 88 Там же. С.303, 304.
- 89 ЦГАДА. Ф.349. Д.7423. Л.12, 12 об.
- 90 А н д р у ш е н к о А.И. Ирбитская торговая слобода и пугачевское восстание // Города феодальной России: Сб.ст. памяти Н.В.Устюгова. М., 1966. С.475, 476.
- 91 Там же. С.477, 478.
- 92 Пугачевщина. Т.2. С.108.
- 93 Д м и т р и е в - М а м о н о в А.И. Пугачевщина в Сибири: Очерк из документов экспедиции Декабрионга. М., 1898. С.31.
- 94 ЦГВИА. Ф.20. Оп.1/47. Кн.2. Л.359, 369.
- 95 Д м и т р и е в - М а м о н о в А.И. Указ.соч. С.37.
- 96 ЦГАДА. Ф.6. Д.504, ч.2. Л.325 об.; ЦГВИА. Ф.20. Оп.1/47. Кн.6. Л.343-347; Д м и т р и е в - М а м о н о в А.И. Указ.соч. С.37; Д у б р о в и н Н.Ф. Пугачев и его сообщники. Т.2. С.217-218; К о н д р а ш е н к о в А.А. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII в. Курган, 1962. С.128-130; Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Т.2. С.239-245.
- 97 Пугачевщина. Т.1. С.74-76.
- 98 Там же. С.122-126; Т.2. С.434; Документы ставки Е.И.Пугачева... С.279-286.

- 99 Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Т.3. С.95, 96, 102, 103.
- 100 ЦГАДА. Ф.6. Д.489. Л.15.
- 101 Там же. Л.81.
- 102 П и н е г и н М. Казань в прошлом и настоящем. СПб., 1890. С.210, 211, 222-226; Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Т.3. С.113, 114.
- 103 П и н е г и н М. Указ.соч. С.230; ЦГАДА. Ф.6. Д.468. Л.18-36.
- 104 ЦГАДА. Ф.6. Д.468. Л.91-93.
- 105 Там же. Л.94.
- 106 Там же. Л.25 об.-31, 95, 96.
- 107 Там же. Л.31.
- 108 Там же. Л.34, 100.
- 109 Там же. Л.36.
- 110 Там же. Л.69 об.
- 111 Там же. Л.69-70 об.
- 112 Там же. Л.71 об., 74 об., 132.
- 113 Там же. Л.73.
- 114 Там же. Л.74, 74 об.
- 115 Там же. Л.77, 77 об.
- 116 Там же. Л.74 об., 75.
- 117 Там же. Л.85, 88, 89.
- 118 Там же. Л.136.

Г л а в а У. ГОРОДА ПОВОЛЖЬЯ НА ТРЕТЬЕМ ЭТАПЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ИЮЛЯ 1774-1775 г.)

Из поволжских городов только Самара и Ставрополь подверглись атакам повстанческих отрядов еще на первом и втором этапах крестьянской войны 1773-1775 гг. В большей же части городов Среднего и Нижнего Поволжья напряженная борьба развернулась в июле-августе 1774 г., т.е. в основном на третьем этапе восстания под предводительством Е.И.Пугачева.

17 июля Пугачев взял Цивильск. Переийдя на правый берег Волги, он 20 июля занял г.Курмыш. Выйдя из этого города и повернув на юг, Пугачев 23 июля вошел в Алатырь. Затем Пугачев захватил Саранск (27 июля), Пензу (1 августа), Петровск (14 августа), Саратов (6 августа), Камы-

шин^x (II августа), Дубовку (17 августа). 20 августа Пугачев подошел к Царицыну, но взять город не смог. 24 августа правительственные войска под командованием Михельсона нанесли тяжелое поражение повстанцам под Черным Яром. 15 сентября Пугачев был сквачен и выдан царским карателям. Но восстание продолжалось.

Мощное народное движение в Казанской, Нижегородской, Астраханской губерниях, а также в ряде уездов Воронежской и Московской губерний развернулось после выхода Пугачева на правый берег Волги. Насколько подготовленной на этой огромной территории была почва для восстания, писал начальник Секретных комиссий в Казани и Оренбурге П.С.Потемкин: "...правый берег Волги стократно больше тревожит". О повсеместных восстаниях в крае и поддержке Пугачева со стороны местного населения сообщал нижегородский губернатор А.А.Ступишин в своих многочисленных донесениях в военные и гражданские правительственные ведомства. Большую тревогу у губернатора вызывал тот факт, что, рассеявшись на многочисленные отряды "помещиковых, дворцовых и экономических крестьян, привал [Пугачев] в великое возмущение и неповинование своим помещикам и начальникам; и, будучи в том, делали ему во всем вспомоществование и безопасное следование, куда ему было надобно"¹.

Широкое крестьянское движение в значительной степени обеспечивало не только поход по правобережью, но и успехи в борьбе за многие поволжские города.

24 июля 1774 г. капрал цивильской штатной команды Мартын Шуравлев, осужденный за пребывание в повстанческом отряде, рассказал о событиях, произошедших в Цивильске в связи с занятием 17 июля города отрядом Пугачева^{xx}. Он сообщил о казни воевода Копиева, прaporщика Абаринова, канцеляриста Осила Чедаева, а цивильская ратуша – о казни купца Ивана Полстовалова. Эту же участь разделили два священника, на которых поступила жалоба от приехавших в город чувашей. Но иначе повстанцы решили судьбу задержанного кн.Одоевского. Выяснив, что он владеет пятью дворовыми людьми, "да и те отпущены на волю и имеет их только по смерть свою, почему они это и тех людей (двух дворовых. – М.К.) отпустили". Сохранена была жизнь жены воевода, потому что о ней "просили многие прибежавшие гражданы"². Эти, хотя и не часто встречающиеся в документах факты служат не в пользу обвинений повстанцев в повсеместном "ис треблении" дворян.

Материалы допросов свидетельствуют, что город в дни пребывания в нем повстанцев, подвергся грабежам. Ратуша сообщала о разорении ряда домов "купечества, так и у разночинцев", депутата Уложенной комиссии 1767 г. Федора Полстовалова (сына казненного купца Ивана Полстовало-

^x Дмитриевск.

^{xx} Из допросов следует, что в отряде было 500 человек (ЦГАДА. Ф.6. Д.445. л.5).

ва)³. Склады с вином были разбиты, вино выпущено из бочек. Горожанам и окрестным "новокрещенам" повстанцы раздали "безденежно" 52 пуда соли.

В сентябре 1774 г. Казанская секретная комиссия указала цивильской воеводской канцелярии прислать на допрос купца Шульгина. В ответ канцелярия доносила, что по справке, взятой в ратуше, не оказалось в числе местного купечества купца Шульгина, значится только Семен Перетрухин, "а по народном названии называется он Шульгин, который и прежде к бывшей в Цивильску злодейской толпе Пугачева оказал себя участником, за что и екзекуция ему кнутом учинена, и по тому сходству в прозвании и в поступках по сумнительству оной Перетрухин сыскан" и в Казансскую секретную комиссию "в ручных и ножных колодках" отправлен⁴.

Из наказа г. Цивильска в Уложенную комиссию 1767 г. узнаем, что в его составлении принимал участие купец Афанасий Петрович Перетрухин⁵. По-видимому, Семен Перетрухин-Шульгин был связан с ним каким-то родством.

Шульгина обвиняли не только в том, что он находился среди повстанцев, но и в том, что он указал, где скрывался воевода. Как выяснилось из показаний купца Шульгина, он работал "по найму в услужении" у цивильского купца Федора Полстовалова на мельнице в 15 верстах от города. Когда на мельницу приехал отряд пугачевцев - "русских" из 15 человек, Шульгин убежал за реку в д. Унти в дом "новокрещена" из чуваши Охадеру. Но вскоре за ним пришел дворовый человек купца Полстовалова Иван Васильев и привел его к повстанцам. Так объяснял Шульгин свое пребывание среди повстанцев в Цивильске. От одного из "казаков" он получил приказ "объявить цивильскому купечеству, чтоб они прислали в толщу самозванца, называя его государем Петром Федоровичем, казаков пятьдесят человек, а ежели де сего не зделают то все будут повешаны и город раззорен". Шульгин о "наряде казаков" объявил "некоторым купцам", но, по его показаниям на допросе, они "на тс не согласились, а сказали, что полагаются на волю Божию и казаков не дадут". Такая реакция, по всей видимости, объясняется уходом из города отряда Пугачева. Купеческий староста Иван Герасимов и штатной команды Тихон Суслов "с товарищи" посадили Шульгина, скованного цепью, в тюрьму. Когда в Цивильск прибыла команда секунд-майора графа В. Меллина, Шульгина после допросов освободили. Он был послан в Ядрин "для разведывания о злодейской толпе з билетом". Однако после возвращения в Цивильск его вторично берут под стражу, и он подвергается наказанию кнутом⁶.

Поведение Шульгина было далеко не таким безобидным, как ему хотелось бы изобразить, вызывает сомнение правдивость его заверений о стремлении уклониться от участия в действиях повстанческого отряда. Не случайно цивильское купечество постаралось отгородить себя от каких-либо забот о его судьбе. Цивильская воеводская канцелярия 18 декабря 1774 г. сообщала в Казансскую секретную комиссию, что она выясняла, возьмет ли цивильское мещанство "ево на такое поручительство, что впредь никакого злодейства от него не произойдет", и тогда ему дозво-

лено будет оставаться "в здешнем мещанстве". В случае отказа от поручительства Щульгина ожидала каторга. Именно последнее и произошло - "ратуша ответствовала, по справке с мещанством оказалось, что оные вышеобъявленного оказавшегося в злодействах цивильского купца Семена Перетрухина по-прежнему к себе в купечество и на поручительство принять не желают, почему оной Перетрухин для отсылки в каторжную работу от правлен".⁷

Таким образом в судьбах двух людей купеческого сословия раскрываются две противоположные позиции по отношению к восстанию. Одна, представленная состоявшим в "услужении" купцом, принимает сторону восстания, другая - в лице "хозяина", использующего "найм", остается во враждебном лагере и сохраняет верность правительству.

В советской литературе уже высказывалось мнение, что Пугачев встречал поддержку не только со стороны крестьянства, но и со стороны низов городского населения. По мнению С.Симонова, встреча, организованная Пугачеву в приволжских городах, не была случайной. Городские низы всеми силами поддерживали Пугачева, они толкали к этому даже средние городские слои. Но, находясь еще на низком уровне общественного развития, сами они не смогли стать во главе движения.⁸

Недостаточная исследованность вопроса в целом заставляет с тем большим вниманием отнести даже к немногочисленным фактам, которые удалось выявить по нижегородским городам в период крестьянской войны 1773-1775 гг.

Почти 100 лет назад повстанческие отряды С.Т.Разина двигались в Нижегородский край с юга, от Симбирска, и первый город, которым они овладели, был Алатырь. Е.И.Пугачев шел летом 1774 г. с востока, от Казани, и Курмыш был первым городом на его пути.

Узнав о приближении повстанцев к городу, дворяне и зажиточные горожане, а вместе с ними воеводский товарищ К.Алфимов бежали, оставив город на произвол судьбы. По свидетельству очевидцев, в Курмыш "осталось жителей малое число и по ч е рн ь" (разрядка моя. - М.К.). 20 июля 1774 г. Пугачев "с превеличайшею толпою", с "немалою толпою"⁹ подошел к Курмышу. Жители Курмыша в сопровождении духовенства с хлебом и солью встречали Пугачева. Приезд повстанцев послужил толчком к восстанию "всех жителей". Видимо, в городе действительно оставались в основном трудовые массы, с нетерпением ожидавшие повстанцев и готовые присоединиться к ним.

По велению Пугачева жителям Курмыша был зачитан манифест. В изложении офицеров инвалидной команды, бывших очевидцами пребывания повстанцев в Курмыше, манифест объявлял Пугачева царем, следовавшим для принятия престола в Москву. Манифестом оповещали народ "казенную соль без денег давать, а податей и салдатства не брать на пять лет и дать им вольность, а дворянский род весь искоренить". Таким образом, здесь передавалось об обещании освободить горожан от податей, рекрутских наборов, о жаловании "вольностью". Население Курмыша присягнуло Пугачеву.

чеву^х. Повстанцы захватили денежную казну, раздали крестьянам и горожанам соль, выпустили из бочек казенное вино, захватили имеющееся в городе оружие, уничтожили архив. Была учинена расправа над представителями дворянства и местных властей, большую часть которых доставили в город крестьяне окрестных сел. Новую власть в городе после ухода повстанцев осуществляли четыре казака, один из которых был назначен воеводой. Когда город перешел опять в руки царских войск, этот повстанческий воевода был повешен.

О поддержке повстанцев со стороны горожан Курмыша говорит тот факт, что 60 человек добровольно, "по охоте своей", записались в казаки и ушли с повстанческой армией¹⁰. Для Курмыша, городское население которого насчитывало 78 душ муж. пола, такое число добровольцев является значительным, даже если учесть, что среди них было немало и крестьян окрестных сел, случайно оказавшихся в это время в Курмыше или приехавших сюда специально, узнав, что Пугачев находится в городе. Но за пять часов пребывания Пугачева в городе таких не могло быть много. Согласно сводным ведомостям о восстаниях в Нижегородской губернии в период крестьянской войны 1773-1775 гг. к следствию было привлечено около 10 горожан Курмыша. Им ставилось в вину участие в повстанческих отрядах, встреча и присяга Пугачеву. В их числе были солдат Д. Конев, бобыль И. Борисов, посадский С. Свешников, дворник Д. Григорьев, дворовый М. Потапов и др.¹¹ В Курмыше в отряд А. Тюрина был записан целовальник при питейных сборах Н. С. Пискунов¹². Но некоторым удавалось скрыть свое сожительство повстанцам.

О симпатиях горожан говорит и тот факт, что повстанческая армия Пугачева находилась в городе пять часов, но власть восставших держалась семь дней, хотя в городе было оставлено Пугачевым лишь четыре казака. Только с приходом 26 июля отряда царских войск во главе с Меллиным горожане были, по словам официальных властей, "приведены по-прежнему в порядок"¹³.

Войско Пугачева, переправившись через Суру, двинулось через с. Медяну в свой дальнейший путь к Алатырю. Весть о том, что Пугачев намерен идти в этом направлении, привез прискакавший солдат штатной команды Черномысов 20 июля, когда повстанческая армия находилась еще в Курмыше¹⁴. Дворяне срочно собирались в канцелярии для совета, что делать и как защищаться "от мятежников". Совещанием руководил исполнявший обязанность воевода М. Белокопытов.

Для разведки был послан прапорщик Е. Судешев. Но, вернувшись в город с сообщением о двухтысячной армии, направлявшейся к Алатырю, он уже никого из властей не застал. Еще накануне из города бежали дворяне, зажиточные горожане, секретари воеводской канцелярии. "Тайно" уехал

^х Впоследствии курмыши царским властям объясняли, что присяга Пугачеву с их стороны была вызвана боязнью разорения города.

из города Белокопытов¹⁵. Наверное, уже получив первое известие о приближении Пугачева, в Алатыре серьезно о защите не думали. Поэтому бегство городской верхушки началось еще до того, как стало известно о численности повстанческого отряда, направлявшегося к городу. Видимо, обстановка в городе была такова, что в связи с приближением Пугачева оставаться в городе было небезопасно. Возможно, этим объясняется то обстоятельство, что впоследствии губернатор Ступишин не ставил в вину Белокопытову, как и Алфимову в Курмыше, что они не организовали оборону, оставили свои должности. После бегства верхов горожане без них собирались на совет. По некоторым свидетельствам, прaporщик Е. Сулдешев "увещевал" оказать сопротивление повстанцам и воспрепятствовать их входу в город. Но по показаниям сержанта алатырской штатной команды М. Лосева, в ответ на это все закричали: "Нам нечем противиться, а лучше встретим Пугачева с хлебом и солью". Сержант той же команды Ф. Харитонов также указывал на нежелание горожан сопротивляться повстанцам¹⁶. Губернатор Ступишин в своих донесениях центральным властям указывал, что горожане Курмыш и Алатыря "от защищания себя отказались"¹⁷.

В встрече Пугачев помимо трудовых масс принимали участие некоторые представители местных властей, духовенства. По данным Н. Дубровина, купечество города преподнесло Пугачеву хлеб-соль¹⁸. На допросе сам Сулдешев показывал, что повстанцев встречали "все граждане" города¹⁹.

В Алатыре Пугачев сделал первый отъезд после отхода из-под Казани. В этом городе повстанцы пробыли три дня. Войдя в Алатырь, Пугачев расставил караулы, по его показаниям, для того, чтобы "городских жителей толпа его не разоряла". Но, несмотря на стремление сохранить порядок в городе, случаи грабежей были, так как вскоре стали поступать Пугачеву жалобы от местных жителей. Пугачев сам поехал по городу, чтобы на-вести порядок²⁰.

Повстанцы "метали" деньги в народ (28 тыс.), безденно раздали крестьянам казенную соль (31 тыс. пуд). Винные бочки, чтобы не было пьянства, Пугачев приказал разбить и выпустить из бочек вино. Разыскивались воевода и судья, с тем чтобы учинить над ними суд. Одновременно своей властью Пугачев освободил из тюрьмы 49 колодников²¹.

В стан Пугачева под Алатырь крестьяне везли помещиков, которых повстанцы тут же вешали. Восставшие разгромили 76 домов, в числе которых были воеводский дом, дом коллежского асессора Готовцева, прокурора, секретаря, много дворянских (14) и купеческих (18) домов. Было разрушено 6 питейных домов²². Все эти действия повстанцев заставляли надеяться на изменения в жизни городского населения. Сержант Лосев, откававшись идти к Пугачеву, услышал в ответ от солдата алатырской штатной команды И. Петрова такое заявление: "Полно де вам над нами ломаться, теперь де мы над вами поломаемся"²³.

Горожане Алатыря не были простыми наблюдателями действий повстанцев. По отзывам местных властей, "простой народ злодейскими их обольщениями

привели в разврат и возмущение"²⁴. Кроме того, уже 13 августа губернским властям стало известно, что 224 человека в Алатыре записались в повстанческую армию Пугачева. По полученным местными властями сведениям, большинство из них были крестьяне, пришедшие в город специально и находившиеся там для работы. Например, дворцовый крестьянин алатырского с. Иванова Л. Иванов работал в Алатыре по найму²⁵. Впоследствии на допросе Пугачев указывал, что в Алатыре приезжало много крестьян окрестных сел, желавших записаться в казаки, но пеших он отсыпал назад²⁶. О нескольких примкнувших к Пугачеву сказано, что они принадлежали к городским служащим: один писец, три ученика Нижегородской батальонной школы и прежних служб казак. Как о горожанах, сказано и о двух боязлях Алатыря.

Кроме того, по официальным данным известно, что свыше 20 военно-служащих было "по принуждению" мобилизовано в повстанческую армию, среди них половина была рядовыми солдатами. Возможно, из страха наказания они не признавались в истинных причинах, приведших их к повстанцам²⁷, тем более что часть солдат примкнула к повстанцам еще до прихода Пугачева в Алатырь. Когда Пугачев был в пути к Алатырю, к нему на службу перешла вся алатырская инвалидная команда, но Пугачев по старости ее состава освободил команду от службы²⁸.

Из сводных ведомостей мы узнаем, что "присоединились к бунтовщикам" или, "не присоединясь к бунтовщикам, сами собою взбунтовались" два купца, С. Юрьев и И. Тимофеев, два боязля, А. Кузнецов и И. Сызранцев, дворовый Н. Иванов²⁹.

Таким образом, к повстанцам присоединялись представители разных слоев горожан: жители городов, но остававшиеся еще крестьянами, солдаты, городские служащие, отдельные представители купечества. Установить точное число примкнувших к повстанцам горожан не представляется возможным.

Очень любопытна беседа, прошедшая между Пугачевым и Сулдешевым. Пугачев спросил, давно ли Сулдешев служит, и узнав, что 25 лет, заметил: "Как же ты служишь давно, а имеешь чин маленькой. Ежели ты мне верю и правдою послужишь, так я пожалую тебя полковником и воеводою здешняго города"³⁰.

Официальные власти зафиксировали коллективное свидетельство горожан, в число которых входили старосты купеческого цехового, "соцкие прежних служб", выборные государственной Коллегии экономии, о действиях прапорщика Сулдешева. Горожане рассказывали, что он "пошел того злодея встречать и велел всем оставшим градским жителям итти за святыми иконами без всякого оружия и приказывал всем, что естли он будет сие чинить, то в том ему никому ничего к помешательству не прикословить". Поэтому "оставшей в городе Алаторе народ, не имев уже себе ни от кого никакой более помоши и защиты, с отчаянием каждой живота своего с ним и пошли". Они утверждали, что все время пребывания Пугачева в Алатыре Сулдешев "был при самом" предводителе. Но за что именно Сулдешев на-

гражден Пугачевым чином полковника и назначен "городовым начальником", они не знают³¹.

Дворовый человек Василий Федоров (с.Зимниц) показывал на допросе, что, выходя к ним "ис палатки" Пугачева, "названной... воеводою прaporщик Сулдешев проговаривал, чтоб они пошли к нему в казаки, называя его императором Петром Третьим, со устращиванием при том, естли они не пойдут, то будут заколоты"³².

Василий Федоров рассказывал, что когда между ним и дворовым человеком коллежского асессора Г.Готовцева Трофимом Михайловым случилась ссора из-за того, что Михайлов не указал, что скрывается Готовцев, Сулдешев встал на сторону Федорова, ударив Михайлова в голову тростью и сказал, "для чего он... себя бранит, они де правы, что привезли помешика своего"³³.

Сохранился ряд других данных о поведении Сулдешева. Так, канцелярист Алатарской провинциальной канцелярии Иван Протопопов был свидетелем того, как Сулдешев после отъезда Пугачева "в третий день" на рынке показывал "сочиненной... Пугачевым некоторой писменной пасквиль, с которого копия отправлена нижегородскому губернатору А.А.Ступишину им, Протопоповым"³⁴.

В Алатыре 23 июля 1774 г. главным штабом повстанцев был составлен за подпись "Петра III" документ - "известие", в котором отмечалось, что Алатырь встретил повстанцев достойным образом, горожане проявили послушание. Пррапорщика Е.Сулдешева^x штаб Пугачева наградил рангом полковника и поручил ему Алатырь, приказав не чинить "никому обид, налогоев и притеснений", но не щадить бежавших и противников и поступать с ними, как "с действительными злодеями, бунтовщиками и изменниками"³⁵.

Таким образом, в этом городе воеводская должность, как и в Курмыше, не была упразднена; повстанцы использовали одну из структур существу-

^x Однако Е.Сулдешева не отличала верность в отношении к повстанцам. Он воспользовался своей властью для спасения многих дворян, объявив крестьянам, что нельзя убивать дворян в уезде, а надо их вести в город, и платил за каждого мужчину 10, а за женщину 5 руб. С этой целью держал он под стражей 20 дворян. В связи с разбором дела о Сулдешеве оказалось, что секунд-майор Степан Клескин, поручик Никифор Лахутин, секретарь Алексей Лукин, капитан Андрей Аристов, жена президента магистрата Федора Доморощенкова и другие находились "под укрывательством" его и благодаря этому спасли жизнь. Что касается якобы спасенной им казни в 26 тыс.руб., то она была сохранена не им, а пррапорщиком Васильевым. Встреча и принятие чина повстанческого полковника влекли за собой тяжкое наказание. Но в случае с Сулдешевым власти в лице кн. Волконского и кн.Вяземского приняли в расчет его показания, что он все делал "из страха смерти". Кроме того, расследование, предпринятое нижегородским губернатором Ступишиным, подтвердило его заверения о спасении более 10 человек. В результате ему зачили в качестве наказания 10-месячное тюремное "в оковах содержание" и освободили. Но тем не менее Сулдешев, заключало обвинение от 6 июня 1775 г., "оказался не только подозрителен, но и виновен" и отстранился "навечно" от службы, так как ему нельзя доверить командование военными людьми (ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.86-88; Т х о р ж е в с к и й С.И. Пугачевщина в поместьчье России. М., 1930. С.96, 97; Пугачевщина. М.; Л., 1931. Т.3. С.215-217; Записки Д.Б.Мертваго. М., 1867. Стб.20).

ющей системы управления, но с тем, чтобы она служила интересам восстания и для поддержания порядка в городе.

Изложение событий в Алатыре на основе сохранившихся документов интересно сопоставить с тем, как они запечатлелись в памяти очевидцев восстания.

Акад.А.Н.Крылов писал, что его отец любил вспоминать рассказы о восстании Пугачева. В них повествовалось о том, как в Алатыре по распоряжению Пугачева казнили "городничего", а затем "согнали народ в собор приносить присягу". "Собрался народ, собор переполнен, только посередине дорожка оставлена, царские двери и алтарь отворены. Вшел Пугачев и, не снимая шапки, прошел прямо в алтарь и сел на престол; весь народ, как увидел это, так и упал на колени - ясное дело, что истинный царь, тут же все и присягу приняли, а после присяги народу "милостивый манифест" читали. Мне, в то время пяти- или шестилетнему мальчику, также казалось, что если человек вошел в церковь в шапке, прошел через царские двери, сел на престол, что, конечно, - царь, и я не понимал только, почему его зовут Пугачев.

"Милостивый манифест" мне много лет спустя довелось прочитать в "Русской старине", где он был напечатан через сто лет после Пугачевского бунта; я помню, он начинался так: "Жалую вас и крестом, и бородой, и волею, и землею, и угодьями, и лесами, и лугами, и рыбными ловлями, и всем беспощадно и бездланно..." Понятно, - заключает А.Н.Крылов, - что такой манифест навеки врезался в память тех крестьян, которые слышали его чтение и передавали из поколения в поколение. «Этот манифест, всего в несколько строк, не чета был Филаретовскому в восемь страниц от 19 февраля 1861 г.»³⁶.

Хотя Пугачев ушел из Алатыря 23 июля, но до 28 июля власть в городе находилась в руках восставших.

По каким-то соображениям Пугачев прошел мимо Ядрина, предоставив повстанческому отряду во главе с казаком И.Яковлевым атаковать город. На пути между Чебоксарами и Курмышем, казалось, Пугачев устремляется к Ядрину. Но в последний момент он обогнул Ядрина и направился к Курмышу. Н.Дубровин объяснял это тем, что Пугачеву стала известна готовность ядринцев обороняться. Пугачев, якобы не желая рисковать, со своей армией не стал подходить к городу³⁷. Подобное объяснение давал в свое время и кн. М.Шербатов в сообщениях Екатерине П. Вернее представляется другое предположение: не решившись идти на Нижний Новгород, Пугачев прошел и Ядрина. Городом пытался овладеть отряд курмышской городской бедноты и крестьян окрестных сел (около 300 человек), среди них были три казака из армии Пугачева. Но штатная команда во главе с Лихутиным, "купечество" и другие "граждане", по сообщению властей, "единодушно и усердно защищаясь", отстояли город. Это, видимо, не потребовало труда - отряд был не очень велик и, надо думать, при таком быстром его создания плохо организован и вооружен. Повстан-

ци понесли потери: 3 убитых, 12 раненых, 35 человек было захвачено в плен.³⁸

До этого отряда Ф. Чумакова пришлось преодолеть сильное сопротивление в Цивильске.³⁹ Часть ядринского купечества (20 человек) впоследствии в составе воинских команд принимала участие в подавлении крестьянских волнений в уезде.⁴⁰ В отношении остальной части городского населения Ядрина источники не дают сведений. Возможны два объяснения: или верхам города удалось увлечь за собой средние слои и городскую бедноту, или они смогли удержать их в узде вооруженной рукой.

Остальные города осаде со стороны повстанческих отрядов не подвергались. Но тем не менее положение некоторых из них вызывало у губернских властей сильное беспокойство. Дело было не только в том, что через Нижний Новгород или Арзамас мог лежать путь на Москву. В условиях, когда за лето через Нижний Новгород проходило более 3 тыс. судов с числом работных людей до 80 тыс.⁴¹, этот город вызывал особую тревогу и был в центре внимания властей. Насколько серьезно было внутреннее положение Нижнего Новгорода, когда повстанцы действовали вблизи его, говорит тот факт, что, не дождавшись утверждения приговора Казанской секретной комиссии, Ступишин учинил расправу над шестью повстанцами, схваченными в Нижегородской губернии. Губернатор объяснил, почему он вынужден был спешить с расправой в условиях Нижнего Новгорода: "...в рассуждении таковом, что в том самом месте, где он повешен, не только нижегородских, но и других губерний бурлаков из разных жительств находилось и ныне находыща для груски соли великое множество, которые, то вида, могут не только сами собою приходить в страх и познание, но и другие объявлять будут что за злодейство.. не избегают достойного наказания"⁴². Весь период восстания в Нижнем Новгороде постоянно находилась военная команда и, несмотря на нехватку военных сил в губернии, ее не трогали, а, напротив, стремились пополнить. Военной силой, запугиванием удалось воспрепятствовать восстанию в Нижнем Новгороде, вероятность которого признавалась властями. Опасаясь, как бы не вспыхнул "бунт" в центре губернии, Ступишин просил у Щербатова войск "к предупреждению могущих иногда произойти и в самом городе Нижнем неприятных следствий"⁴³.

31 июля, несмотря на то, что армия Пугачева уже вышла за пределы губернии и направлялась к Саранску, положение Нижнего беспокоило губернатора, и он просил поторопиться с присылкой обещанной военной команды, так как держать низы городского населения в спокойствии, по его мнению, можно только с помощью военных сил: "Там бурлаков на судах великое множество, на которых внимание необходимо иметь"⁴⁴.

Некоторые представители нижегородского купечества также примкнули к борьбе. Нижегородский купец Е. Андреев вместе с татарами д. Ишевы Курмышского уезда участвовал в расправе над майором В. Юрловым.⁴⁵ Можно предполагать, что и со стороны купечества на Пугачева возлагались тайные надежды, а не только был страх "за свои головы и карманы"⁴⁶.

Плавучие виселицы нижегородского губернатора А.Ступишина. С рисунка неизвестного художника.

Немногое удалось выявить в отношении арзамасских горожан. Известны слухи о намерении арзамасских купцов встретить повстанцев хлебом и солью. Об этом показывал на допросе находившийся при питейных сборах крестьянин А.Усов. Магистрату было предписано разведывать, "не имеется ли кто ис подлых купецких людей толь вредного и богоизбранных намерения или поползновения"⁴⁷. Целовальник арзамасского питейного дома купец Е.В.Дубов обвинялся в том, что называл Пугачева "российским храбрым воином", 29 сентября 1774 г. Дубов был наказан плетьми⁴⁸.

И в начале 1775 г. положение Арзамаса продолжало беспокоить власти из-за скопления беглых. Прокурор Кауфман предложил канцелярии на-вести порядок в городе. Всех жителей обязали подписками не держать беглых. Кроме того, городничий должен был усилить караулы, закрывать рогатки по концам улиц, чтобы затруднить беглым проход в город⁴⁹.

Только два города, Юрьевец и Балахна, остались, видимо, в стороне от крестьянской войны. Во всяком случае, об участии жителей этих городов в восстании не удалось найти какие-либо сведения. Показательно, что и в период восстания С.Т.Разина о них нет упоминаний в литературе.

Встает вопрос: выдвигались ли городским населением этого района, примкнувшим к Пугачеву, свои специфические цели борьбы? Выявленный материал по Нижегородской губернии показывает, что горожане поддержали программные требования крестьянской войны 1773-1775 гг.

Приведенный выше материал позволяет полагать, что сдача городов Пугачеву диктовалась не только страхом. В действительности дело обстояло не так просто. Городское население оказывало поддержку повстанческой борьбе и проявляло по отношению к нему симпатию и сочувствие. Если учесть, что городские верхи с появлением слухов о приближении повстанцев бежали и в городах оставались в основном низшие слои, то

определенное значение в сдаче городов играли симпатии пугачевцам с их стороны. Об этом же говорит и тот факт, что после ухода повстанцев и Пугачева власть восставших еще держалась некоторое время до прихода царских войск, несмотря на отсутствие военных сил, ее обеспечивавших.

В историю крестьянской войны Курмыш и Алатырь вошли как города, через которые проходила повстанческая армия Пугачева. Они являлись центрами формирования новых сил повстанческой армии за счет стекавшегося в них крестьянского населения. Кроме того, пока здесь находился Пугачев, а затем его полковники, Курмыш и Алатырь являлись центрами народной власти. Сюда ехали со всеми наболевшими вопросами, жалобами на помещиков и управителей и т.д. В этих городах происходили казни помещиков, которых приводили на суд Пугачева окрестные крестьяне. 100 лет назад, во время восстания Степана Разина, действия повстанческих сил развивались также вокруг Нижнего Новгорода, Алатыря, Курмыша, Арзамаса, Ядрине, и в этом отношении можно говорить о продолжении традиций.

С приходом войска Пугачева на Правобережье усилилось бегство к повстанцам крестьян не только из уездов, расположенных в зоне восстания, но и далеко за ее пределами. В числе беглых была и городская беднота: наемные работники, ремесленники, дворовые. Имеются сведения и о представителях купеческого сословия. Летом 1774 г. из имения помещицы П.Шатихиной (сельцо Рожново Вяземского уезда) пять дворовых и крестьян сговорились бежать в армию Пугачева. Это были Трофим Иванов, Иван Семенов, Иван Федоров, Федор Васильев и Василий Кручинин, "купецкий сын", живший у генерал-майора Ланова⁵⁰. Мысль эту еще зимой 1773 г. подсказал дворовый асессор Смагина Трифон Пивоваров, приезжавший из Москвы со своим помещиком в сельцо Рожново. Кручинин, будучи грамотным, писал "записки", т.е. пытался в письменной форме выразить свое отношение к восстанию Е.И.Пугачева. Эти "записки" до нас не дошли, но они фигурировали на допросе, о чем говорит следственное дело. "Записки" были уничтожены по распоряжению А.А.Вяземского ("тетратку истребить"). В деле указано, что при арестованном найдена "тетратка", в которой записано "о казни... Пугачева сообщника Белобородова" и что в Москве "везде был". Это определение содержания "записок" позволяет предполагать, что Кручинин во время пребывания в Москве вел записи своих наблюдений о настроениях в центре страны. Очевидно, допрашивавшие пытались выяснить, вся ли "тетратка" попала в их руки. Кручинин же настаивал на своем и дал следующий ответ, зафиксированный в записи допроса: "Окромя казни Белобородова в Москве, никаких о... Пугачеве возмутительных разглашений не слыхал и к злодею ничего не сообщал"⁵¹. Когда же арестованного спросили, зачем он вел эти "записки", он объяснил, что если бы добрался до восставших, то отдал бы их Пугачеву.

По-своему прокомментировал эти показания Кручинина^X М.Н.Волконский

^X Власти постановили проверить, где записан Кручинин в подушный оклад, с тем чтобы передать его "тому обществу" (ШГАДА. Ф.7. Д.2390. Л.5 об.).

в донесении 30 октября 1774 г.: записки велись "для того, что намерение его было, когда он к злодею пришел, то о том хотел ему дать знать, через что и ласкался быть у него в милости"⁵².

Оценивая значение этих "записок", С.Пионтковский справедливо указывал, что их автор, собирая сведения о настроениях в центре страны, об отношении к крестьянской войне, понимал смысл происходившего и его намерение бежать к Пугачеву было не случайным, а сознательным актом⁵³.

В октябре 1774 г. был наказан плетью вяземский купец Еремей Лелянов за дерзкие разговоры. 9 сентября 1774 г., обращаясь к стоявшим у него на квартире, он говорил: "Куда вы идете, и что вы за люди, и куда вас гонят... Вас гонят, я знаю, куда, в Воронеж, а я теперь из воеводской канцелярии пришел и слышал, что из Москвы все уехали на поклон, и граф Чернышев с покорной головой поехал к Петру Федоровичу, к нашему батюшке царю. А вы, канальи, идете, вас там всех перевешают и кожи здерут"⁵⁴.

Отношение к богатым представителям купечества, к тем из них, кто составлял "первую гильдию" со стороны бедноты городов выражалось довольно определенно. Так, крепостной крестьянин бывшего президента Коммерц-коллегии Я.Евреинова Василий Яковлев Чижов, служивший 14 лет у купца первой гильдии Луки Долгова, указал, что к святой Пасхе Пугачев будет в Москве и повесит генерала Еропкина и "хозяина ево" Долгова. Чижов на допросе прямо указал, что то, о чем говорил, слышал "недавно в народной молве". Это было в феврале 1774 г., и власти в лице М.Н.Волконского позаботились, чтобы Чижов не остался без наказания⁵⁵.

По мере движения войска Пугачева к Саранску, в городе началась паника, и все дворянство бежало. Михельсон доносил Щербатову: "В Саранске ни один дворянин не думал о своей обороне, а все, как овцы, разбежались по лесам"⁵⁶. За ними последовали приказные служители, часть купечества, а также саранский воевода В.Г.Протасьев, воеводский товарищ И.Н.Буткевич, секретарь А.Мельников, оставив город "без всякого защищения и обороны"⁵⁷. Тем самым участь города была предрешена. Местные власти, покидая город, ссылались на то, что возложить оборону не на кого, так как воинская команда состояла из небольшого числа инвалидов. Кроме того, не было пороха.

26 июня в Саранске появился небольшой повстанческий отряд во главе с Ф.Ф.Чумаковым. Повстанцы огласили указ Военной коллегии от 26 июня⁵⁸ о подготовке надлежащей церемонии встречи "победоносной армии" Е.И.Пугачева - "Петра III", следующей в Москву "для принятия всероссийского престола", приготовлении провианта для армии и фуража для лошадей под артиллерию, "дабы ни в чем недостатка воспоследовать не могло". Указ был обращен к воеводе и "мирским людям" и зачитан на торговой площади.

Учитывая сложившуюся обстановку и особенно видя симпатии многих горожан к Пугачеву, приказные служители и богатое купечество решили подчиниться. Они явились к архимандриту Петровского монастыря Александру и заявили, что "другого способа не находят, как встретить" Пугачева⁵⁹.

В своих показаниях 12 и 23 августа архимандрит Александр сообщил, что человек до 30 вооруженных повстанцев "приказали мне и прочим того города священно- и церковнослужителям" встретить Пугачева "со святыми иконами и с звоном, а гражданам с хлебом и солью", угрожая, "если того не учиним, смертной казни"⁶⁰.

Жители Саранска во главе с архимандритом Александром и прaporщиком М.М.Шахмаметевым утром 27 июля торжественно вышли в предместье города встретить войско Пугачева⁶¹. После встречи собравшимся по приказу Пугачева зачитали указ, провозглашавший освобождение крестьян от податей и рекрутских наборов, а также вольность^х. На следующий день 28 июля "во всенородной известие" в Саранске был составлен известный манифест, подписанный Пугачевым - "Петром III", а также именной указ о назначении прaporщика М.Шахмаметева "главным командиром и воеводою" города. В указе ставилась в заслугу горожанам, "священного и протчаго звания жителям" "пристойная церемония" встречи повстанческого войска во главе с Пугачевым, и в первую очередь Шахмаметеву. Пугачев, назначая Шахмаметева главой города и уезда, обязывал его строго следить за порядком, чтобы крестьяне и горожане всякого звания и чина были защищены от "обид и налог".

В качестве представителя новой администрации города Шахмаметев согласно указу должен был "поступать, как в государственных делах"⁶², отстаивая в первую очередь интересы тех, кто принял сторону восстания. Одновременно его обязанностью было не щадить противников, поступая с ними, как с изменниками.

За три дня пребывания пугачевцев в Саранске, 27-30 июля, было умерщвлено "из дворян штаб- и обер-офицеров, ис приказных служителей и других званей, всего мужска и женска пола 62 человека", в том числе предводитель саранского дворянства Сипягин⁶³.

Пугачевцы открыли соляные амбары и несколько тысяч пудов соли раздали населению. Они захватили имущество ряда богатых домов, денежную казну, часть из которой раздали "черни". Особой заботой командиров являлось пополнение отряда военным снаряжением, а также привлечение в армию новых сил. В Саранске с Пугачевым "охотою пошло 220 человек"⁶⁴.

Посланный 30 июля 1774 г. от "всех обывателей" г.Пензы "для разведывания о прибывших партиях" Конной слободы пахотный солдат И.А.Курдин сообщал, что, по рассказам очевидцев, в Саранске Пугачева встретили "с честью" и что "в службу" к нему от купечества было "набрано" 170 человек, "да охотников разных чинов наметилось сот до пяти". Он же сообщал, что повстанцы казнили бывшего воеводу Шувалова с женой, купца Пичугина, "а за что, не знает"⁶⁵.

В г.Инсаре предводителем повстанцев был Дубцов, инсарский купец. Этот повстанческий атаман действовал со своим отрядом в районе городов Инсара, Троицка, Темникова. Не дойдя до Темникова, где отряд

^х См. гл.У.I.

Дубцова должен был соединиться с отрядом Евсевьева, отряд Дубцова повернул обратно и возвратился в Инсар, в дом атамана Дубцова. На том отряд постигла неудача. Инсарские однодворцы, узнав о приближении правительенных войск, схватили Дубцова и его товарищей и посадили в тюремный острог. Из острога их выручил через восемь дней пугачевский полковник Михаил Евстратов (он же Михаил Елистратов), инсарский однодворец, предводитель 120 казаков. Он зажег Инвалидную слободу и во время пожара освободил арестованных. Затем Евстратов отправился в Наровчат, город, ставший впоследствии опорным пунктом для повстанческих отрядов. Оттуда спустя неделю он направился к Нижнему Ломову, узнав, что там появился отряд правительенных войск, гусар и казаков. По показаниям участников, в отряде Евстратова в то время было около 650-1 тыс. человек "с пушками, с ружьем и с копьем и со всяким дрекольем". Однако "баталья" под Нижним Ломовым оказалась для отряда повстанцев неудачной: часть отряда погибла, часть была разогнана по лесу. С оставшимися 70 человеками Евстратов уехал в Наровчат и в течение двух дней собирая в свою команду "разного звания людей". На третий день там появились правительственные войска ("военные казаки"), встретив организованное сопротивление, в котором деятельное участие приняли жители города: "собравшись с ружьем и с прочим дреколием... не допускали тех казаков в город, стреляли по ним из ружей", однако "против их устоять не могли". По официальным данным, "злодейская шайка", разбитая в г. Наровчате 3 сентября 1774 г., состояла из 4 тыс. человек, из которых было убито 200, пленено до 400 крестьян и взята одна пушка. Это было самое крупное по количеству участников, не считая поражения самого Пугачева под Черным Яром, сражение на Правобережье Волги⁶⁶. Какова дальнейшая судьба Евстратова, остается неизвестным.

Совместно с Евстратовым действовал в районе Наровчата^х атаман Яков Иванов родом из дворцового с. Кочелаева Наровчатского уезда. Об истории этого отряда сохранился эпический рассказ участника этой партии, работника помещицы П.И. Веденяпиной в с. Охлебинине Верхнеломовского уезда, родом кадомского купца, 20-летнего Трофима Евсевьева. 13 лет он "без всякого письменного виду" ушел из родного города. Участие Т. Евсевьева в восстании под предводительством Е.И. Пугачева началось с того момента, когда в с. Охлебинино приехали из "пугачевской толпы" казаки, человек около 20, и "объявили, что де они государя Петра Федоровича, и государь де жалует всех, что де подушных и рекрут не будет десять лет". Евсевьев поехал за повстанцами "свою волею"⁶⁷. Под начальством атамана Якова Иванова повстанцы обхажали ряд сел Верхнеломовского уезда, где "разбили" помещичьи дома и казнили не успевших скрыться дворян. Проследовав через шесть поселений Верхнеломовского уезда, Ива-

^х В г. Наровчате, по описанию 1777 г., было всего 4 купца и 53 мещанина; остальное население составляли однодворцы и дворцовые крестьяне (Т х о р ж е в с к и й С.И. Указ. соч. С.77).

нов со своим отрядом прибыл в Наровчат, где "награбленные пожитки" были сложены в домах трех однодворцев. Пробыв там дней восемь, отряд Иванова отправился сначала в Нижний Ломов (9 августа), а потом к Верхнему Ломову, где встретил отряд повстанческого полковника Михаила Евстратова. С ним Я.Иванов, "согласясь", действовал затем некоторое время совместно. Жители Ломова устроили им торжественную встречу: "Многое число обыватели с попами, как имелись в ризах с образами и со кресты, с хлебом и солью встречали". Войдя в город, казаки повесили трех человек, "разбили" многое число домов местных чиновников и зажиточных людей, а также соляные амбары и питейный дом. По официальной ведомости, владельцами "пограбленных домов" значатся шесть купцов, в том числе ратман Баранов и депутат Букин, и три однодворца.

Из этого города повстанцы прошли ряд селений Верхнеломовского уезда, повесив при этом шесть человек, и снова вернулись в Наровчат. "Воровские прожитки" там были сданы на хранение тем же однодворцам, что и в предыдущий раз. Атаман Я.Иванов отвозил пожитки в с.Кочелаево, в дом своего отца. Через несколько дней в Наровчате "собралось многое число людей и поехали в г.Керенск для разбитаия того города". Но как уже указывалось, в том районе восставшие потерпели поражение. Отряд Евстратова отошел к Нижнему Ломову, где вновь потерпел неудачу. В сражении погибли Яков Иванов и с ним около 100 человек; победителям достались 17 пленных и 13 пушек⁶⁸.

После поражения 30 августа под Нижним Ломовом остатки отряда Иванова ушли на юг и в начале сентября оказались у границ Донского Войска. На речке Баланде донской походный атаман Луковкин и донской полковник Лошилин 12 сентября разбили повстанческий отряд численностью до 2 тыс. человек под командой жителя г.Острогожска Каменского. Этот повстанческий отряд состоял не только из "мужиков" – русских крестьян, но и малороссиян, к которым принадлежал и предводитель отряда, утонувший в реке во время сражения⁶⁹.

В отряде Каменского были, по-видимому, остатки разных партий, действовавших раньше на севере и пришедших по рекам Вороне и Хопру. Среди пленных, захваченных правительственными войсками, оказался и купец Трофим Евсевьев (в октябре 1774 г. он был прислан из Тамбовской воеводской канцелярии в Верхнеломовскую воеводскую канцелярию). По показаниям задержанных, Каменский принял командование отрядом за две-три недели до последнего боя, а раньше им командовал повстанческий полковник Иван Иванов, который отдал Каменскому своих "мужиков", а сам с отрядом в 30 человек отправился к Лугачеву. Иван Иванов, из пензенских крестьян князей Голицыных, действовал сначала в родном уезде, а затем южнее, в Петровском уезде, близ Саратова, а также в пограничной полосе Донского Войска. В его отряде близ Пензы было 3 тыс.человек. Рядом с ним действовал его брат Алексей Иванов. Они пытались поднять донских казаков. В ноябре 1774 г. братья попали в руки карателей⁷⁰.

С.И.Тхоржевский считал эпопею Трофима Евсевьева типичной для рядовых участников крестьянской войны 1773-1775 гг. - "казаков императора Петра Ш": "сначала объезд помещичьих усадеб, где не было сопротивления и оставшихся владельцев вешали на воротах, где забиралось всякое имущество и на подъодах увозилось в города и деревни надежным людям на сохранение; а затем поражение, бегство на юг и плен"⁷¹.

Приговор Кадомской воеводской канцелярии гласил следующее: так как Евсевьев "повинился в самоохотном вступлении в толпу известного государственного злодея и бунтовщика Емельки Пугачева и в учинении им с прочими той толпы злодеями смертные убийствах дворян и всякого звания людей четырнадцать человек, и в разбитии в городе Верхнем Ломове питейного дома и казенных соляных амбаров и партикулярных домов как в городе, так и в уезде Нижнеламовском и Верхнеламовском, и в грабеже из тех домов пожитков", хотя он и "подлежит натуральной смертной казни, но по силе указа 1754 года ноября 14 дня учинить ему, Евсевьеву, жестокое публичное кнутом наказание и, вырезав ноздри, поставить на лице повеленные означенным же 1754 года ноября 14 дня указом знаки, сослать в ссылку в Азов в тяжелую работу вечно". Приговор послали на утверждение в воронежскую губернскую канцелярию, а до получения ответа постановлено: "содержать его, Евсевьева, под крепким караулом скованного"⁷².

Участь Евсевьева была смягчена благодаря тому, что пока его дело дошло до рассмотрения воронежской губернской канцелярии, подоспел манифест 17 марта 1775 г., ставивший целью предать восстание "забвению и глубокому молчанию". Евсевьев без публичного наказания кнутом был отослан для определения в Оренбург в работу.

Купец Андрей Яковлевич Кознов 43 лет, назначенный повстанцами в "товарищи" "главного командира" г.Пензы, в Секретной экспедиции 6 октября 1774 г. показывал, что он присягал императрице Екатерине II, ему было известно о кончине Петра Ш и о "искоренении злодея, беглого з Дону казака Емельки Пугачева". Вернувшись с Макарьевской ярмарки 27 июля в Пензу, он узнал, что Пугачев "склоняется к нашему городу". А так как город остался "без начальников", то 29 июля бургомистр Борис Елизаров собрал "все пензенское купечество на совет, требовал общего мнения, противиться ли им злодею или встретить с честью, выговаривая притом так: ну чем де мы станем ему противится, у нас нет никакого оружия. Так не лутче ли встретить его и тем спасти город от пожегу, а людей от смерти". На это "во мнение голоса закричали, чем де нам противиться, да хотя бы и было чем, так где нам против ево силы устоять, когда уже самые крепости не в силах были. Нам де ничего больше делать не остается, как встретить его с хлебом и солью"⁷³.

В это же время к ратуше собирались "живущие в городе пахотные солдаты и ожидали, какое положение между купечеством зделано будет". Бургомистр Елизаров им объявил решение купечества встретить Пугачева. Солдаты "не противоречили". Затем бургомистр вместе с ратманом Никитой Маниным пошел в провинциальную канцелярию, а купечество разошлось

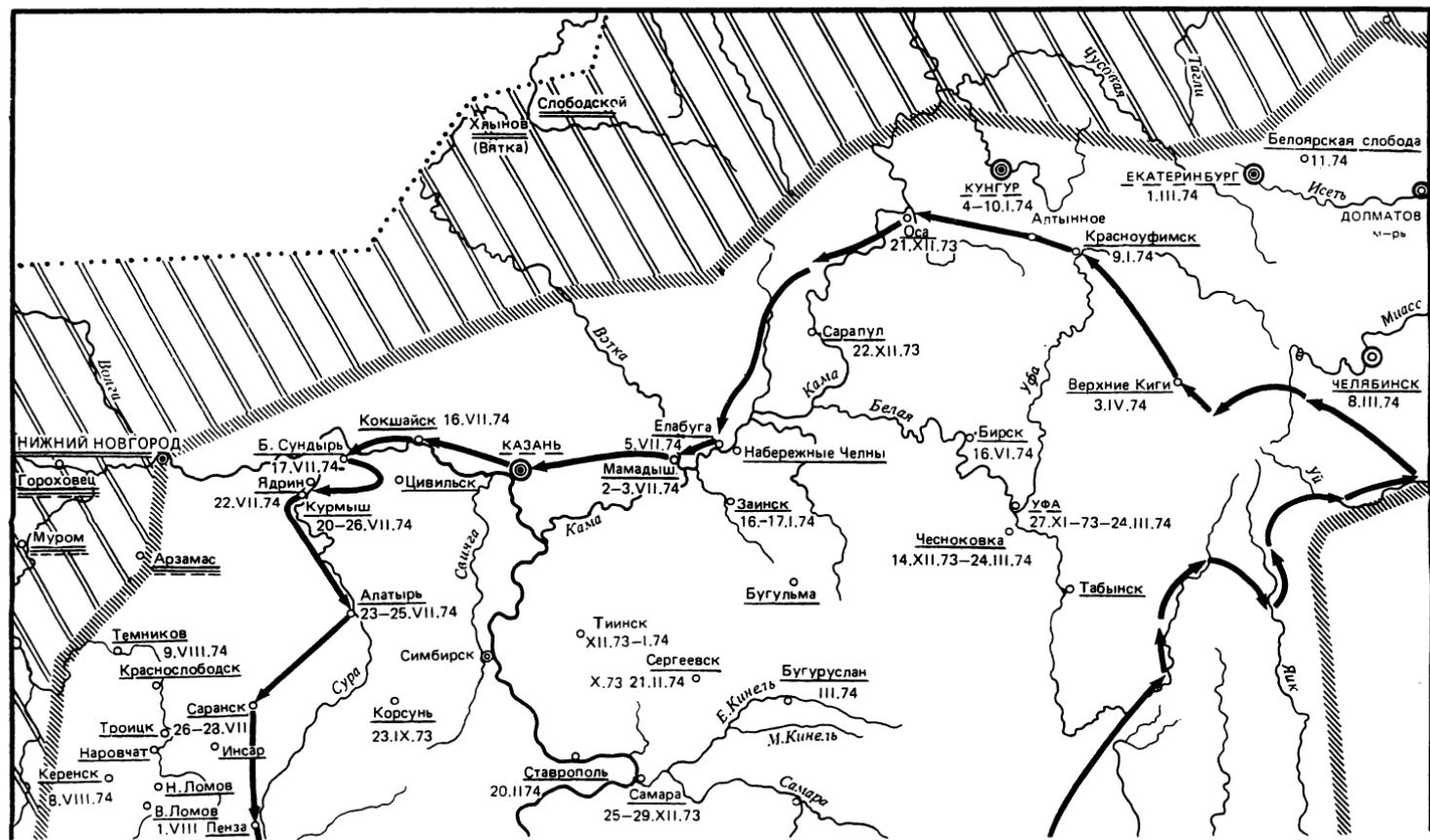
по домам. Здесь важно подчеркнуть, что решение о торжественной встрече войска Пугачева было принято до приезда первого повстанческого отряда, т.е. не под давлением его агитации. На другой день опять купечество "по повеске бургомистра" собралось в магистрате, и им объявили, что Пугачев уже близко от города, и потому никому из магистрата уйти не разрешили. Этот день и последующий прошли "благополучно", если не считать того, что из города уже бежали воевода А.Всеволожский, товарищ воеводы коллежский асессор Гумчев, секретарь Семен Дуткин, Сергей Григорьев, штатные поручики Суровцев, Слепцов (28 июля).

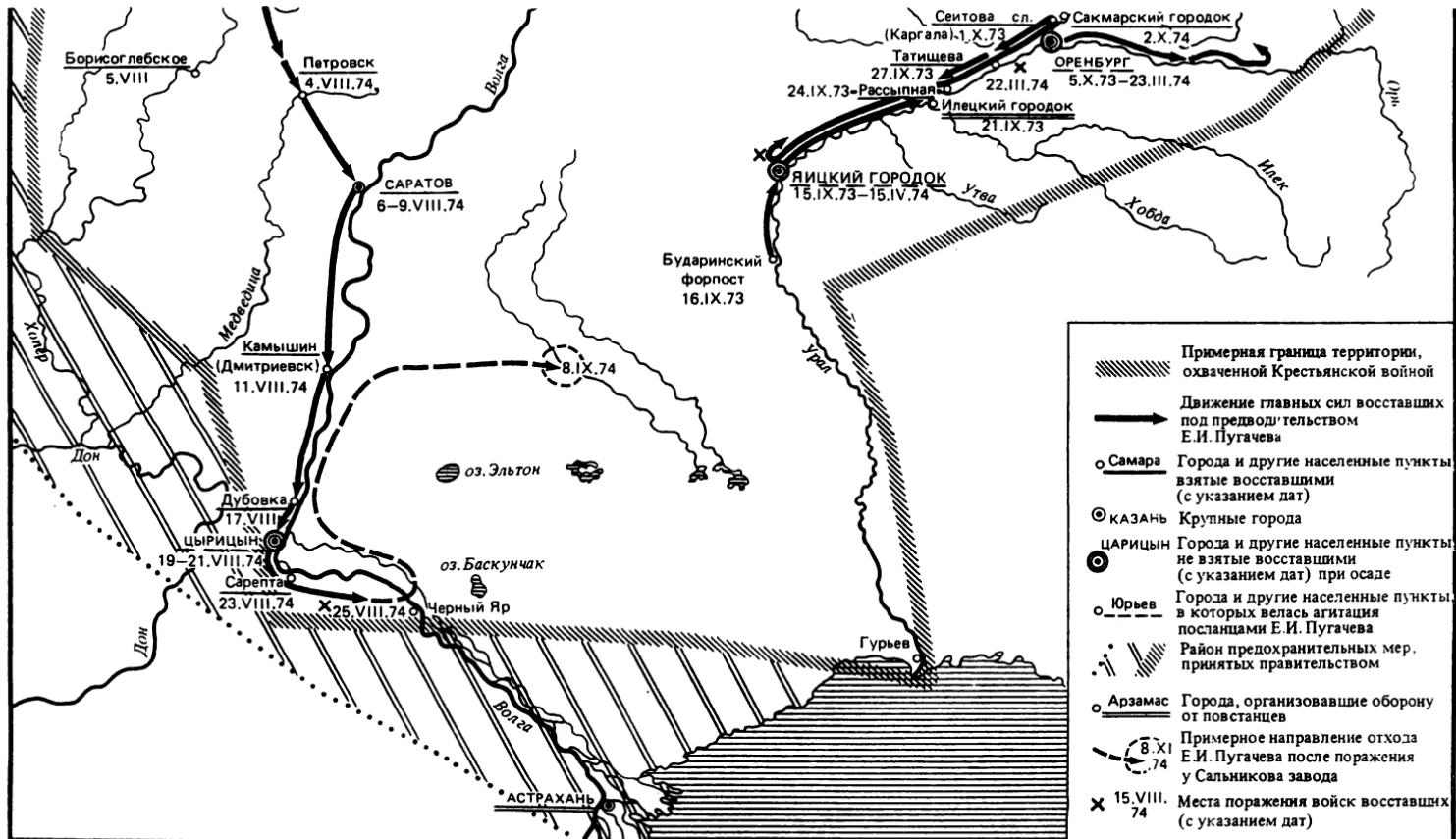
По показанию инвалидной команды секунд-майора Г.Г.Герасимова, определенного повстанцами "главным командиром" Пензы, первый повстанческий отряд, появившийся в Пензе, состоял из 15 человек. Эти повстанцы, собрав народ на рынке, "уверяли, что к городу их следует не самозванец, и не Пугачев, как об нем говорят, но подлинно государь Петр Федорович". Они же сообщали, что "ежели гражданин не встретят его (Пугачева.- М.К.) с хлебом и солью и покажут какую противность, то все в городе до сущаго младенца будут истреблены и город выжгутъ"⁷⁴. Это "устрашывание" разнеслось по городу, и "граждане" пришли "все в страх и отчаяние". Герасимов их ободрял и призывал к сопротивлению "нашествию" восставших, "на что все кричали, что по неимению ружей противится им нечем и так положили напоследок, да и я сам равно, как и священники, согласились встретить... с честию, почему снять бывшия около города пикеты"⁷⁵.

Сопоставление записей допросов группы лиц, примкнувших к восстанию в г.Пензе, показывает, что в них дается одна, почти дословно повторяемая в формулировках причина встречи пензенцами войска Пугачева. И Герасимов, и Кознов, и другие указывали следующее: "Если сего не зделает, то все в городе умерщвлены будут до самаго младенца, а город превращен будет в пепел"⁷⁶. Поскольку это материалы допросов участников, стремившихся оправдаться и тем самым облегчить меру наказания, то к ссылкам на устрашения нельзя относиться с полным доверием.

Рассказы о встрече в Пензе Пугачева купца А.Кознова, секунд-майора Г.Герасимова, других горожан, привлеченных к следствию, в основном совпадают. Герасимов так передает картину этой встречи: "Граждане, вышед из домов своих, пошли за город, напереди шли попы с церковным причтом со крестами и образами. За ними бургомистр и купечество с хлебом и солью, а потом уже всякаго сорта народ"⁷⁷. Пугачев, въехав в город, приложился к кресту, велел всем встать на колени и прослушать манифест. К целованию руки Пугачева подошли "попы и лутчие люди"⁷⁶.

Герасимов, а также секретарь пензенской провинциальной канцелярии Т.Андреев признавал, что во время пребывания 1 августа 1774 г. Пугачева в Пензе "народ радовался и почитал, что самозванец – истинной государь". Если быть чистосердечным, говорил Герасимов, то и он

Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773-1775 гг.

"при сем случае поколебался было в мыслях, думая, что Пугачев и в самом деле государь, как в том утверждало меня сие, что он многия города и крепости побрал и вся чернь в уезде, где он ни был, приступлялась к нему без сумнения"⁷⁹.

Кратковременность пребывания Пугачева в Пензе не помешала осуществить в городе ряд мероприятий, которые в той или иной мере шли на пользу широким слоям городского населения. Пугачевцы завладели денежной казнью^x, часть которой отдали населению. Они раздали населению "безденежно" казенные запасы соли, вина. Из тюрем были освобождены "все колодники".

По официальным данным, в г.Пензе "из купечества и пахотных солдат" Пугачевым "взято к себе в толпу" 500 человек, а кроме того "несколько и охотников пометалось, а сколько числом, познать невозможно"⁸⁰. В объявлении, обращенном к жителям Пензы 3 августа 1774 г., полковник Г.Герасимов действительно предписывал собрать 500 человек "со всех положенных в подушный оклад обывателей"^{xx}. В случае отказа он грозил поступить с пензенцами "по всей строгости е.и.в. гнева". В ходе следствия указывалось, что собрать удалось только 200 человек.

Действия повстанцев во главе с Пугачевым в Пензе зафиксированы в ряде документов. По-видимому не все из них сохранились. До нас дошел "манифест во всенародное известие" жителям Пензы и Пензенской провинции от 31 июля 1772 г., именной указ от 3 августа 1774 г. "во всенародное" известие. Предполагается, что был составлен указ и 1 августа^{xxx}. Указом от 3 августа секунд-майор Г.Г.Герасимов назначался "главным командиром" Пензы и "рангом полковника", купец А.Я.Кознов товарищем "главного командира" "для наилучшаго исправления и порядку"⁸¹.

Ко времени пребывания повстанческого войска Пугачева относится единственный в своем роде указ о передаче купцу Кознову семейства крестьянина Тихона Федосеева^{xxx}.

---

^x Согласно "Ведомости, коликое число в Пензенской провинциальной канцелярии сего 1774 года к августу месяцу состояло по наличности принадлежащей до разных присудственных мест денежной казны и другого казенного имущества, и из того сколько и чего именно в бытность в городе Пензе государственного злодея вора Пугачева с его злодейскою шайкою пограблено, и затем осталось..." в городе было 201 275 руб., в руки восставших попало 13 233 руб., т.е. сравнительно небольшая сумма (ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.2 об., 3).

^{xx} Согласно "расчислению, сколько с каждого сорту взять можно" людей для пополнения войска Пугачева, предписывалось снарядить одного казака с шести душ купечества - 80 человек, с цехов - 20, с пахотных солдат - 361, с пушкарей - 11, с приставов - 7, с канцелярских сторожей - 7, с засечных сторожей - 5, с "воротников" - 2, однодворцев - 7 (ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л. 56 об. - 57).

^{xxx} См. гл.У1.

Манифест от 31 июля, обращенный ко всему народу, объявлял "вольность и свободу", отмену рекрутчины, подушной подати, владение землями, освобождение от "отягощений, чинимых от злодеев дворян и градских мэдомицев - судей крестьянам и всему народу (разрядка моя. - М.К.)" и др.⁸² Все эти "льготы" не могли не заинтересовать разные слои посадского населения, в том числе г. Пензы. В указе от 3 августа новым властям этого города вменялось в обязанность следить, чтобы "никому обид, налог и притеснение" не причинялось.⁸³

Кознов, Елизаров, прaporщик И.Григорьев на допросах указывали, что пугачевцы "делали несказанные озорничества", грабили "обывательские", "господские" дома. В отличие от них Герасимов сообщал, что грабежам подвергались только дома тех владельцев, которые приближении повстанцев бежали из города.⁸⁴

"Город стал центром суда и расправы над злодеями - дворянами", немало из них были привезены туда крестьянами соседних селений.⁸⁵

В Пензе купечество организовало обед в честь Пугачева - "Петра III". После совещания в магистрате оно вынесло решение, что "столу быть общему" в доме купца Кознова. Бургомистр Б.Елизаров^x, ратман Мамин угощали Пугачева и его приближенных. Именно во время обеда, как показывал Кознов, Пугачев обратился к купцам со словами: "Ну, господа купцы, теперь вы и все гражданя жители называйтесь моими казаками, я ни подушных денег, ни рекрут брать с вас не буду. И соль казенную приказал я раздать безденежно по 3 фунта на человека"⁸⁶.

Секретарь пензенской провинциальной канцелярии Тихон Андреев на допросе остановился на факте, о котором ничего не говорили другие подследственные. Он сообщил, что 2 августа Герасимов и канцелярист Галкин ездили в стан Пугачева, но по каким делам, он не знает.⁸⁷

Войско Пугачева, захватив пушки, порох, часть казны, 2 августа ушло из города. В рапорте пензенской провинциальной канцелярии в Сенат от 28 августа 1774 г. сообщалось, что хотя город оставлен пугачевцами, Пенза "находится в немалой опасности" из-за "бунтующей черни". Власти доносили, что когда войско Пугачева находилось в Петровске (4-5 августа), оно "умножилось идущими из Пензы".⁸⁸

Герасимов, а также Кознов утверждали, что они были призваны в стан Пугачева (сам предводитель в это время уже ушел в сторону Саратова). Отряд казаков, среди которых находились Кознов и Герасимов, догнали основное войско Пугачева в 40 верстах от Пензы, Герасимова почти сразу же отпустили назад в Пензу, а Кознову, по его показаниям, было "приказано" остаться казаком.⁸⁹

Кознов в своих показаниях, как и многие участники восстания, попавшие в руки царских судей, пытался оправдаться. Он говорил, что предложение повстанцев было для него "несносно", он просил "об уволь-

^x Елизаров оставался бургомистром до ареста 7 ноября 1774 г.

нении", представляя дом, жену и детей, "у себя имеющим". Отговаривался от назначения в товарищи главного командира города он тем, что не имеет "афиии"^Х, т.е. офицерского чина. Однако все его попытки якобы уклониться от участия в восстании ни к чему не привели, повстанцы, "не уважая сего", приказывали "молчать", угрожая виселицей. Но Кознову все-таки удалось бежать, и до 28 августа он скрывался в лесу. Эти данные извлечены из записей допросов Кознова, как и то, что он сам явился к прокурору Чемесову, который отдал его под караул⁹⁰. Власти считали, что они смягчили участь Кознова, отменив телесное наказание (по указу от 17 марта 1775 г.) и сослав Кознова на поселение в Сибирь. Весьма определенно констатировалась вина Кознова: "за прileпление его к самому злодею и коему оказывал мирские свои услуги"⁹¹.

Еще один представитель купечества бургомистр г.Пензы первостатейный купец Борис Елизаров (48 лет) не отрицал^{ХХ}, что узнав о бегстве воеводы и товарища воеводы собирая "все пензенское купечество на совет для общаго положения, противится ли им злодею или встретить его с честью, сказывая при том, что им противитца не с чем, что никакого оружия нет, так не дутче ли встретить, а тем и спасти город от разорения и пожегу, а людей от смерти"⁹².

В феврале 1775 г., определяя меру наказания Елизарову, власти отмечали отсутствие у него "тврдого духа"⁹³. Но учитывая, как они считали, что он "предательства в душе своей не имел", "ничем от злодея не воспользовался", более того понес убытки⁹⁴,освободили его из-под ареста, строго предписав не выбирать его ни в какую службу, кроме "ниской градской службы"⁹⁵.Обращает на себя внимание тот факт, что этот купец, принявший сторону восстания, утверждал, что пугачевцы забрали "всякой его пажити" на 2 тыс.руб. Это его заявление не подтверждается другими источниками, поэтому остается вопрос, действительно ли "убытки" Кознова связаны с принуждением повстанцев. В его причастности к восстанию могло быть и другое объяснение: добровольная передача восставшим части своей собственности.

В гуще событий в Пензе находился секунд-майор Гаврила Герасимов (61 год), как указывалось выше, "главный командир" города. Во главе города он фактически оказался по воле горожан ранее, со временем бегства местных властей в связи с приближением войска Пугачева. Занявшие город повстанцы посчитались, по всей видимости, с этим и оставили его "главным командиром".

Герасимов по происхождению принадлежал к "поповым детям". С 1737 г. он начал службу в армии вначале солдатом Ярославского пехотного полка,

^Х Канцелярист Т.Андреев, прапорщик Илья Григорьев сообщали другое: Кознов "не отговаривался", а велел написать "и в городе "публиковать" "публичный лист" о назначении Герасимова "главным командиром" и его самого в товарищи "главного командира". Он же и подписал этот "публичный лист" (ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.14, 44 об., 56 об.).

^{ХХ} Допрос 9 декабря 1774 г. в Тайной экспедиции.

в 1742 г. произведен в ротные писаря, в 1744 - в курьеры, в 1745 - получил чин сержанта, в 1751 г. - прапорщика. В том же году Герасимов был переведен в Бутырский пехотный полк, служил адъютантом, в 1758 г. в звании капитана переведен в Выборгский пехотный полк, в котором служил до отставки в 1762 г. в чине секунд-майора. Таким образом, его пребывание в армии длилось 25 лет и было заполнено участием в походах и сражениях (с Турцией, Швецией - 1741-1742 гг., с Пруссией).

"В разсуждение... неимущества" Герасимов был определен "на пропитание" в Троице-Сергиев монастырь, "получая от оного определенное жалованье". Но в 1764 г. от монастырской вотчины был "отрешен" и определен в г. Керенск в инвалидную команду, а в 1766 г. в г. Пензу тоже в инвалидную команду. Герасимов заверял, что за время своей длительной службы в "штрафах и подозрениях ни в каких не был...", о смерти Петра III знал, но присягал Пугачеву⁹⁶. Услышав, что Пугачев в Саранске, Герасимов отправился в пензенскую провинциальную канцелярию, в "присутствие" к воеводе, надворному советнику Андрею Всеяловскому и его товарищу коллежскому асессору Гуляеву, чтобы узнать о Пугачеве подробнее. Герасимов получил приказ властей приготовить инвалидную команду (12 человек) к сопротивлению восставшим. Но 29 июля узнал, что представители властей во главе с воеводой из Пензы бежали. Идя по городу, встретил Герасимов группу, человек 200, пахотных солдат^x, живших в городе, они "объявили... что они советуют между собою ково бы командром в городе зделать". Они просили Герасимова "принять команду и защищать город, а как старее меня чином никого в городе не было, - вспоминает Герасимов, - то я, не отговариваясь", предложение принял. На избрание Герасимова дало свое согласие и купечество Пензы⁹⁷. На допросе Герасимов утверждал, что распорядился о вооружении населения. Кроме того, им был послан якобы нарочный в Казань с просьбой выделить городу вооруженный отряд.

Власти считали, что за участие в восстании Герасимов заслуживает смертной казни. Но они приняли во внимание, что он "в сие преступление впал не из злости, а точно от старости лет своих", поэтому ограничились лишением его чина и ссылкой в Сибирь⁹⁸.

После допросов в Казанской секретной комиссии секретарь пензенской провинциальной канцелярии Тихон Андреев^{xx} был передан в руки Тайной экспедиции. Материалы следствия дают представление о том, как сложилась судьба этого участника крестьянской войны 1773-1775 гг. На государственной службе Андреев находился с 1753 г. Вначале он служил писарем придворной конюшеннной конторы, затем там же состоял на должности копииста, подканцеляриста и канцеляриста, в 1765 г. перешел в Коллегию экономии, где трудился в качестве канцеляриста. В 1766 г. Андре-

^x Этот факт сообщает и секретарь Т.Андреев (ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.39).

^{xx} Арестован 7 ноября 1774 г. (Там же. Л.44 об.).

ев был переведен на службу в Сенат (5-й и 6-й департамент). И там он – канцелярист. С 1772 г. его определили секретарем в пензенскую провинциальную канцелярию. В отличие от многих других участников восстания никогда мыслей о том, что Пугачев – это Петр III, не имел, так как в Петербурге и в Москве он не раз видел царя и о его кончине указы не только слышал, но и сам читал.

26 июля, как рассказывал Т.Андреев, власти бежали из города. Т.Андреев из-за болезни находился дома, поэтому не знал, что происходило в канцелярии. Приставленные к Андрееву солдаты, услышав колокольный звон, настаивали на том, чтобы Андреев шел встречать отряд Пугачева – "Петра III", угрожая ему виселицей. Андреев, "страшась злодея, чтоб его в самом деле не повесили, ехать согласился". Он целовал руку Пугачева, "единственно спасая свою жизнь". Позже Андреев присутствовал на обеде в честь прибытия в город Пугачева. Андреев, как и другие подследственные, объяснял свое поведение страхом, беспамятством, боязнью, "чтобы злодеи, если б он того не исполнил, а Герасимов и Кознов о том сказали злодею, то б он совершенно был повешен, ныне же в том приносит чистосердечное признание и просит в своем приступлении милосердного помилования"⁹⁹.

Вошедшие в Пензу каратели во главе с В.Мелиным не арестовали Андреева. Он находился на свободе и в это время совершил смелый поступок. Андреев снял расклеенный в городе повстанческий указ и спрятал у себя. Но потом не выдержал и, когда в город вступили войска во главе с графом П.И.Паниным (12 августа), отдал этот указ полковнику Михаилу Веревкину.

Конфирмация по делу секретаря Тихона Андреева в приговоре гласила: поскольку свой "противной законам поступок учинил не из злости и не от прислуги к злодею, а единственно от подлой трусости, спасая от злодея живот свой", то тяжкому наказанию не подвергать, но лишить секретарского чина и определить на жительство за пределы провинции¹⁰⁰.

Прaporщик Илья Григорьев (47 лет), сын подьячего, служил с 1744 г., был в пензенской канцелярии копиистом, подканцеляристом, канцеляристом, в походной канцелярии генерал-аншефа И.А.Салтыкова – канцеляристом, в 1761 г. Военной коллегией уволен со службы по болезни и отпущен в свой дом в г.Пензу "на его пропитание". Но по его просьбе определен Военной коллегией в штатную команду Пензы "сверх комплекта".

С приближением восстания по приказу провинциальной канцелярии использовался в качестве разведчика об отрядах пугачевцев. Узнав, что Пугачев в Саранске, поспешил сообщить воеводе это известие. Воевода и товарищ его повелели Григорьеву идти в канцелярию и объявить "городским жителям" о Саранске, обязав их готовиться к сопротивлению, в город не впускать и не считать его за государя. Григорьев все исполнил, по крайней мере, так пытался заверить. Но его действия ожидаемых результатов не дали. Григорьев сообщал в ходе следствия, что бегство воеводы и ряда других лиц городской администрации горожане расценивали как

"измену". Собравшись на площади, они кричали, что город оставлен без начальников, грозили тоже уйти, требовали у Григорьева разыскать беглецов¹⁰¹.

Григорьев был арестован Мелиным, затем освобожден, так как следствие убедилось в том, что его действия определял страх. Оно не видело с его стороны "доброты к злодею". После трехнедельной болезни Григорьев принимал участие в подавлении волнений в ближайших селах ("по повелению" графа П.И.Панина)¹⁰².

Приведенные характеристики позволяют представить разную по социальной принадлежности группу, которая в той или иной степени разделила судьбу основных масс участников восстания, состоявших из низов городского населения Пензы.

К моменту прихода войска Пугачева Саратов пережил большое бедствие – пожар. В мае 1774 г. он так опустошил город, что многие вынуждены были жить в палатах. Поручик Г.Р.Державин писал, что Саратов того времени имел "единственно наименование города"¹⁰³. Во время пожара сгорело много хлеба, и жители голодали.

Сенатский курьер Полубояринов, будучи послан в январе 1774 г. в Саратов для сбора сведений о Пугачеве, пробыв там около двух дней, констатировал, что "чернь" говорит о находящемся под Оренбургом Пугачеве, как о настоящем "Петре III, который не умер, и имея его государем, освобождены от податей, почему и ныне, если де не захотят, то ничего не дадут, а от него они имеют уверения, что будут вольны и независимы ни от кого..."¹⁰⁴. "Теперешнее же правление им несносно, ибо де большая бояре награждаются деревнями и деньгами, а им никакой нет льготы... но только одни большие тяготы... и что для перемены своего состояния пришло им метаться в воду. О воинских же командах говорят, что де все это понапрасну; все солдаты лишь только придут, то будут ему служить, вить и их житье не лучше крестьянского". Уже с начала 1774 г. немало горожан, собираясь партиями, уходило к Пугачеву под Оренбург¹⁰⁵.

Об отсутствии какой-либо надежды на верность правительству Екатерины II и симпатиях к Пугачеву всех "жителей" Саратова через несколько месяцев сообщал поручик Г.Р.Державин, присланный в Саратов с "секретной экспедицией" А.И.Бибиковым для надзора за скитом Филарета на Иргизе.

В рапорте Ф.Ф.Щербатову он сообщал о количестве имевшихся в Саратове войск: "Сим количеством людей можно было, кажется, в случае хороне дела сделать. Впрочем, – добавлял Державин, – народ здесь от казанского несчастья в страшном колебании. Должно сказать, что если в страну сию пойдет злодей, то нет надежды никак за верность жителей поручиться. По народным слухам вижу, что всякий ждет (разрядка моя. – М.К.) ожидаемого им Петра Федоровича. Милосердие всемилостивейшей нашей государыни в грубых сих сердцах никак не действует"¹⁰⁶.

Позже, 3 октября 1774 г., он писал в рапорте П.И. Панину: "Главный предмет мой состоял в поимке Пугачева, ежели бы он по разбитии своих скопищь, бросился один укрываться у друзей своих, яко в гнезде своем пристанище на Иргизе"¹⁰⁷.

На военном совете 24 июня 1774 г., собранном в Опекунской конторе, с участием многих офицеров и Державина, было вынесено решение, согласно которому из-за недостатка времени, необходимого для укрепления города военными командами и артиллерией, предписывалось собрать воинские команды из колоний, учредить в разных местах разъезды из казаков, привести в исправное состояние имеющиеся в городе пушки, выделить дополнительное оружие. В целях безопасности горожан предлагалось устроить земляное укрепление на берегу Волги за валом. Оно могло послужить местом укрытия провиантских магазинов, в которых хранилось до 20 тыс. четв. муки. Кроме того, в укрепление должен был состояться перевод "колодников". Находившиеся на Волге суда власти решили потопить, чтобы ими в случае атаки не воспользовались повстанцы.

Начались военные приготовления, но они развертывались крайне медленно. Сказывалась несогласованность действий представителей местных властей: коменданта полковника И.К.Бошняка, главного судьи Опекунской конторы бригадира М.М.Ладыженского и главного члена Низовой соляной конторы М.Жукова.

27 июля М.Ладыженский снова собрал в Опекунской конторе совещание при участии купечества и членов низовой Соляной конторы. На этом совещании купечество обещало вооружить 500 человек и дать рабочих для строительства укрепления.

Полковник И.К.Бошняк, располагая достаточным количеством орудий (4 полевых и 10 чугунных пушек и одна мортира) и гарнизонных войск (780 человек)¹⁰⁸, не соглашался строить укрепления вне города. Он настаивал на укреплении прежнего городского вала. Бошняк утверждал, что он, как комендант, не может оставить городские церкви и склады без охраны и предлагал перевезти провиант в город. Бошняк требовал, чтобы согласно приказу астраханского губернатора П.Н.Кречетникова, вверившего ему все управление воинскими делами, все воинские чины были отданы в его распоряжение. Ладыженский отказывался выполнять это требование, продолжая строить укрепление на берегу Волги.

Начавшиеся пререкания между городской верхушкой: Бошняком, с одной стороны, Державиным и Ладыженским, с другой, сопровождались жалобами друг на друга высшему начальству.

Астраханский губернатор П.Н.Кречетников был крайне недоволен отсутствием согласованности действий "совокупными силами" в г. Саратове. Он требовал 8-9 августа 1774 г. от представителей властей, прежде всего от саратовского коменданта и начальника Опекунской конторы, "не разногласие свое производить, отчего никакой полезности высочайшему интересу быть не может, как легко ожидать вообще всем вредности и гибели и народу явного смятения"¹⁰⁹.

Из рапорта от 1 августа 1774 г. капитана Н.Коптева в Олекунскую контору следует, что с целью разведывания от г.Пензы ездил купец Алексей Калганов. Последний привез в город сведения о том, что армия Пугачева находится в 45 верстах, в с.Ломовке, поэтому горожане "ежечастно ожидают оных"¹¹⁰.

По всей видимости, подготовка к обороне велась при недостаточном содействии саратовских купцов. Поступило даже такое сообщение: "Саратовского магистрата ратман и купцов несколько человек, приехав в контору, объявили, что за сей зделанного от коменданта повескою не могут они собрать с купец, с сих домов тот день работников, потому что все, узнав о сей повеске, разошлись и разъехались от домов своих".

Обстановка крайне обострилась, и слухов о переходе казаков на сторону восставших "довольно было к поколебанию всех, ибо ни от кого верности ожидать уже было невозможно, для того, что м е ж д у ч е р - н ь ю (разрядка моя. - М.К.) показался вид, почти явной к возмущению"¹¹¹.

После того как поступило известие о вступлении Пугачева в Пензу и затем выходе его из города в сторону Петровска, Державин указывал петровской воеводской канцелярии, что в случае отсутствия у нее средств для обороны, вывести в Саратов местную воинскую команду, а также имеющиеся пушки, снаряды, денежную казну, канцелярские дела. Но воевода Петровска полковник П.Д.Зиминский при слухах о приближении Пугачева бежал в Астрахань, а его секретарь Яковлев - в Саратов. Воеводский товарищ И.Н.Буткевич приказал вывезти из города артиллерию, а канцелярские дела сложить в подвалы. Но городской сотник с "мирскими людьми", а потом и воинская команда с офицерами "остановили воза и сбросили с них поклажу"¹¹². Петровская воеводская канцелярия просила Державина немедленно послать из Саратова 100 человек для вывоза денег и бумаг. В Петровске началось восстание. Буткевич был арестован.

Попытки Державина прийти на помощь Петровску не увенчались успехом¹¹³, и 5 августа он вернулся в Саратов. Находившиеся под его командованием донские казаки перешли на сторону Пугачева.

В Саратове началась паника. Дворяне и крупное купечество прятали свое имущество, за домами рыли ямы, зарывая вещи в землю¹¹⁴. Другие искали спасения в бегстве, грузили имущество и деньги на суда, намереваясь спуститься вниз по Волге. Бежали из Саратова Державин, Ладыженский. Ладыженский оставил распоряжение майору артиллерии В.Семанжу присоединить к себе волжских и оставшихся донских казаков и выступить против Пугачева; в случае неудачи соединиться с отрядом полковника Боняка и действовать по его указаниям.

С вечера 5 августа Боняк собрал солдат и казаков, вывел их к валу. Здесь же сосредоточил артиллерию - 10 пушек. Казаков и саратовских жителей, кое-как вооруженных, "протянул от правого фланга до буерка".

Тем временем Семанж с отрядом в 300 рядовых и 27 офицеров отошел от города в сторону Петровска. Но вскоре вернулся в Саратов, объявив об измене казаков и бегстве их к пугачевцам.

Когда 6 августа 10-тысячное войско Пугачева подошло к Саратову и остановилось у Соколовой горы, купечество решило действовать. К повстанцам послали делегацию саратовцев во главе с купцами Ф.Ф.Кобяковым с согласия бургомистра М.Д.Протопопова^Х. Секунд-майор Андрей Михайлович Салманов^{ХХ}, осужденный за " явную его измену и предательство к злодею и за бытие его в злодейской толпе", на допросе 26 сентября 1774 г. в Царицыне сообщил, что пока власти готовились к обороне, "купечество, цехи, бобыли, пахотные солдаты" посыпали купца Федора Кобякова "на переговорку"¹¹⁵. Он был свидетелем того, как Кобяков ездил верхом "перед фронтом" и уговаривал сложить оружие¹¹⁶. Позже Бошняк в своих рапортах указывал: "Что ж принадлежит до казаков и купцов, кто иные имяны в тиранскую толпу д о б р о в о л ь н о (разрядка моя. - М.К.) предались", заключая, что "саратовские обыватели, имея, как видно, издавна к сему вероломному злодею и тирану свое доброхотство". Он находил у жителей Саратова "одни их вдаль злодейская намерения". Лодыженский, Семанж также утверждали "склонность к бунту всех жителей" города¹¹⁷.

Делегация на виду у всех горожан съехалась с пугачевцами и начала переговоры, обещав Пугачеву, "что казаки ему противиться не будут"¹¹⁸. Семанж навел на переговаривавшихся пушку, но "купечество усилостью своею и словами не допустили стрелять". Когда же Семанж все-таки выстрелил, то "все купцы закрычали единогласно", что слутили лучшего человека и "что де нам умаливать", т.е. оправдываться перед повстанцами. Рапорт о событиях, произошедших в Саратове, П.И.Панину (II октября 1774 г.), Бошняк указывал, что особенно негодовал М.Протопопов, "оказывая при том вид самой изменнической"¹¹⁹. Но выстрел не причинил никому вреда. Кобяков вернулся и привез от Пугачева указ, в котором "все купечество, бобыли и пахотные будут защищены и помилованы, и от всех податей избавлены, и вольность дана будет, а штаб офицеров и дворян всех хотел перевешать"¹²⁰.

Секунд-майор А.М.Салманов на допросе в Тайной экспедиции, дополняя свои показания, указывал на то, что Кобяков вернулся с указом¹²¹.

Кобяков передал манифест коменданту Бошняку, но тот его разорвал, приказав арестовать Кобякова¹²². Однако никто уже не слушал распоряжений коменданта. Пугачев установил на Соколовой горе восемь пушек и начал обстрел Саратова. При первых же выстрелах часть жителей с оружием побежали к повстанцам. Купцы бросились в город. Оборону держать оставались только 300 артиллеристов и 170 батальонных солдат. Войско Пугачева окружило город. Находившийся на крайней батарее прaporщик Г.Соснин с 12 канонирами оставил батарею и потребовал, чтобы открыли Царицынские ворота. Ворота открыли, и пугачевцы вошли в город.

^Х После подавления восстания в Саратове Матвей Протопопов "впредь до указу" оставался бургомистром (ШГАДА. Ф.6. Д.454. Л.137).

^{ХХ} А.М.Салманов был лишен чинов, дворянства и сослан на каторгу в Таганрог, с тем чтобы "остатки дней... своей жизни препроводил в раскаянии..." (ШГАДА. Ф.6. Д.453. Л.70, 70 об., 95).

Соснин с командой перешел на сторону восставших¹²³. Башняк, оставшись с 26 офицерами и 40 солдатами, отступил к дороге на Царицын. Таким образом, в Саратове Пугачева поддержала не только неимущая часть горожан, но и купечество, добровольно отказавшееся от сопротивления повстанческим войскам.

По данным, полученным властями, в Саратове перешло на сторону пугачевцев 354 солдата ("фузеяра"), несколько унтер-офицеров, сержант. Самая большая группа из них, "вышед из укрепления со знаменами за вал и не чиня против злодеев сопротивления, брося свое ружье, отдались в ту злодейскую толпу" – так писали в официальных сообщениях¹²⁴. Духовенство устроило торжественную встречу Пугачеву.

Емельян Пугачев. С гравюры XVIII в.

Своим лагерем предводитель восстания избрал открытое поле за Соловьевой горой в 3 верстах от Саратова. Там стояли его войска три дня, с 6 по 9 августа 1774 г. 6 августа Пугачев принимал присягу у жителей Саратова. Повстанцы выпустили из тюрем колодников, бесплатно раздали саратовцам 19 тыс. четв. муки и овса. Пугачев захватил казну Олекунской конторы, серебро взял для армии, медь раздал народу¹²⁵. Конторские приходные и расходные книги были "брошены в воду, все без остатку", "письменные документы разграблены и разорены", как и часть документации магистрата¹²⁶.

Сообщалось о "великом смятении" в городе, "поколебании саратовских жителей", о том, что пугачевцы с "прилипвшимися... саратовскими многими казаками, ссыпвателями и дворовыми людьми" нанесли "всему казенному капиталу грабеж", разорили ссыпательские дома, расправились с чиновными людьми, дворянами, купцами и "всякого звания людьми"¹²⁷. Все это делалось, согласно поступавшим рапортам, пугачевцами, и "особливо" его "сообщником, учрежденным им (Пугачевым. – М. К.) в Саратове командиром, отставным пятидесятником Яковом Уфимцовым", и продолжалось до II августа, т.е. до прибытия в город карательного отряда подполковника Муфеля¹²⁸. Но необходимо оговорить, что в большей части

документов, касавшихся фактов грабежей в городах, указывается, что в основном этому подвергались дома тех, кто "несогласными" были¹²⁹.

Оставшиеся верными правительству Екатерины II дворяне, а также часть купечества поплатились за это имуществом и жизнью. Так, по сведениям цехового С.И.Кузнецова, в Саратове были казнены отставные прапорщики Афанасий Тулышгин, Алексей Протопопов, капитан саратовского батальона Андрей Маматов, а также купцы Ларион Прянишников, Иван Татаринов, Иван Квасников, ратман Михаил Казанцов, Степан Песковский, Иван Поляков, Иван Крылов, поп Покровской церкви Дмитрий Афанасьев¹³⁰. По другим данным, например по показаниям бургомистра Матвея Протопопова, некоторые из этих людей - ратман Михаил Казанцов, купцы Ларион Прянишников, Иван Квасников, Иван Татаринов, Иван Крылов, Степан Волков - названы не среди казненных, а в числе "убитых на сражении"; "ранены на сражении" Иван Буркин, Иван Березенцов¹³¹.

Приближение карательных отрядов В.Меллина, К.Муфеля вынудили Пугачева 9 августа покинуть Саратов. На виду у его армии по Волге плыла флотилия купеческих и бурлакских лодок и судно с пугачевской казнью. Авангард Меллина, войдя в город, нашел в нем только "гарнizon" Я.Уфимцева в 60 человек¹³². 14 августа в Саратов вошел И.И.Михельсон, позже П.Д.Мансуров. Началась жестокая расправа над участниками восстания. И у собора, и на Соколовой горе, и у кузниц стояли виселицы с казненными. Убитых повстанцев вывозили за город и бросали "на позор и наказание зараженным и колеблющимся разумом от рассеянных злыхитрым злодеем плевел людям"¹³³.

Как известно, Царицын был переполнен пленными из армии Пугачева. Каждый день там производились казни и экзекуции. Из Царицына пленных партиями отправляли в места жительства. Одна из таких партий была отправлена в Петровск и состояла из 85 человек. В другой, отправленной в Саранск, находилось 106 человек. В Петровск пришли всего 3 человека, в Саранск - 17 человек, остальные умерли в дороге. Из 119 человек, отправленных из Царицына в Саратов, в дороге умерли 84 человека¹³⁴.

Саратовские купцы Протопопов и Кобяков были сочтены настолько важными преступниками, что их судили в Москве, где генерал Потемкин отнес их к "7-му сорту" (всех "сортов" по степени участия в восстании было девять); причем, первый обвинялся в том, что "соглашался со всем купечеством предать город злодеям"¹³⁵.

Для отставного казачьего пятидесятника Я.А.Уфимцева встреча с Е.И.Пугачевым в Саратове была не первой. Их знакомство состоялось еще в начале восстания. 20 сентября 1773 г., будучи на Янике под Илецким городком, Пугачев взял у Уфимцева для своего отряда табун лошадей. Этот табун Уфимцев с саратовским пахотным солдатом Я.Лапшиным гнал из Новотроицкой крепости в Саратов на продажу. Не имея денег для расплаты, Пугачев пообещал расплатиться с ним в Саратове, хотя, признавался Пугачев на допросе, "о приходе же его в Саратов, тому куп-

цу (Уфимцеву) сказал наудачу, только для того, чтобы он не тужил о взятых у него лошадях, ибо у него тогда, — да думает он, что и у всей его толпы, — и в уме не было, чтоб быть в Саратове"¹³⁶.

Теперь Пугачев благодарили Уфимцева и щедро с ним расплатился за отобранных лошадей деньгами, конфискованными в казне Саратовской конторы опекунства иностранных колонистов.

Пугачев обедал в доме Уфимцева и наградил его чином полковника, назначив атаманом в Саратове. Об этом назначении гласил врученный Уфимцеву именной указ^x. Указ обязывал атамана действовать в интересах восстания, "крайне наблюдая о сыске дворян, коих без всякой пощады вешал и казнил, и имение отбирал". Уфимцев пытался заверить следствие, что "ко всему сему он не прикасался"¹³⁷. Однако саратовские казаки, десятники, хорунжие и пятидесятники (всего до 180 человек) показали на следствии, что указ Пугачева был вручен Уфимцеву 8 августа, что сам Уфимцев и его сыновья Афанасий и Иван охотно служили повстанцам и "влагали каждому в серце и прощали казаков", стараясь умножить войско восставших, "раздавая, едва не на всех по десяти рублей жалованья"¹³⁸.

Уфимцев недолго пробыл на посту повстанческого атамана. 9 августа войско Пугачева ушло к Камышину, пополнив свой состав саратовским батальоном пехоты, артиллерийской командой, двумя сотнями казаков, 150 посадскими людьми. Уфимцев задержался на некоторое время в городе, выставил охрану у провиантских складов, укрыл от расправы восставших нескольких дворян, военных и приказных. 13 августа, накануне вступления в Саратов правительственные отряды, он сжег пугачевский указ, бежал из города и скрывался на казачьих хуторах. Через несколько дней, не находя иного выхода, Уфимцев вернулся в город и сдался властям. Суд над ним начала следственная комиссия генерала П.Д.Мансурова. Главнокомандующий карательными войсками генерал П.И.Панин, определяя меру наказания Уфимцеву, писал: "За его сообщество с... Пугачевым, за покупку на данные от его деньги лошадей, в чем ему и вспомогал, и что еще принял... письменное приказание именоваться саратовским атаманом, хотя и принадлежал смертной казни, но в разсуждении, что он же, раскаявшись в том, явился собою и от неповинной смерти несколько человек спас, — от той смертной казни освобождается", взамен чего и предписано "наказать его под виселицею кнутом, дать 25 ударов и в память злодейских дел урезать ухо"¹³⁹.

В Саратове же получил чин полковника и купец Степан Грачев. Таким образом, два купца Саратова были удостоены высокого повстанческого чина.

И еще один интересный эпизод, связанный с днями восстания в Саратове. Бывшему в магистрате по письменным делам Ивану Фирсову было приказано составить список купцов от 15 до 40 лет, которые могли бы служить в армии Пугачева. В список было включено 150 человек. Им было

^x См. гл.У1.

приказано получить у Уфимцева жалованье и следовать на помощь армии Пугачева^х.

В своей монографии "Народная социальная утопия в России" А.И.Клибанов, освещая связи крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева с религиозной оппозицией, обращался к следственному делу о "мнимом пророке", саратовском кузнецем Алексеем Горбуновом. Личность этого проповедника и распространителя легенды о царе-избавителе Петре III, подчеркивает А.И.Клибанов, характеризует "единство теории и практики открытой борьбы с крепостничеством"¹⁴⁰.

Как свидетельствует секретное донесение П.С.Потемкину, посланное М.Н.Волконским 4 ноября 1774 г. из Москвы, представители верховной власти интересовались в первую очередь, "не найдется ли у них старинных книг, записок и сочинений, сходствующих с рассказами помянутого Горбунова", "не отданы ли кому"¹⁴¹. Их тревожило поведение раскольников, в первую очередь деятельность Филарета. Всеми мерами они пытались через специально посыпавшихся людей получать информацию. В частности, стало известно от "пугачевских казаков", что Филарет "по выпуске из тюрьмы был у Пугачева в большой милости, и поставлена была для него особливая палатка возле пугачевской"¹⁴².

В секретном ордере лейб-гвардии Преображенского полка поручику Державину от 20 ноября 1774 г. Потемкин повелевал отправиться в Малыковку для выяснения "обстоятельств и свойств живущих тамо людей". Он сообщал, что из допросов Пугачева видно, что настоятель раскольничего мечетного монастыря Филарет оказался "весьма важным". Он рекомендовал Державину истинных целей не раскрывать, а сообщать, что приехал приводить население к присяге¹⁴³.

В связи с делом Горбунова Екатерина II писала, что "видится по тому делу Пугачева четыри следы раскольниченных затей, первой - из Добрянки, второй - из Ржева Володимирова, третий - из Олонца, где в самое то же время явилось лживия моши. А четвертой из самой Москвы изтекает"¹⁴⁴.

Для исследуемой нами темы важны не только публичная "проповедь" Горбунова в защиту законности действий Пугачева, детально проанализированная А.И.Клибановым, но и выявление той социальной среды, которая ее разделяла и поддерживала. На допросе Горбунов показывал, что рассказанное им об избавлении и возвращении Петра Федоровича не им сочинено, а имело среди населения Саратова широкое распространение. Но чтобы конкретно представить группу староверов, в той или иной степени действовавших в пользу Пугачева и восстания, обратимся к биографиям тех, кто официально находился под следствием по делу А.Горбунова. В соучастии с ним обвинялся его брат, староста кузнечного цеха в Саратове Василий

^х Однако из посаженных на лодки оказалось только шесть купцов, остальные были цеховые, украинцы и выпущенные из острога колодники. В Саратове к Пугачеву присоединились 100 бурлаков (Акимова Т.М., Арабадзакая А.М. Очерки истории Саратова (ХVII и ХVIII века). С.99).

Горбунов, цеховой сапожного цеха Андрей Стрельников, писец и переплетчик, беглый крепостной Федосий Иванов, мелкий торговец железными изделиями, отставной капрал Астраханского казацкого полка Лука Енкашев, коломенский ямщик (и "соляной подрядчик") Михаил Клоков.

Из материалов следствия выявляется, что в разное время основные лица, проходившие по делу Горбунова, контактировали с саратовцами: переплетчиком Иваном Васильевым, портным и мелким торговцем Никитой Жарковым, ремесленником ("оловянщиком") Сафоновым, посадскими людьми братьями Дикушевыми, переплетчиком Марком Федоровым, мастеровыми Иваном Семеновым, купцом А.Д.Мещениновым, купцом Тихоном Власовым, купцом Иваном Петровым, пахотным солдатом Федором Сибиковым, казаком В.Ф.Гурьевым, иностранными колонистами братьями Василием и Якимом Шленовыми. Довольно обширными в географическом отношении были встречи саратовских староверов. В своих показаниях они называли коломенских купцов Василия Бочарникова и Ивана Фатеева, владимирского купца Василия Лазарева, елатомского купца Ивана Суботина, астраханского разночинца (торговца) Ивана Захарова, поморца Ивана Петрова, "малыковских жителей" Ивана Петрова и Ивана Яковleva, крестьян Малыковской дворцовой волости Семена Филиппова, Степана Косова, Василия Попова, нижегородского инона Пахомия¹⁴⁵.

Эта группа представлена разными по социальной принадлежности городскими жителями. Круг староверов по имущественному положению включал и богатые слои горожан, в случае же с Горбуновым он, судя по записям допросов, не выходил за пределы мелких и средних торговцев и ремесленников.

17 октября 1774 г. присланный из Симбирска от графа П.И.Панина цеховой Алексей Иванов Горбунов в Казанской секретной комиссии показал, что около 25 лет назад он был отпущен из Саранска по паспорту и приехал в Саратов, где занялся в кузнечную работу, выплачивая в ратушу подушные деньги. Позже завел свою кузницу и жил "своим домом". Горбунов заявлял, что после своей женитьбы "старался он всегда жить беспорочно, молится чаще Богу и по силе своей снабжать нищих подаянием, для чего прилежал более к своей работе"¹⁴⁶.

Во время допросов Горбунов говорил, что ему "открылось по божией власти", что Петр III воскрес в Царицыне. Но затем уточнил, указав, что "во время бытия его в Камышенке слышал-де он в Царицыне, что м е ж д у народом был переговор (разрядка моя. - М.К.), что государь Петр Федорович появился было в Царицыне..."¹⁴⁷.

Кроме того, "законник" и "книжник", отставной капрал Астраханского казацкого полка Лука Енкашев в своем доме читал, а Горбунов слушал (читать и писать он не умел) "божие слово" - библию^X.

^X Во время обыска дома Енкашева библия была найдена, но она не содержала никаких данных о казни стрельцов и др. По-видимому, читалась не библия (ШАДА. Ф.7. Д.2428. Л.175 об., 176).

На допросе в Тайной экспедиции 2 декабря 1774 г. Горбунов сообщал иные данные о легенде, которую проповедовал. Он уже не утверждал, что она ему "открылась" или что он о ней узнал из книг, прочитанных волух Енкашевым и Стрельниковым. Теперь он указывал, что все, что проповедовал, слышал от раскольников на саратовском рынке¹⁴⁸. Но, по всей видимости, надо учитывать, все названные им источники: рассказы саратовских посадских людей, "многих стариков", "старинные книги" – и тот факт, о котором напоминал он сам, "что земля слухом полнится". Горбунов не автор, а проповедник легенды. Свои "непристойные" слова он произносил на улице¹⁴⁹. Горбунов рассказывал, что Петр I, узнав, что казнил стрельцов невинных, обратился к боярам со словами: "Был Петр, который казнил стрельцов напрасно, по одним наветам боярским, будет и еще Петр, который отомстит боярам за стрельцов невинную кровь"¹⁵⁰.

Таким образом, в рассказе Горбунова переосмысливается давняя ста-роверческая традиция, представлявшая Петра I в образе антихриста. Петр I предрекает появление другого Петра, который отомстит "стрельцов неповинную кровь", он как бы продолжает свою жизнь в Петре III – мстите-ле и избавителе.

Петр Федорович оставил свое "царство" при следующих обстоятельст-вах: узнав, что сенаторы в прежние годы все старинные книги зарыли в Москве, в колокольне Ивана Великого, приказал достать их оттуда. Ког-да книги были вытащены и он их прочитал, то решил "учредить старую веру", "един крест". Но бояре "вознегодовали" и не стали "отдавать" ему подобающего царям почтения (не вставали, когда входил и др.). Петр Федорович якобы завел беседу со старым священником, который говорил ему о почитании царей, о том, что в прежние времена бояре не имели более трех слуг. В ответ Петр Федорович сказал: "У всех у них (бояр.-М. К.) отниму крестьян и зделаю так, как в старину бывало, видишь, они разбогатели, так уже и меня не почитают". Бояре обвиняли его, что "веру поругал", и поэтому Петр Федорович ушел, получив "указ, чтоб с ним всю Россию с конца в конец мог пройти". Где он странствовал, неизвестно. Но вот "слышно стало, батюшка появился в Оренбурге и завла-дел многими городами, Казань взял и пришел к нам в Саратов"¹⁵¹.

Когда Пугачев пришел в Саратов, Горбунов был в кузнице за Волгой. На третий день пребывания пугачевцев в Саратове пришел в город. Он встретил среди них своих саранских родственников, кузнеца Михаила Горбунова и солдата Ивана Кузнецова, которым подарил два дротика. По-бывал он и в стане Пугачева. Вместе с братом Василием Горбуновым, кузнечным старшиной, он снабжал повстанческих оружейников кузнечными инструментами: молотами, клещами, наковальнями – и вдвоем с братом "оковывал пушки"¹⁵². Находясь в городе, он стал очевидцем казни над дворянами, в его рассказе – "боярами" (видимо, в соответствии с про-поведуемой им легендой).

Весьма показателен ответ Горбунова следователю на вопрос: "Как ты думаешь, хорошо это или дурно?". Учитывая положение, в котором нахо-

дился Горбунов, надо было иметь большое мужество представить казнь как справедливое возмездие: "Я не знаю, как вам покажется, а мне кажется в этом (казни. - М. К.) власть бога нашего, царя небесного и государева". Он отказывался называть Пугачева "злодеем". На вопрос допрашивавшего, будет ли он называть так Пугачева, ответил: "Он мне ничего худого не сделал, бог с ним". И когда на допросе вернулись к его показаниям о казни дворян и поставили вопрос: "Вить ты видел его тиранство над боярами учиненное, так по этому одному должен ты называть его злодеем?", Горбунов ответил: "Ну вить я давеча сказал вам, что есть на его писание, вить первый император казнил стрельцов? Ну так кровь за кровь отмщается"¹⁵³.

Горбунов не отрицал, что слышал о кончине императора Петра III, и в ответ на попытки выяснить, что заставило его распространять слухи о "Петре III" - Пугачеве, сказал: "Я де сам не знаю, он или нет, а говорили в Саратове в с е (разрядка моя. - М.К.), как он ныне у нас был, что он, и пили его здоровье". Единственно, о чем просил Горбунов, это отпустить его домой, чтобы он "опять стал в кузнице работать"¹⁵⁴.

А.И.Клибанов справедливо подчеркивает: "Легенда об избавителе менее всего являлась мечтательной, но действенной и грозной. И Горбунов, ее проповедник и распространитель, не выделяя себя из общего круга сторонников Пугачева: радовался его приходу, помогал его делу словом и трудом"¹⁵⁵. Когда населению Саратова открыты были "провинцеские магазины, из которых народ брал всего безденежно", то и Горбунов был с народом: "И я де поживился тут оржаною мукой двумя мешками". После ухода Пугачева из Саратова, а позже после поражения близ Черного Яра 12 августа 1774 г. Горбунов продолжал проповедь: "Государь Петр Федорович воскрес в Царицыне, а оттуда пошел в Оренбург и потом, проходя своею силою кругом до Москвы, прошел и Саратов вниз; по несколько же времени и обратно сюда будет"¹⁵⁶.

Именно в городе обосновался 27-летний беглый крепостной крестьянин Федосий Иванов. После непродолжительного пребывания в Москве он с Никитой Жарковым, его дядей, приехал в Саратов, объявив "прежния свои паспорты". Здесь он овладел навыками писца и переплетчика, а Никита Жарков занимался портняжным ремеслом и торговлей. В Саратове они сблизились с раскольниками¹⁵⁷. Иванову удалось купить у двух иностранных поселенцев за 17 руб. право записи на поселение в слободе Краснояровке (в 100 верстах от Саратова) за их умершего брата Якова Степановича Шленова. Но ехать туда он не захотел и, получив паспорт сроком на год, остался в Саратове. Круг его знакомств в городе постепенно расширялся. У нижегородского инока Пахомия Иванов увидел книгу, "о последнем времени писанную", и попросил ее переписать. Чтобы ускорить переписку, привлек "соляного подрядчика" М.Клокова, елатомского купца М.А.Суботина, саратовского ремесленника Антона Сафонова, который одно время состоял на службе у саратовского купца раскольника Афанасия Демидовича Мещенинова. Содержание книги было недостаточно ясным.

Иванов вспоминал, что речь шла в ней о Петре I, но "весьма поноси-тельно для императора". Хранилась рукопись в доме Клокова наряду с другими книгами, например с книгой "Житие и подвиги священного проповедника Аввакума", которая содержит "поносительные слова блаженного памяти государю Алексею Михайловичу, также церкви и духовным властям"¹⁵⁸. В свое время эта книга была переписана с книги, принадлежавшей отставному саратовскому казаку Василию Федоровичу Гурьеву.

Основным занятием Иванова стало переписывание "канонов и жития святых отцов". Спустя два месяца он нанялся к коломенскому купцу Василию Бочарникову и ездил в Камышенку "для принятия красной рыбы". Потом опять жил у Сафонова. Уйдя от него, жил у владимирского купца раскольника Василия Лазарева, "списывая для него житии... и разные каноны, правила и поучительные от Священного писания слова"¹⁵⁹. От Лазарева перешел к астраханскому разночинцу раскольнику Ивану Захарову, у которого торговал в лавке.

Из-за недостачи 30 руб. Захаров снял его с торговли. Иванов перешел к оловянишнику и жил у него три месяца. А затем, не имея возможности заплатить оставшийся за ним долг Захарову (17 руб.) и "боясь, чтоб он не засадил... под караул", уехал на Иргиз с Никитой Жарковым и "малыковскими жителями" Иваном Петровым и Иваном Яковлевым. Когда Жарков договорился с "коломенским жителем", соляным подрядчиком Михаилом Клоковым (тоже раскольником), что тот отдаст за Иванова долг Захарову, они вернулись в Саратов. По дороге, вспоминает Иванов, заезжали в "Филаретов монастырь на самое короткое время и начальника сего монастыря Филарета не видали, и я не знаю, но слыхал только от других о имени его, ибо многие похваляют его житие, а потому и обитель его славна"¹⁶⁰. Отрабатывал он взятые у Клокова деньги тем, что "писывал в его конторе разные письма и духовные книги раскольнического мудрования". Так жил он в течение полутора лет. "Упражняясь в чтении и писании священных историй, возжелал напоследок для спасения своего принять на себя иноческий чин". Принял пострижение от приехавшего в Саратов раскольника монаха Пахомия в доме саратовского пахотного солдата раскольника Федора Григорьевича Сибикеева, и ему было дано имя Герман^х. Жить он продолжал в доме Клокова до самого пожара в мае 1774 г. "Писанные" им книги продавал "разным людям". Например, две книги "цветники"^{хх} продал саратовскому переплетчику книг, раскольнику Марку Федорову за 4 руб.

Когда же случился пожар в городе, Иванов не имел, "где головы приклонить, ибо у всех, - сообщает он, - с которыми... имел знакомство, дома погорели". Поэтому поехал со своим знакомым саратовским "жителем"

^х На записи допроса есть скрепа: "К саму допросу руку приложил инон Герман" (ШГАДА. Ф.7. Д.2428. Л.II-21, 178-181 об.).

^{хх} На полях документа Германом дано разъяснение: "Слово цветники значит собрание или выборка из многих книг" (Там же. Л.14 об.).

Герасимом Петровичем Долговым^х в Екатеринштат, поселение иностранных колонистов (в 50 верстах от Саратова), где Долгов имел свой собственный дом. Иванов заявлял, что поехал с намерением торговать "разными мелочными товарами". Там он жил вплоть до ареста, вызванного найдеными в Саратове у отставного казачьего капрала Луки Исаевича Енкашева письмами, которые "писаны точно" его рукой. Иванов показывал на допросе, что встретился с капралом в Саратове, еще находясь на положении беглого, "зделавшись между собою друзьями". Во время чтения духовных книг, в основном Библии, "имели диспуты и не скрывали друг от друга непозволительных законами в христианской вере сумнений своих"¹⁶¹.

"Одним словом сказать, — заключал Иванов, — находил я в священной истории многих такия места, которые погружали меня в недоумение". А.И.Клибанов считает, что мысли этого представителя религиозной оппозиции выходили за рамки староверческих представлений. Он, как и его друг Енкашев, разделял вероучение субботнической секты¹⁶². Так как в России Иванов и Енкашев не могли никому "открыться", то условились бежать в Польшу — традиционное убежище староверов и сектантов, "дабы будучи тамо, имея свободный язык, могли решится в недомышлении своем"¹⁶³. Отсюда переписка с Енкашевым, которая попала в руки властей и которая с их точки зрения содержала некоторые таинственные места, например: "Мои письма или держите сохранно, или сожгите", "до времени о всем молчи" и т.д. Иванов утверждал, что "никаких злых намерений, ниже противных мыслей и разсуждений о высочайшей е.и.в. особе и о правительстве не имел"¹⁶⁴.

Что касается Пугачева, то в сложившейся ситуации побоялся быть искренним: "Ни малейшего вероятия к нему не имел, во-первых, потому, что я точно был от некоторых уверен о кончине покойного императора Петра Третияго, во-вторых, слышал публикованные указы, что он беглой донской казак, а в третьих, по слухам уверен я был о его лжесамозванстве... Да и возможно ли человеку, имеющему хотя малое понятие, поверить в вымышленной его лжи? Ибо есть ли бы он был истинной государь, так мог ли бы он искать покровительства у яицких казаков? Я думаю так, что дали бы ему помочь и чужестранная державы, потому что бывали при нем во время его царствования послы от тех держав и министры, которые могли бы его узнать и уверить свои дворы"¹⁶⁵. Привлекает внимание тот факт, что связь с яицкими казаками, с его точки зрения, изобличала Пугачева. Истинного государя, указывает Иванов, должны были поддержать иностранные державы.

В дни пребывания Пугачева в Саратове Иванов, по его показаниям, был в Екатеринштате и ничего не может сказать о произошедших там событиях. После следствия в Тайной экспедиции, шедшего под наблюдением

^х На полях приписка: "Не знает прямо, какой он человек, но утверждает, что не купец, потому что он не имел права производить в Саратове торги" (Там же).

обер-секретаря С.И.Шешковского, Иванов попросил о прощении, обещав "все раскольнические скверные заблуждения... из сердца своего" изгнать, повиноваться церкви "во всю жизнь свою и соединиться с правоверными христианами"¹⁶⁶.

Астраханского казачьего полка отставной казак Лука Исаев Енкашев (50 лет) подтвердил большую часть показаний Иванова. Его допрашивали в Казанской секретной комиссии, 1 декабря в Тайной экспедиции¹⁶⁷. Он замечал, что только пожар и приход повстанцев помешали ему уйти в Польшу. Он уже около 25 лет назад примкнул к расколу, "даже усумнился о самом воплощении Христа спасителя"¹⁶⁸. Из его показаний, как и из показаний Федосия Иванова, следует, что они вели довольно регулярную переписку. Иванов находился в Екатеринбурге, Енкашев и после того, как сгорел его дом, оставался в Саратове. Как и Иванов, Енкашев показывал, что не сомневался в самозванстве Пугачева. На вопрос, как Енкашев называл Пугачева, тот ответил: "Какой же точно он человек, я не знаю, но слышал только, что его называют Емельяном Пугачевым". Он указывал, что пребывание восставших в городе не видел, так как из-за болезни находился в отъезде, лечился в зимовке саратовского купца Карпа Татаринова.

Енкашев не отрицал, что был знаком с саратовским кузнецным старостой Василием Горбуновым и кузнецом Алексеем Горбуновым. Он покупал у них железо, "подряжал их делать разные поделки", которыми затем торговал. Но "дружество", как с Ивановым, Енкашев с ними не имел и не вел с ними "диспуты" по книгам Священного писания¹⁶⁹.

Все-таки показаниям Горбунова верится больше: в них прямо сообщалось, что Горбунов ходил в дом Енкашева "для слушания божия писания". Горбунов сообщал, где был расположен дом Енкашева, который почитался у них "законником и книгочетом, к нему ходят многия слушать слово божие". И он часто ходил к нему с братом, саратовским кузнецным старостой Василием Горбуновым. Лука Енкашев ("Исавич") часто читал им Библию¹⁷⁰. Стойкостью Енкашев не отличался, и на допросе в Тайной экспедиции 1 декабря 1774 г. он раскаялся в "злых мыслях", обещал повиноваться догматам церкви всю жизнь, "кроме двуперстного сложения"¹⁷¹.

Одновременно велись допросы цехового саратовского сапожного цеха Андрея Дмитриевича Стрельникова (25 лет)^X, который властям "показался несколько простоват". Стрельников отрицал свое знакомство с Горбуновым, Ивановым, Енкашевым. Как и в предыдущих допросах, власти пытались дознаться, "не слыхал ли он от кого или не читал ли где истории о казни стрельцов, сывшей при императоре Петре Первом, о старинных книгах, закладенных в колокольне у Ивана Великова и о кончине бывшего императора Петра Федоровича". Но получили от Стрельникова от-

^X Его старший брат умер за день до распоряжения об их аресте (ЦГАДА. Ф.7. Д.2428. Л.117).

рицательный ответ. Он говорил, что "сам для себя с нуждою только што... читает, да и читать та нечева, потому что хотя после смерти отца моего кое какия книги и остались было, но мать моя все продала". У него осталось только рукописное житие великомученицы Варвары.

На вопрос о приходе Пугачева в город, он сказал, что был болен и из дома не выходил, поэтому ничего не видел. Слышал только, что в городе был Пугачев, "а какой человек и каким образом овладел он городом", не видел.

Стрельников признался, что года два-три в церковь не ходит, потому что там не велят "старым крестом креститься" и т.д. Женат он был на дочери "саратовского бедного купца", тестя его "ходит в церковь"¹⁷². Стрельников был убежденным противником официальной церкви. Он заявил, что и впредь никогда в церковь ходить не будет и "креста старого" не переменит. В ответ следователи сказали, что он "говорит неправду и что, конечно, переменит он крест, естьли посекут его хорошенъко". Стрельников упорно стоял на своем: "Што хотите, то делайте со мною, только не переменю". Его пытались силой, как сообщалось в одном из донесений, "издеваясь", заставить перекреститься, но "он, вырываясь", не допустил такого насилия. Когда его спросили, где же он молится и по каким книгам, он отвечал, что дома и без книг. На вопрос о его учителях, которые "наставили на эту веру" и не велели ходить в церковь, последовал ответ: "Сам не стал в церковь ходить", потому что во время болезни поклялся держаться "старого закона". О последнем ему стало известно от отца, саратовского цехового, умершего шесть лет назад. Отец держал "старинные" книги. Характерно, что Стрельников был верен своим показаниям и в Тайной экспедиции I декабря 1774 г. только подтвердил их, не обратившись с просьбой о прощении¹⁷³. Более того, по отзывам властей, "оказался фанатиком", он не ел, не пил восемь суток, говоря, "что де из рук неправоверных ни есть, ни пить нельзя"¹⁷⁴. Видимо, все испытания не прошли для Стрельникова бесследно, 12 января 1776 г. он умер.

I декабря 1774 г. в Тайной экспедиции Василия Горбунова допрашивал Шешковский. 38-летний Василий Горбунов был сыном Ивана Гаврилова Колесникова ("по мирскому названию назывался и Горбуновым"), цехового г. Саратова, "веры греческого исповедания", умершего 30 лет назад. Василий Горбунов сообщал, что он в церковь ходит, но крестится "с малолетства своего двуперстным сложением, но раскола никакого он не имеет"¹⁷⁵.

Он не отрицал, что знает Енкашева. Енкашев покупал у него железо, подряжал делать разные поделки. Кроме того, Василий Горбунов бывал в доме Енкашева, "но больше дальняго знакомства и дружества он, Василий, с ним, Лукою не имел"¹⁷⁶. В великий пост 1774 г. его названный брат и кум, саранский цеховой кузнец, живший в Саратове Алексей Горбунов позвал его в дом Енкашева послушать "слова божия, ибо де оной Лу-

ка книгоочет". Енкашев читал "старопечатанную библию о роде Аврама и Исаака даже домоисеевского бытия... о житии Ефрема Сирина, слово Палладия Миха о будущем страшном суде". Бывал В.Горбунов у Енкашева раза три. Но книг и записок о стрелецком бунте, о приговоре Петра Великого, о старопечатанных книгах, склоненных якобы в Москве, в колокольне Ивана Великого, о смерти императора Петра III Лука Енкашев не читал, и он, Василий, "того никогда не слыхал".

Енкашев отмечал также, что "в предательстве города Саратова соучастия он не имел"¹⁷⁷, т.е. не признавался в своих симпатиях к Пугачеву.

По делу А.Горбунова проходил коломенский ямщик Михаил Клоков (68 лет). Допрашивали его в Тайной экспедиции 9 декабря 1774 г. у Шешковского. Клоков показал^x, что в его семье в церковь ходили, "расколу никакого не имели", но "крестились... двуперстным сложением". Он по паспорту, полученному от ямских управителей, занимался соляным промыслом в разных городах, пока не обзавелся в г.Саратове собственным домом. Позже Клоков записался в двойной оклад в г.Саратове, как позволял соответствующий указ 1764 г. С того времени он и жена его ходить в церковь перестали, "присоединились в раскольническую веру поморскую". Приблизительно четыре года назад в Саратове нанял он в приказчики по соляному промыслу назвавшегося польским выходцем Якова Степанова, который впоследствии был пострижен под именем Германа. Степанов (Иванов) жил у Клокова два года. Именно, признавался Клоков, в результате общения с ним он примкнул к раскольникам. Иванов говорил, что со времени патриарха Никона "книги все перепечатаны по-новому и спастися по них никак не можно, да и в церкви многое переменено", "все в церквях у них творят неугодное Богу" и многое другое, "все и доказывал ему по старым печатным книгам и требникам и учил его, чтоб он перекрестился вновь"¹⁷⁸. Он примкнул к раскольникам, хотя не без "поколебания". Саратовские раскольники купец Тихон Власов, Иван Петров (его звания не знает) рассеяли его сомнения, и он и жена его ради "спасения" "вновь перекрестился". Однако на допросе в Тайной экспедиции он признал свое "заблуждение" и просил разрешения вернуться к "святой соборной апостольской церкви".

Клоков рассказывал, что во время пребывания Пугачева в Саратове находился в Нижнем Новгороде вплоть до сентября "для груски по подряду своему" соли. Как Иванов, Енкашев и В.Горбунов, он пытался скрыть свое отношение к Пугачеву, убеждая следователей, что "преклонности" к нему не имел¹⁷⁹.

Когда же его спросили о найденной "у него записки, в которой написано о познании родов и о осми общих правилах", он назвал Иванова, как владельца записки, и "писана" она, указал Клоков, его рукой.

^x Показания скреплены рукой М.Клокова.

Возникает вопрос: в данном случае Иванов выступал как автор или как переписчик? Из объяснений Иванова узнаем, что он переписал записку со "старопечатной при Иосифе патриархе граматической книги". Она содержала сведения о том, "как знать род мужской и женский и как же познать общия мужеска правила"¹⁸⁰. По заверениям Клокова и Иванова, они ни с кем не вели "противных толкованиев и разсуждениев" по этой записке.

О письме от 10 февраля 1774 г., найденном в бумагах Клокова, сообщалось подробнее. Это было письмо саратовского купца Ивана Петрова, полученное через живущего в "поморских местах" знакомого раскольника - однофамильца Ивана Петрова. Данным письмом Клоков уведомлялся, что если он "желает о поморских обычаях и уставах, то есть о раскольнических тамошних поморских сувориях, то б он спросил о том" раскольника Петрова. Но Клоков не спросил, так, по крайней мере, он заявил на допросе. Однако письмо свидетельствует о том, что контакты староверов распространялись на широкой территории.

Давая объяснения по поводу найденных записок, "тетратишке", писем^X, главным образом о том, от кого они поступили, Клоков говорил, что "толкования и разсуждения о самодержавной власти (разрядка мои. - М.К.) никогда ни с кем он не имел". Значит, в ходе следствия наряду с выяснением религиозной приверженности был поставлен вопрос об отношении к верховной власти в государстве. Здесь находим общую формулировку, а не конкретную, о которой уже отмечалось выше: "О государе царе Алексее Михайловиче и о государе Петре Великом, равно о святой церкви и духовных властях"¹⁸¹.

Официальную власть не без оснований беспокоил вопрос о распространении "пагубных размышлений", "пагубных мнений", касавшихся светской власти. Судьбы людей, проходивших по делу Горбунова^{XX}, это подтверждают, как и то, что "заряжена расколом"¹⁸² была постоянно проживавшая часть горожан Саратова, занятая торгово-промышленной деятельностью. Это говорит о глубоких корнях религиозных форм протеста, особенно опасных в период острых социальных конфликтов.

^X В том числе: "О последнем времени и о толковании апокалепсиса", "Житие и подвиги раскольнического проповедника Аввакума", написанные рукой Иванова. Что касается книг, то 19 марта 1775 г. при освобождении Клокова вернули следующие из них: Беседы апостольские (киевской печати), Триодь постная (московской печати), Поалтий (московской печати), Чатерик (киевской печати), Миная цветная (московской печати), Евангелие (московской печати), Требник (московской печати), 33 Четыни (киевской печати) (ЦГАДА. Ф.6. Д.2428. Л.168, 234).

^{XX} По решению, подписанному М.Н. Волконским, А.А. Вяземским, С.И. Шешковским и утвержденному Екатериной II 6 февраля 1775 г., все привлеченные по делу Горбунова передавались члену Синода, архиепископу новгородскому и петербургскому Гавриилу для "отправления их от раскола". Позже Гавриил сообщил, что все "раскаялись", кроме Стрельникова. Решением от 3 марта 1775 г. Иванов отправлялся на два года в Соловецкий монастырь (о пострижении), Енкашев - на полгода в Саровскую пустынь, Стрельников - на год в сузdalский Спасо-Ефимьевский монастырь. Горбунов и Клоков после "совершенного раскаяния" - домой с подпиской о неразглашении дела (ЦГАДА. Ф.6. Д.2428. Л.194 об., 196, 197 об.).

Саранский купец Матвей Иванов, торговавший в г. Казани (в "молочном ряду"), в разговоре с ясачным крестьянином И.Н. Поповым, служившим в "команде" поручика Державина, говорил, что в "писании Деонисия Ареопагита находится в нынешнее время збтыся царе, котораго они и признают... Пугачева", т.е., что настало время обиться предсказанием о царствовании, которое он связывал с царствованием Пугачева. Более того, Иванов ссыпался и на симбирского купца - "человека де не последнего", утверждавшего, что "хотя де перепела и поймали, а соловей еще остался жив"¹⁸³. Донесение Алексея Протопопова^x, крестьянина из дворцовой Малыковской волости, Потемкину об этих фактах было написано 3 ноября, предводитель восстания Е.И. Пугачев находился в руках царских карателей, но надежда на продолжение борьбы жила.

Подводя итоги похода повстанческого войска по правобережью Волги, все же следует попытаться найти объяснение такому удивительному и получившему довольно большое распространение факту, как торжественные встречи Пугачева и некоторых его сподвижников со стороны жителей городов. В ответ на требование посланцев Пугачева городские жители открывали городские ворота и выходили под звон церковных колоколов на встречу приближавшимся повстанцам. В церемонии встречи принимали участие разные по сословной принадлежности и имущественному положению категории городских жителей, нередко усердие при этом проявляла и некоторая часть дворянства и купечества. Встречали Пугачева с почестями, достойными царской персоны. Процессию возглавляли церковнослужители с крестами, иконами и хоругвями.

Горожане преподносили "Петру III" - Пугачеву хлеб-соль. Затем устраивалось торжественное молебствие, и народ приводили к присяге. Каждый присягавший, приложившись к кресту, который держал Пугачев, становился на колени и целовал ему руку. Так полагалось встречать "Петра III" - Пугачева, и так его принимали в Алатыре, Курмыше, Пензе, Саранске, Саратове. В свое время С.И. Тхоржевский, напоминая о Пензе и Саратове и о встрече его купцами со всякими почестями, писал, что "едва ли у них тут были иные мотивы, кроме страха за свои головы и карманы"¹⁸⁴. Это единственное, по существу, объяснение получило широкое распространение среди исследователей последней крестьянской войны в России. Но оно не снимает всех вопросов, возникавших в связи с выяснением линии поведения горожан. Конечно, многие шли на беспрекословное выполнение требованиями мирным путем сдать город из опасений за свою жизнь, стремления отвести угрозу разорения городу.

Но, говоря об естественном человеческом страхе, надо учитывать и другую, не менее важную его сторону. Признавая Пугачева, горожане нарушали присягу и верность императрице Екатерине II, совершали отступничество, что жестоко каралось властями. Другое дело, это наказание

^x В документе он называется "разведывальщиком" отряда поручика Державина (ГАДА. Ф.369. Оп.1, ч.2. Д.7287. Л.3).

виделось в отдаленном времени, Пугачев же был рядом, и непослушание могло уже сегодня обернуться большим ущербом городу.

И хотя почести Пугачеву со стороны части горожан были чисто внешними и отнюдь не соответствовали внутренним чувствам всех городских жителей, тем не менее в целом они выражали признание новой власти. И оно, надо думать, имело под собой скрытое или явное недовольство политикой абсолютистского государства, прежде всего со стороны угнетенных масс. Какие-то разногласия и недоразумения существовали и между властью и "главными" сословиями общества, хотя и та и другая сторона признавали незыблым самодержавие и сословный строй. При всех попытках самодержавия системой правовых норм превратить купечество в "необходимый придаток феодального строя", оно все же было "потенциальным антагонистом феодально-крепостнического строя".¹⁸⁵

Еще В.Сергеевич обратил внимание на то, что к участию в предстоящей законодательной работе Екатерина II не допустила крепостных крестьян, опасаясь, что они внесут "слишком сильную струю классового антагонизма". Отстраненным оказалось и духовенство, которое питало тогда "стремления, довольно резко расходившиеся с видами правительства".¹⁸⁶ Секуляризация церковных земель 1764 г. играла в этом немалую роль.

В период крестьянской войны 1773-1775 гг. правительство получало немало сообщений о "своеволии" церковных служителей. Участие их в встречах Пугачева может, по-видимому, объясняться и нравственными мотивами, долгом оставаться с народом в час испытания.

Имела значение общая ситуация в городах, сложная и достаточно противоречивая вообще, а с приближением Пугачева особенно. Симпатии к повстанцам со стороны городской бедноты были известны, и это подталкивало зажиточную часть городских жителей не обострять обстановку. В целом объявление равенства, награждение землей, отмена подушной подати и рекрутчины соответствовали надеждам и стремлениям крестьян, а также городской бедноты. Воля в городской среде – это воля экономическая, и такая положительная перспектива служила привлечению на сторону восставших некоторой части купечества.

¹ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. Чебоксары, 1972. С.202; Пугачевщина. М.; Л. 1929. Т.2. С. 303-305; ЦГАДА. Ф. 1274. Д.174. Л.47, 47 об.; ЦГВИА СССР. Ф. 20. Оп.47. Кн.1233. Л.410, 410 об.

² ЦГАДА. Ф.6. Д.445, Л.1, II.

³ Там же. Л.II, 12.

⁴ Там же. Л.4.

⁵ Сб.РИО. СПб., 1900. Т.107. С.499-509.

⁶ ЦГАДА. Ф.6. Д.445. Л.6 об.

⁷ Там же. Л.9.

⁸ Симонов С. Пугачевщина. Харьков, 1931. С.107, 108.

9 Численность войска Пугачева в это время доходила до 2-3 тыс. человек (ЦГАДА. Ф.6. Кн.504, ч.5. Л.88); Ерохин С.И. Нижегородские крестьяне XVIII в. в борьбе с крепостными // Горьковская обл. 1938. № 2. С.102, 103. В Курмышье была военная команда из восьми рядовых при унтер-офицере и 50 городских безоружных жителей (ЦГАДА. Ф.6. Л.446. Л.4).

10 Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. СПб. 1884. Т.3. С.115, 116; ЦГАДА. Ф.6. Кн.504, ч.4. Л.99, 260; Кн.490, ч.1. Л.195-197 об.; ф.1274. Д.183. Л.102 об.; ЦГВИА. Ф.20. Оп.47. Кн. 1233. Л.449-452.

11 ЦГАДА. Ф.1274. Д.183. Л.447, 449 об., 457 об., 458; Д.184. Л.106 об.

12 Пугачевщина. М.; Л., 1929. Т.2. С.210.

13 ЦГАДА. Ф.6. Кн.504, ч.4. Л.260.

14 Там же. Д.447. Л.1; Кн.507, ч.5. Л.346 об.-354.

15 Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т.3. С.116, 117; Пугачевщина. М.; Л., 1931. Т.3. С.215, 216; ЦГАДА. Ф.6. Кн.447. Л.4; Кн.504, ч.6. Л.50; Кн.507, ч.4. Л.597 об.

16 ЦГАДА. Ф.6. Д.447. Л.1 об., 4 об.; Кн.506, ч.4. Л.597 об.,-601; Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т.3. С.117.

17 ЦГАДА. Ф.6. Кн.504, ч.6. Л.50.

18 Там же. Д.447. Л.1 об.; Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т.3. С.117. По другим данным, в отряде было больше 30 человек (ЦГАДА. Ф.6. Кн.465, ч.2. Л.144 об.).

19 ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.86 об.

20 Там же. Кн.512, ч.1. Л.146 об., 147 об.; Ч.2. Л.335-337. "Грабить не велел" Пугачев и в Дмитриевске на Камышенке; Л.Д.Рыслев считает возможным объяснить это тем, что там восстание началось до прихода повстанцев и горожане сами расправились со своими начальниками, ненавистными дворянами и купцами (См.: Рыслев Л.Д. Крестьянская война 1773-1775 гг. в Нижнем Поволжье: Дис. ... канд.ист.наук. Л., 1963. С.187).

21 ЦГАДА. Ф.6. Д.447. Л.5. 17 об.; Д.499. Л.6 об.; Кн.507, ч.4. Л.597 об.-601; Кн.512, ч.1. Л.148; Ерохин С.И. Указ. соч. С. 102, 103.

22 ЦГАДА. Ф.6. Д.447. Л.9, 9 об., 10; Д.511. Л.317; Ф.1274. Д.186. Л.35; Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т.3. С.119, 120.

23 ЦГАДА. Ф.6. Д.447. Л.2 об.; Кн.507, ч.5. Л.350 об.

24 Там же. Д.447. Л.8.

25 Пугачевщина. Т.3. С.428.

26 ЦГАДА. Ф.6. Д.447. Л.10 об.; Кн.512, ч.1. Л.148; Ерохин С.И. Указ.соч. С.102, 103; Тхоржевский С.И. Пугачевщина в поместичьей России. М., 1930. С.100.

27 ЦГАДА. Ф.6. Д.447. Л.16.

28 Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т.3. С.117.

29 ЦГАДА. Ф.1274. Д.183. Л.382, 384-385, 397, 401-403 об.

- 30 Там же. Ф.6. Д.453. Л.32.
- 31 Там же. Л.9 об. - 10.
- 32 Там же. Л. 10 об.
- 33 Там же.
- 34 Там же. Л.10.
- 35 Пугачевщина. М.; Л., 1926. Т.1. С.55, 56.
- 36 Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л., 1984. С.19.
- 37 Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т.3. С.114, 115.
- 38 ЦГАДА. Ф.6. Кн.504, ч.4. Л.100; ЦГВИА. Ф.20. Оп.47. Д.1233. Л.407.
- 39 Ямской Г.П. Участие чувашского народа в крестьянской войне 1773-1775 гг. // Преподавание истории в школе. 1956. № 1. С.44-46.
- 40 ЦГАДА. Ф.6. Д.499. Л.8 об.-10.
- 41 Захарова Л.Ф. Помещичьи крестьяне Нижегородской Губернии и их классовая борьба во второй половине XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1954. С.46.
- 42 ЦГАДА. Ф.6. Кн.467, ч.5. Л.367.
- 43 ЦГВИА. Ф.20. Оп.47. Кн.1233. Л.415, 415 об.
- 44 ЦГАДА. Ф.6. Кн.490, ч.1. Л.145.
- 45 Там же. Ф.1274. Д.185. Л.255 об.
- 46 Тхоржевский С.И. Указ.соч. С.142.
- 47 ЦГАДА. Ф.419. Оп.5. Д.91. 1774 г. Л.1-5.
- 48 Там же. Д.120. Л.30 об.; Д.114. Л.1-9.
- 49 Там же. Д.667. 1775 г. Л.1,2.
- 50 ЦГАДА. Ф.7. Д.2390. Л.1; Курмачева М.Д. Крепостная интеллигенция России. Вторая половина XVIII - начало XIX века. М., 1983. С.278, 279.
- 51 ЦГАДА. Ф.7. Д.2390. Л.2 об., 5 об., 8.
- 52 Там же. Л. 2 об.
- 53 Пионтковский С. Архив Тайной экспедиции о крестьянских настроениях 1774 г. // Историк-марксист. 1935. Кн.7 (47). С.97.
- 54 ЦГАДА. Ф.7. Д.2395. Л.1-9.
- 55 Там же. Ф.349. Оп.1, ч.2. Д.7192. Л.1,2.
- 56 Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т.3. С.121.
- 57 ЦГАДА. Ф.6. Д.448. Л.3, 3 об.
- 58 Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773-1774 гг. М., 1975. С.73, 74, 399.

- 59 ЦГАДА. Ф.6. Д.448. Л.II; Саранск: Ист.-экон. очерк. Саранск, 1985. С.22-24.
- 60 ЦГАДА. Ф.6. Д.448. Л.10.
- 61 Там же. Л.10-12.
- 62 Документы ставки Е.И.Пугачева... С.47.
- 63 Пугачевщина. Т.2. С.189, 190.
- 64 ЦГАДА. Ф.6. Д.504, ч.4. Л.124.
- 65 Там же. Д.454. Л.129.
- 66 Т х о р ж е в с к и й С.И. Указ.соч. С.75-77.
- 67 Там же. Приложение. С.198. "Выписка о кадомском купце Евсевье-
ве".
- 68 Там же. С.78, 79.
- 69 Там же. С.79.
- 70 Там же. С.80, 81.
- 71 Там же. С.81.
- 72 Там же. Приложение. С.204, 205.
- 73 ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.23, 23 об. См.также подтверждавший Коз-
нова допрос Б.Елизарова (Там же. Л.47, 47 об.).
- 74 Там же. Л.20.
- 75 Там же.
- 76 Там же. Л.20, 24, 31.
- 77 Там же. Л.23 об., 24.
- 78 Там же. Л.24 об.
- 79 Там же. Л.20 об.-21, 40 об.
- 80 Там же. Л.3 об., 14.
- 81 Документы ставки Е.И.Пугачева... С.48, 49.
- 82 Там же. С.48.
- 83 Там же. С.49.
- 84 ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.25, 55 об.
- 85 Там же. Л.2.
- 86 Там же. Л.24-25.
- 87 Там же. Л.42 об., 43.
- 88 Там же. Д.454. Л.215, 215 об.
- 89 Там же. Д.453. Л.27 об.
- 90 Там же. Л. 12 об.

- 91 Там же. Л.72.
- 92 Там же. Л.47, 47 об.
- 93 Там же. Л.50, 50 об.
- 94 Там же.
- 95 Там же. Л.61, 61 об., 69.
- 96 Там же. Л.18 об.
- 97 Там же. Л.19, 19 об.
- 98 Там же. Л.71 об., 120.
- 99 Там же. Л.42 об., 43, 45 об., 46.
- 100 Там же. Л.60-69 об.
- 101 Там же. Л.53 об., 54.
- 102 Там же. Л.57 об., 58, 60 об., 61.
- 103 Д е р ж а в и н Г.Р. Соч. СПб., 1869. С.245.
- 104 Пугачевщина. Т.3. С.458.
- 105 Крестьянская война 1773-1775 годов в России: Восстание Пугачева. Л., 1970. Т.3. С.230.
- 106 Д е р ж а в и н Г.Р. Соч. Т.5. С.147.
- 107 ЦГАДА. Ф.6. Д.454. Л.256.
- 108 Крестьянская война в России... Т.3. С.229.
- 109 ЦГАДА. Ф.6. Д.454. Л.126 об., 133 об.-135.
- 110 Там же. Л.130.
- 111 Там же. Л.213 об., 239; Рысляев Л.Д. Пугачев в Саратове // Вестн. ЛГУ. Сер. ист. яз. и лит. 1962. № 8. С.65.
- 112 Пугачевщина. Т.3. С.86, 87; ЦГАДА. Ф.6. Д.454. Л.214.
- 113 Пугачевщина. Т.2. С.249.
- 114 К у ш е в а Е.Н. Саратов третьей четверти XVIII в. // Тр. Ниж. Волж. о-ва краеведения. Саратов, 1928. Вып.35, ч.2. С.57.
- 115 ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.102.
- 116 Там же. Л.102, 104.
- 117 Там же. Д.454. Л.222, 223, 286, 216, 266.
- 118 Там же. Д.505. Ч.4. Л.239.
- 119 Там же. Д.454. Л.286 об., 217, 242 об., 222, 223.
- 120 Пугачевщина. Т.2. С.192.
- 121 ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.102, 104.
- 122 Там же. Д.454. Л.222, 223.

- I23 Пугачевщина. Т.2. С.191-193; Т.3. С.194, 195; Д у б р о -
в и н Н.Н. Пугачев и его сообщники. Т.3. С.208-211.
- I24 ЦГАДА. Ф.6. Д.454. Л. 1,2. В этом же деле следствие над духов-
ными лицами, принявшими участие в восстании в г.Саратове.
- I25 Пугачевщина. Т.3. С.197-200; Красный архив. Т.69 /70. С.235;
Рыслеев Л.Д. Указ.соч. С.68.
- I26 ЦГАДА. Ф.6. Д.454. Л.139, 148, 150, 198 об.
- I27 Там же. Л.136, 200; Д.453. Л.70.
- I28 Там же. Л.136, 196.
- I29 Там же. Л.147.
- I30 ЦГАДА. Ф.6. Д.454. Л.154.
- I31 Там же. Л.199.
- I32 Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773-1775 гг.
Ростов н/Д., 1961. С.62, 182; А к и м о в а Т.М., А р д а б а ц -
к а я А.М. Очерки истории Саратова (ХVII и ХVIII века). Саратов, 1940.
С.99; Рыслеев Л.Д. Указ.соч. С.68.
- I33 ЦГАДА. Ф.6. Д.454. Л.137, 137 об.
- I34 А к и м о в а Т.М., А р д а б а ц к а я А.М. Указ.соч. С.102.
- I35 Т х о р ж е в с к и й С.И. Указ.соч. С.143.
- I36 Красный арх. 1935. № 69/70. С.218, 219.
- I37 О в ч и н н и к о в Р.В. Манифесты и указы Е.И.Пугачева: Ис-
точниковед.исслед. М., 1980. С.249, 250.
- I38 Пугачевщина. Т.3. С.198.
- I39 О в ч и н н и к о в Р.В. Указ.соч. С.250, 251.
- I40 К л и б а н о в А.И. Народная социальная утопия в России:
Период феодализма. М., 1977. С.160.
- I41 ЦГАДА. Ф.7. Д.2428. 1775 г. Л.88.
- I42 Там же. Ф.349. Оп.1, ч.2. Д.7287. 1774 г. Л.3 об., 5.
- I43 Там же. Ф.7. Д.2428. Л.40, 41.
- I44 Там же. Л.1, 46.
- I45 Там же. Л.167-169.
- I46 Там же. Л.47 об., 171.
- I47 Там же. Л.47-54, 170-176.
- I48 Там же. Л.125, 125 об., 176, 177 об.
- I49 Там же. Л.53, 53 об.
- I50 Там же. Л.47 об., 48.
- I51 Там же. Л.47-54, 170-176.
- I52 Там же. Л.52.
- I53 Там же. Л.52 об., 53.

- I54 Там же. Л.54, 54 об.
- I55 Клибанов А.И. Указ. соч. С.161.
- I56 ЦГАДА. Ф.7. Д.2428. Л.52 об. - 53 об.
- I57 Там же. Л.II об. См. также: Л.178-181 об.
- I58 Там же. Л.21.
- I59 Там же. Л.13.
- I60 Там же. Л.14.
- I61 Там же. Л.15.
- I62 Клибанов А.И. Указ. соч. С.161, 162.
- I63 ЦГАДА. Ф.7. Д.2428. 1775 г. Л.16, 16 об.
- I64 Там же. Л.19, 19 об.
- I65 Там же. Л.19 об., 20.
- I66 Там же. Л.123.
- I67 Записи допросов Енкашева (Там же. Л.22-29, 121-122).
- I68 ЦГАДА. Ф.7. Д.2428. Л.24.
- I69 Там же. Л.22-29.
- I70 Там же. Л.147 об.
- I71 Там же. Л.121 об., 122.
- I72 Запись допросов Стрельникова от 14 ноября 1774 г. см.: Там же. Л.30-32, II7, II8.
- I73 Там же. Л.124.
- I74 Там же. Л.192 об., 233.
- I75 Там же. Л.119.
- I76 Там же. Л.119 об.
- I77 Там же. Л.120 об.
- I78 Там же. Л.162 об.
- I79 Там же. Л.164 об., 165.
- I80 Там же. Л.169.
- I81 Там же. Л.168 об.
- I82 Там же. Л.190 об.
- I83 ЦГАДА. Ф.349. Оп.1, ч.2. Д.7287. 1774 г. Л.1, 2.
- I84 Тюроковский С.И. Указ. соч. С.142.
- I85 Кучкин В.А., Рындинский П.Г. Русский город // История СССР. 1989. № 9. С.181.
- I86 Вознесенский С.Е. Городские депутатские наказы в Екатерининскую комиссию 1767 года // ЖМНП. 1909. № 12. С.241, 242.

Г л а в а VI. ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ГОРОЖАН В ДОКУМЕНТАХ И ДЕЙСТВИЯХ ВОССТАВШИХ

С сентября 1773 по август 1774 г. из ставки Пугачева вышло не менее 200 указов и манифестов. Из них до наших дней сохранилось 46, в результате реконструкции установлено содержание 119 утраченных манифестов и указов Пугачева¹. Таким образом, в настоящее время имеется возможность изучать 165 ценнейших повстанческих документов, т.е. подавляющую часть манифестов и указов, созданных повстанцами. Неизвестными остается сравнительно небольшая часть.

В числе манифестов и указов, которые, несомненно, оказали огромное влияние на подъем повстанческого движения, находим обращения к классу-составию — крестьянству; сословной группе — яицким казакам; народам, проживавшим в пределах Российского государства — татарам, башкирам, калмыкам, казахам. Сохранились обращения к конкретным корреспондентам. Остаются неизвестными указы, адресованные таким сословиям и сословным группам, как наемные работники, ремесленники, купечество, в целом к посадскому населению городов. Встает вопрос: были они или их не было? Источники не дают оснований ответить на этот вопрос с достаточной определенностью. Учитывая неполную сохранность документальных источников, вышедших из лагеря этого крупнейшего народного движения, можно предположить, что эти обращения могли оказаться в числе несохранившихся манифестов и указов. В пользу такого предположения говорит реконструкция части утраченных текстов повстанческих воззваний, в том числе написанных и оглашенных в ряде городов, входивших в зону активной повстанческой борьбы.

Как известно, документы, вышедшие из лагеря восставших, изучались главным образом с точки зрения интересов основных участников движения.

Что касается сохранившихся манифестов и указов лагеря восставших, в той или иной степени связанных с городами, то в них отсутствует социальное разграничение горожан, названных чаще "живущими в городах", "жителями", "обывателями города", "всякого рода и чина людьми", "всякого звания людьми".

Это можно проследить, начиная с именного указа от 24 сентября 1773 г. жителям Рассыпной крепости, указов Оренбургу (1 октября 1773 г.), Верхне-Озерной крепости (6 октября 1773 г.), Авзяно-Петровскому заводу (17 октября 1773 г.) и др. Не вносят новое и известные манифести и указы, объявленные в Уфе, Челябинске, Алатыре, Саранске, Пензе и др. Таким образом, обобщение городского населения в названных формулировках было свойственно не одному этапу крестьянской войны, а устойчиво сохранялось на всем ее протяжении.

Основной движущей силой крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева было крестьянство. Интересы этого угнетенного класса нашли отражение в повстанческих манифестах и указах, излагающих цели и требования восставших. Поэтому закономерно, что в обширной историо-

графии крестьянской войны 1773-1775 гг. повстанческие указы изучались прежде всего с точки зрения основных участников восстания. Почти не привлекал внимания исследователей вопрос о том, как на содержание воззваний влиял прилив новых сторонников движения, в какой степени Е.И.Пугачев и его соратники ориентировались на расширение социальной базы восстания. Между тем известно, что в числе участников восстания уже на первых этапах было городское население, прежде всего его беднейшие слои. В связи с этим попытаемся, анализируя тексты манифестов и указов повстанческого центра, повстанческих властей и учреждений, выяснить отражение в них интересов городского населения.

Крестьянская война 1773-1775 гг. охватила огромную территорию России. Повстанцы одержали ряд крупных побед над правительственными войсками и овладели многими крепостями и городами.

Обращаясь к повстанческим воззваниям, выясним прежде всего, на каком этапе восстания появились обращения к городскому населению.

Первый именной указ от 17 сентября 1773 г. конкретно обращен к яицким казакам и, можно предположить, основывался на бытовавшем среди яицких казаков предании о грамоте Михаила Федоровича, по которой якобы передана им во владение р. Яик. За верную службу "император" "Петр-III" - Пугачев жаловал яицких казаков "рекою с вершин и до устья и землею, и травами, и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом"². Этот указ отразил интересы яицких казаков, хотя во владении землей и увеличении "денежного жалования" была заинтересована не только эта категория населения.

Указ от 19 сентября 1773 г. конкретизировал, к кому обращаются восставшие во главе с Е.И.Пугачевым, называя "солдат и офицеров гарнизона Яицкого городка". В этом указе обещано примкнувшим к восстанию, а также их потомкам награды в виде не только денежного жалования, но и "хлебного", награды "чинами", "славно службою", "первыми выгодами" в государстве³ (разрядка моя. - М.К.).

В именном указе атаману Илецкого городка Л.Портнову, старшинам и казакам городка (20 сентября 1773 г.) награждение ставилось в зависимость от заслуг участников восстания: "Сколько награждены будете, сколько заслуги ваши достойны". И далее: "И чего вы не пожелаете, во всех выгодах и жаловань[ях] отказано вам не будет, и слава ваша не ис[те]чет во веку. И как вы, так и потомки ваши, первыми при мне, великому Государю, учинитесь. И жалованья, правианта, пороху и свинцу всегда достаточно от меня давано будет"⁴.

Существенно дополнено содержание указа гарнизону и жителям Рас-сыпной крепости от 24 сентября 1773 г. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что впервые названо гражданское население крепости - "всякого звания люди". Впервые в этом именном указе сказано как о главном пожаловании - "во-первых" "вечной вольностью". О вольности сообщается так: "А вольность, хоть и нерегулярные, но всяк на веки

получит". Указ содержит также пожалование "реками, лесами, всеми выгодами, жалованьем, правиантом, порохом, свинцом, чинами и честию"⁵. Таким образом, уже этот пятый из известных указов Е.И.Пугачева спустя неделю после начала движения ставит перед восставшими задачу освобождения от крепостной зависимости, причем освобождение касается всего зависимого населения, а по времени – навсегда.

В указе от 1 октября 1773 г., адресованном башкирам Оренбургской губернии, первая на данном этапе движения констатация того, что "время от времени" переходят "в подданство", на сторону восстания "свецкий народ в городах (разрядка моя. – М. К.) и провинциях".

Пожалования, о которых говорилось в предыдущих указах, дополнены награждением "верою и законом вашим" и "всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу"⁶. Итак, указы от 24 сентября и 1 октября ориентировались на гражданское население, в том числе города.

Далее следует ряд указов и манифестов, содержащих распоряжения пересыпать повстанческие возвзвания не только по деревням, губерниям, "разным жительствам", "разным сторонам", но и "из города в город". Указ от 1 октября 1773 г. башкирам Оренбургской губернии обращен к народу, живущему в "городах и крепостях", и провозглашает "волю"⁷. В указе, датированном этим же числом, башкирам Йогайской и Сибирской дорог Оренбургской губернии предписывалось указы повстанцев "пересыпать из города в город, ис крепости в крепость"⁸. Таково же внимание к городу в манифесте от 1 декабря 1773 г. и манифесте, датированном примерно 15 декабря 1773 г.⁹

Если в некоторых первых указах названы жители вообще – "свецкий народ", "живущий в городах и крепостях... народ", "простые люди разных стран и областей", то со временем с городом связывались в большинстве своем "всякого звания народ", "всякого звания люди". Помимо уже названного указа от 24 сентября указ от 1 октября 1773 г., подписанный "Петром Третьим" – Пугачевым, адресован оренбургскому губернатору И.А.Рейндорпу, "рядовым казакам и всякого звания людем". Ко "всякого звания людям" обращены указы от 4, 6 октября, 5 ноября 1773 г., манифести от 25 ноября, 1 декабря 1773 г. Призывы повстанцев "ко всякого звания и чину", "разного звания людям" встречаем в манифесте, относящемся примерно к 15 декабря 1773 г., именном указе от 12 июня 1773 г. крестьянину Белоярской слободы Ф.Т.Кочневу. Именной указ от 23 июля 1774 г. о производстве прaporщика Е.Д.Сулдешева в полковники и назначении его управителем г.Алатыря обращен ко всему "находящемуся в городе Алатыре народу", всем "города охвателям"¹⁰. Аналогично обращение А.И.Пугачева к жителям Пензы, Саранска, Камышина.

Наряду с крестьянами и казаками повстанцы обращались ко "всякого звания и чину" людям, и это принимало устойчивую форму, отражавшую стремление вовлечь в движение более широкие круги населения крепостей и городов.

Все это свидетельствует о том, что уже на первом этапе крестьянской войны 1773-1775 гг. городское население рассматривалось в штабе восставших как реальная опора развернувшейся борьбы. В этих документах не находим указаний, на какие конкретно категории населения городов повстанцы в первую очередь возлагали надежды.

Как уже отмечалось, в исследованиях при освещении движущих сил восстания указывается, что вместе с крестьянством активно выступала городская беднота. И это мнение вполне обоснованно. Рапорты и донесения представителей официальных властей содержат многочисленные сообщения о поддержке восстания со стороны городской бедноты, которая в этих документах пренебрежительно называется "чернь". Другое дело вопрос о том, что собой представляла вставшая на сторону восстания городская беднота в сословном отношении. Этот аспект в историографии не разработан. К этой категории относились вольнонаемные работники, крестьяне, пришедшие на заработки, мелкие ремесленники. Но к ней примыкала обедневшая часть купечества, промышлявшая работой по найму. И это подтвердила позже городская реформа, в ходе которой заметная часть представителей купеческого сословия была исключена из этого сословия и переведена в категорию мещан.

Формулировка указов - "всякого звания люди" - наводит на мысль о том, что повстанцы не исключали попыток привлечь на свою сторону более широкие слои посада, в том числе купечество. Обращаясь к конкретному содержанию манифестов и указов повстанческого центра, попытаемся выяснить, насколько эта мысль может быть обоснованной.

Если в ранних повстанческих указах говорилось о "вечной вольности", то в именном указе от 17 октября 1773 г. приказчикам Авзяно-Петровского завода М.О.Копылову, Д.Федорову и "всему миру" впервые сказано:

Печать Е.И.Пугачева. Август 1774 г. ЦГАДА.

"Всякая вольность"¹¹. В именном указе от 23 октября 1773 г. казаку Л.И.Травкину, "казакам и всякого звания людям моим", а также в указе от 5 ноября 1773 г. войсковому старшине М.М.Бородину, яицким казакам и "всякого звания людям" находим прежнюю формулировку - "вечная вольность"¹².

Однако в именном указе от 17 ноября, манифесте от 25 ноября 1773 г., объявленном "всякого звания и чина" людям, говорится о "всякой вольности". То же находим в манифесте от 2 декабря 1773 г., данном во "всенародное известие", именном указе от 17 декабря 1773 г. оренбургскому губернатору И.А.Рейнсдорпу, именном указе директору Правления оренбургских горных заводов И.Д.Тимашеву от 21 декабря 1773 г., именном указе старшине яицких казаков М.М.Бородину от 21 декабря 1773 г.¹³

Некоторые указы провозглашают "вольность и свободу", "свободную вольность". Это относится прежде всего к повстанческим указам, созданным в июне-июле 1774 г., т.е. на завершающем этапе восстания. В манифесте, объявленном "во всенародное известие", в декабре 1773 г. сообщалось, что бояре лишили народ "воли и свободы"¹⁴. В манифесте от 28 июля, наиболее ярко выразившем лозунги восставших, провозглашалась "вольность и свобода"¹⁵.

В именном указе атаману и казакам Березовской станицы и всему Донскому Войску объявлялось о намерении "учинить во всей России вольность"¹⁶.

Возвращаясь к тем указам, в которых содержался призыв к "вечной" или "всякой" вольности, отметим, что наиболее распространено требование "всякой" вольности. В "вечной" вольности было заинтересовано прежде всего крепостное крестьянство. "Всякая вольность", "вольность и свобода" - это более емкие формулировки требований восстания. Возможно, учитывая разнообразный состав населения в районах восстания и ориентируясь на привлечение к движению не только крестьянства, но и разных категорий населения, в том числе городов, Пугачев и его сподвижники считали необходимым провозглашать не только главный лозунг - освобождение от крепостного гнета, но и освобождение от других видов зависимости и принуждения, которые использовались государством и господствовавшим классом. Это принудительная приписка крестьян к заводам, ограничение права перехода на другие посады, прав на торговлю и промыслы, разные злоупотребления властей и др. Все это задевало интересы как сельского, так и городского населения. Распространенность призывов "к всякой вольности" - это существенный момент, который нельзя не учитывать при оценке характера крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева.

Известно, что в манифестах и указах Пугачева провозглашалось пожалование землей, в которой было заинтересовано в первую очередь крестьянство. Уже первый указ от 17 сентября 1773 г. яицким казакам содержал это важнейшее положение. Из наиболее ярких в этом отношении документов назовем манифест от 28 июля, объявленный в Саранске, и от

31 июля 1774 г., объявленный в Пензе. Однако ряд повстанческих воззваний не содержит этого важнейшего положения, в них говорится только об освобождении от податей и рекрутских наборов. При этом обнаруживается, что его отсутствие относится к тем из сохранившихся указов, которые были обращены непосредственно к жителям городов Алатыря, Саранска, Пензы. И только один именной указ от 12 июля был выдан государственному крестьянину слободы Белый Яр под Екатеринбургом, названному "сыном Отечества", атаману Федоту Тихоновичу Кочневу. Что касается указов, объявленных в городах, то это – именной указ от 23 июля 1774 г. о производстве прапорщика Е.З.Сулдешева в полковники и о назначении его управителем г. Алатыря, именной указ от 28 июля о назначении прапорщика М.Шахмаметова управителем г. Саранска, именной указ от 3 августа о назначении секунд-майора Г.Г.Герасимова управителем г. Пензы, награждении его чином полковника и определении в товарищи к нему пензенского купца А.Я.Кознова.

Подавляющее большинство манифестов и указов неизменно объявляло об освобождении от подушных и "протчих денежных податей", "отягощенииев" рекрутских наборов и стремлении к "благополучию" "благощущему состоянию"¹⁷. Постоянным также было указание, в том числе и по отношению к горожанам, не причинять никому "обид, налог и притеснениеев". В именном указе от 28 июля о назначении прапорщика М.Шахмаметова управителем г. Саранска ему вменялось в обязанность защищать не только "всего уезду обывателей всякого звания и чина", но и "обывателей" "здешняго города"¹⁸.

Но защита интересов сельской и городской бедноты не могла осуществляться без борьбы с противниками восстания. И в этой борьбе определенное место, как свидетельствуют рассматриваемые повстанческие документы, отводилось тем, кто держал власть в своих руках в селах и городах. В указе Ф.Т.Кочневу в качестве важнейшей задачи выдвигалась борьба не только против "гордости наполненных дворян", но и "находящихся в г р а д е х (разрядка моя. – М. К.) губернаторов, воевод и протчих тому подобных мироедов", "обитчиков и ненасытных богатством судей", "злодеев-сребролюбцев"¹⁹.

Цель поднявшихся на борьбу народных масс – свергнуть власть дворян, а также тех, кто использует свое положение в корыстных целях в городах. В манифесте от 28 июля 1774 г. читаем: "Освобождаем всех [от] п р е ж д е чинимых от дворян и градских мздоимцев – судей, всем крестьянам (разрядка моя. – М. К.) налагаемых податей и отягощенииев"²⁰. В манифесте от 31 июля ставится под защиту весь народ: "Освобождаем всех от прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцев – судей крестьянам и всему народу (разрядка моя. – М. К.) налагаемых податей и отягощенииев"²¹.

Указы Военной коллегии и воззвания, составлявшиеся участниками восстания в разных его районах, в значительной степени составлялись

под влиянием манифестов и указов Е.И.Пугачева. Обратимся к этой группе документов и попытаемся выяснить, в какой степени их содержание было рассчитано на привлечение к восстанию городского населения. Прежде всего в отличие от манифестов и указов Е.И.Пугачева, большая часть из которых давалась как "всенародное известие", документы, составленные его сподвижниками, обращены конкретно к жителям определенных населенных пунктов, в том числе городского типа.

Среди документов местных повстанческих властей по радикальности звучания антифеодальной программы борьбы особо выделяется обращение И.Н.Грязнова "всякого звания людям" осажденного Челябинска (8 января 1774 г.).

Обращает на себя внимание общая оценка сложившейся в России обстановки: "Всему свету известно, сколько во изнурение приведена Россия, от кого ж, - вам самим то небезизвестно. Дворянство обладает крестьянами, но, хотя в законе Божием и написано, чтоб оне крестьян также содержали, как и детей, но оне не только за работника, но хуже почитали полян своих, с которыми гоняли за зайцами. Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работую удручили, что и в [с]сылках тово никогда не бывало, да и нет".

Призывая поддержать восставших, Грязнов пишет: "Нам кровь православных не нужна, да и мы такие же, как вы точно православный веры. За что нам делать междуусобная браны?.. Для чего напрасно умирать и претерпевать раззорение всем вам, гражданам... А вам наверное говорю, что стоять - не устоять. Пожалуйте, не пролейте напрасно свою кровь"²².

То, что в "изнурение приведена Россия" ставится в вину классовым врагам - дворянству и заводчикам" ("компанейщикам"), именно они "крестьян работую удручили".

Грязнов убеждает жителей Челябинска, "славного по России города, не проливать" напрасно свою кровь, оставаясь в лагере противников восстания, самое верное для них - сдаться и перейти на сторону восставших, так как у повстанцев и городского посадского населения одна цель - освобождение от дворян, администрации и заводовладельцев²³.

Указ Военной коллегии от 29 декабря 1773 г. и февральский указ 1774 г. были направлены на привлечение жителей Уфы и Красноуфимской крепости на сторону восставших, "дабы не привести нап[ра]сное кровопролитие"²⁴. Указы Военной коллегии жителям Оренбурга, Уфы, Саранска, Пензы и других городов отражали стремление расширить число сторонников восстания и содержали призывы подготовиться к торжественной встрече Пугачева, а также приготовить для армии продовольствие, фураж, лошадей под артиллерию.

Указ Военной коллегии от 1 августа 1774 г. выборному от ямщиков г.Инсара Г.Моисееву предписывает действовать в соответствии с манифестом Е.И.Пугачева от 31 июля 1774 г. Однако при довольно точном

воспроизведении текста манифеста в указе Военной коллегии имеется существенный пропуск. В манифесте говорится об освобождении от "злодеев дворян и градских мэдомицев-судей крестьянам и всему народу (здесь и далее разрядка моя. - М. К.) налагаемых по-датей и отягощений", в то время как в указе Военной коллегии, подписанном Иваном Твероговым, секретарем Алексеем Дубровским и повытчиком Герасимом Степановым, говорится только о крестьянах, опускается "весь народ".

Печать Государственной военной коллегии
Е.И.Пугачева. ЦГАДА.

Кроме того, в указе Военной коллегии основной враг - "злодеи-дворяне", в манифесте Е.И.Пугачева ими являются "противники и злодеи-дворяне".

Сопоставление текстов этих двух документов не приводит к выводу, что некоторые сокращения вызваны стремлением более сжато передать положения манифеста, так как в ряде случаев текст указа Военной коллегии несколько расширяется. Так, вместо "вольностью и свободою" в указе сказано "всяко вольностию и свободою", текст о земельных пожалованиях дополнен "и прочими всеми угодьями", призыв "противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами"²⁵, также расширен: "Противников власти и возмутителей империи и разорителей крестьян, всячески стараясь, ловить, казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе никакой христианства, чинили с вами, крестьянами"²⁶. Все это дает основание предположить, что манифесты Пугачева варьировались в зависимости от условий того района, населению которого они предназначались. Для района г. Инсара Военная коллегия считала важным призывы прежде всего к крестьянскому населению. Именно оно должно было возгла-

вить борьбу против "злодеев-дворян", а также "градцких мздоимщиков-судей".

После анализа сохранившихся текстов манифестов и указов специально рассмотрим повстанческие указы, содержание которых восстановлено благодаря приемам реконструкции, разработанным Р.В. Овчинниковым. Исследуя этот круг источников, сконцентрируем прежде всего внимание на выявлении данных, затрагивающих интересы городского населения.

В восстановленных текстах указов Е.И. Пугачева первого и второго этапов восстания в основном заключались призывы поддержать восстание, указания о наборе добровольцев в повстанческие отряды, о заготовлении провианта и фуража для снабжения "главного войска" Пугачева, определялись направления боевых действий повстанческих отрядов. В указах к жителям Оренбурга, Челябинска, Уфы, Осы повстанцы предпринимали попытки мирным путем склонить на свою сторону города, добровольно сдаться во избежание кровопролития.

Сохранилось свидетельство об указе, с которым обратился Е.И. Пугачев 30 сентября 1773 г. к татарскому населению Сейтовой слободы, призывая поддержать восстание и подготовиться к встрече. Указ был составлен пугачевским секретарем Балтаем Идеркеевым. Р.В. Овчинников предполагает, что в этом указе содержалось, как и в указах башкирским старшинам Кинзе Арасланову, Алибаю Мурзагулову и Кутлугильде Абдрахманову, обещание "материалных льгот" за верную службу, устранив преследований за мусульманское вероисповедание и притеснений со стороны прежней администрации, которые определили политику восставших по отношению к народам Урала и Поволжья на всем протяжении крестьянской войны²⁷.

Пугачев обращался с указами к крестьянам и мастеровым Воскресенского завода (октябрь 1773 г.), Вознесенского завода (октябрь 1773 г.), Кано-Никольского завода (октябрь 1773 г.), Белорецкого завода (октябрь 1773 г.), Авзяно-Петровского завода (октябрь 1773 г.) и др. Наряду с объявлением разных "льгот" и "выгод" они содержали распоряжения относительно производства орудий и боеприпасов.

Воззваний к жителям Казани не сохранилось, но некоторые тексты удалось восстановить. Помимо указа, посланного Пугачевым администрации Казани, "чтоб без баталии здался"²⁸, он обращался II июля 1774 г. с призывами к русскому и татарскому населению города. Об этом сообщала в своем донесении казанская губернская канцелярия в Сенат II августа 1774 г. В показаниях на допросах Е.И. Пугачева, И.Н. Белобородова, И.А. Творогова и Д.В. Верхоланцева²⁹ имеются также сведения о составлении названных указов. Первое положение указов заключалось в требовании сдачи Казани без сопротивления; второе касалось обещания предоставить казанцам "разных милости". Под ними подразумевались "те свободы и льготы трудовому народу, которые провозглашались антикрепостническими манифестами и указами Пугачева в июне и июле 1774 г." – указом атаману Ф.Т. Кочневу от 12 июня 1774 г., именным указом походному

старшине Ашменеву от 19 июня 1774 г., манифестом от 28 июля 1774 г., объявленным в Саранске³⁰.

Из показаний Творогова видно, что возвзвания к жителям Казани составлялись секретарем Дубровским при участии повытчика Военной коллегии Г.Степанова. Текст манифеста на татарском языке был составлен, видимо, находившимся в армии Пугачева башкирским старшиной Кинзей Арслановым, яицким казаком Идыркеем Баймековым и каргалинским татарином Садыком Сеитовым³¹.

Содержание манифеста, объявленного жителям г.Курмыша, во время торжественной встречи Пугачева 20 июля 1774 г. устанавливается по рапорту офицеров курмышской инвалидной команды в Военную коллегию 27 июля 1774 г. Офицеры писали, что из объявленного им пугачевского манифеста, будучи "в смертном страхе, едва припомнили мы, что он, Пугачев, объявляя себя всему народу, якобы природный государь и истреблен был со всероссийской престола дворянством, а ныне де десницею всевышнего сохранен и следуя для принятия всероссийского престола в Москву, и за то черни обещал казенную соль без денег давать, а податей и солдатства не брать на 5 лет, и дать им вольность, а дворянский род весь искренить"³². Этот утраченный манифест имеет сходство с повстанческими манифестами, обнародованными 28 июля 1774 г. в Саранске и 31 июля того же года в Пензе. Отмечалось вместе с тем и различие в содержании этих документов. Если в манифестах "во всенародное известие" от 28 и 31 июля 1774 г. освобождение народа от податей и рекрутских наборов (солдатчины) не было ограничено каким-либо сроком, оно объявлялось как бессрочное, то в "курмышском" манифесте речь шла о пятилетнем освобождении от этих повинностей. Кроме того, манифест не содержал положения о переводе крестьян в разряд казачества, что было провозглашено в последующих манифестах 28 и 31 июля 1774 г.³³ Р.В.Овчинников не отметил еще одно очень существенное различие рассматриваемых документов. В манифестах от 28 и 31 июля объявлялось, что крестьянам передавалось "владение землей, лесными, сенокосными угодьями, и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброка...". Причем они имели в этом отношении текстуальное сходство. В курмышском указе не содержалось этого важного, в первую очередь для крестьянства, положения о безвозмездном владении землей и всеми ее угодьями. Вряд ли офицеры инвалидной команды пропустили этот пункт, даже принимая во внимание то, что они не могли точно воспроизвести все подробности содержания "курмышского" манифеста Пугачева. Нам представляется, что указанное различие может быть аргументом в пользу предположения, что "курмышский" указ ориентировался на городское население Курмыша. Он, как и именной указ к жителям Алатыря, не содержал положения о земле. Но это не исключает, что манифест жителям Курмыша в целом, занимая "промежуточное положение между июньскими документами ставки Пугачева и его июльскими манифестами, отражал определенный этап в выработке

текста июльского манифеста, воплотившего в себе с наибольшей полнотой и завершенностью антикрепостническую направленность крестьянской войны"³⁴.

Помимо сохранившихся манифеста от 31 июля и указа от 3 августа, объявленных в Пензе, имеются свидетельства, позволяющие предполагать, что 1 августа при вступлении Пугачева в город был дан еще один указ.³⁵

Секунд-майор Гаврила Герасимов, давая показания в Казанской секретной комиссии 6 октября 1774 г., сообщил, что после въезда повстанцев во главе с Пугачевым в Пензу, Пугачев приказал "бывшему при нем казаку читать лжесплетеной свой манифест, чтоб все верили, что он есть государь Петр Федорович"³⁶.

О том, что в этот день прибывшие в город повстанцы обратились с указом к населению, подтверждается показаниями в Тайной экспедиции 9 декабря 1774 г. Тихона Андреева. Секретарь пензенской провинциальной канцелярии Андреев кратко сообщал и содержание указа: "Тогда злодей велел толпе своей казаку (а имяни и прозвания его не знает) злодейской мерской манифест, в котором, как он ныне припомнить может, упомянуто было, что будто он государь Петр Федорович и дворянством лишен престола"³⁷.

Сопоставляя этот отрывок записи допроса Андреева с показаниями Герасимова, мы не можем сделать заключение о полном совпадении передачи содержания указа, потому что имеются небольшие различия в оттенках передачи факта выступления Пугачева под именем Петра III. Герасимов говорил, что манифест прочитан, "чтобы все верили, что он есть государь Петр Федорович". Однако степень уверенности в точности передачи содержания манифеста у Андреева невысока – "как он ныне припомнить может".

Купец А.Я.Козлов более подробно останавливался на содержании манифеста, зачитанного в Пензе 1 августа. Он сообщал, что "читан был лже-составленный его манифест, именяя себя в оном Петром Третим и обещая народу разных свои милости"³⁸.

Бургомистр Б.Елизаров, согласно записи допроса, в тех же словах, что купец Козлов, передает содержание указа – обещание "народу разных милостей"³⁹. Как видим, как и в казанском указе, "льготы", "милости" не расшифровываются. Тот факт, что в этом указе включалось утверждение о "Петре III"–Пугачеве, не дает оснований считать, что зачитывался манифест 31 июля, обращенный к жителям Пензы и Пензенской провинции, поскольку он не содержал этого пункта.

В Пензе, как и в других городах, власти стремились уничтожить повстанческие документы. Так, вошедший в Пензу с карательным отрядом секунд-майор граф В.Меллин сразу же стал выяснять, "нет ли каких от злодея ложных указов", и от Андреева получил только указ о назначении Герасимова и Кознова.⁴⁰

Сохранился "Билет" – объявление населению Пензы о состоявшемся назначении новых властей. Приведем текст этого документа: "Сего августа 3-го числа по именному с.и.в. всевысочайшему указу, за подписанием

собственные е.в. руки, господин секунд-майор Гаврила Герасимов награжден рангом полковника. И препоручено ему содержать город Пензу под своим ведением и почитаться главным командиром. Да для наилучшаго исправления и порядка определено быть в товарищах Андрей Яковлевич Кознов. И во исполнение оного е.и.в. имяннаго высочайшаго указа по определению оных господ градоначальников велено обоим для надлежащаго сведения и должнаго повиновения в городе Пензе публиковать чего ради сим и публикуется. Августа 3 дня 1774 года. Воевоцкой товарищ Андрей Кознов"⁴¹.

В предшествовавшей главе отмечалось, что купечество Пензы организовало обед в честь пребывания Пугачева в их город. Во время обеда Пугачев обратился с весьма знаменательными словами: "Ну, господа купцы, теперь вы и все граждана жители называйтесь моими казаками, я ни подушных денег, ни рекрут брать с вас не буду. И соль казенную приказал я раздать безденежно по 3 фунта на человека"⁴².

Купец Кознов сообщал, что Пугачев, раздавая соль, говорил: "А впредь торгуй ею, кто хочет, и промышляй всякой про себя"⁴³.

Показания Кознова подтверждал другой представитель пензенского купечества – "первостатейный" купец Б. Елизаров. Сравнивая показания Елизарова с показаниями Кознова, убеждаемся, что по существу они совпадают. Согласно допросу Елизарова в Тайной экспедиции Пугачев гово-рил: "Ну, господа купцы, теперь вы и все градские жители называйтесь моими казаками, я ни подушных денег, ни рекрут брать с вас не буду, при-том... приказал раздавать безденежно по три фунта на человека соли и впредь, кто хочет, торговать и промышлять ею всякой про себя"⁴⁴.

Показательно, что именно представители купечества акцентировали внимание на тех пожалованиях, которые непосредственно относились к их интересам. Другие подследственные, не принадлежавшие к этому сословию, об обращении к купечеству ничего не сообщали.

Переходя к существу сказанного Пугачевым, отметим прежде всего про-возглашение свободы торговли и занятий промыслами. Это касалось, прежде всего, интересов купечества. Однако, как показали городские наказы в Уложенную комиссию 1767 г., за право на торговлю и промыслы боролись и крестьяне. Кого имел в виду Пугачев, говоря о "кто хочет" и "всяком про себя" – только купцов или всех своих, "Петра III"-Пугачева, "поддан-ных", – остается вопросом. И Кознов, и Елизаров это выражение не ком-ментируют, как и в целом не раскрывают своего отношения к настоящему и будущему социально-экономическому развитию страны. Но, видимо, сообщение властям во время допросов намерений предводителя восстания поддержать развитие торговли и промыслов, тем самым удовлетворить ин-тересы купечества, служило оправданием для тех, кто перешел на сторо-ну восставших. И конечно, заявление Пугачева, соответствующее многим обнародованным указам об отмене подушной подати и рекрутских наборов в данном случае с представителей купечества, соответствовало их тре-бованиям и не могло не вызвать самый положительный отклик в широких кругах этого сословия.

Устное высказывание Пугачева передается Козновым и Елизаровым в очень сжатой форме. Возможно, таким оно и было, но не исключено, что форма выражения была иной. Важно то, что запечатлено редкое суждение Пугачева, в какой-то степени определявшее перемены в области экономики. Одновременно затрагивалась и область социальных отношений. Купцов и всех горожан Пугачев объявлял "казаками", тем самым выражалось не-признание существовавших сословных различий и намерение их изменить, утопически идеализируя казацкий строй.

Встает вопрос: имело ли это устное высказывание Пугачева какое-то отношение к несохранившемуся пензенскому указу от 1 августа? В протоколах допросов указанных выше лиц, сообщивших о нем, отсутствуют сведения о торговле и промыслах. Отсюда можно предположить, что было устное распоряжение Пугачева. В то же время вряд ли следует полностью исключать, что оно основывалось на указе, не дошедшем до нас; возможно, оно являлось одним из положений указа от 1 августа.

Что касается истории написания указа⁴⁵ о передаче купцу Кознову семейства крестьянина Тихона Федосеева, составленного от имени "Петра III"-Пугачева, то имеются расхождения в передаче обстоятельств, связанных с этим необычным для действий восставших фактом. Купец Кознов на допросе показывал, что якобы он попросил секретаря Т.Андреева написать от имени "самозванца" указ "о имении мне находящихся у меня из найму крестьян в вечном услужении, почему Андреев оной и написал, но имена тех людей вписаны в нем мою рукою". Кознов пытался мотивировать свой поступок: "Все сие делал я из одного страха и в беспамятстве, а отнюдь не из вероятия ко лжесамозванцу, ибо я знал совершенно о смерти покойного государя, а равно и то, что сей самозванец донской казак Пугачев, однако же страха ради смерти нарушно называл его государем"⁴⁶.

Обращает на себя внимание, что при других допросах Кознова, а также Герасимова, Андреева, Григорьева вместо слов "вечное услужение" говорилось о "вечном и потомственном владении"⁴⁷. Так же определяется положение крестьянской семьи в самом документе, сохранившемся в составе следственного дела.

Секретарь пензенской провинциальной канцелярии Тихон Андреев говорил на допросе, что в тот же день, когда был написан указ о назначении новой власти, т.е. 3 августа, Кознов велел, чтобы он написал ему, Кознову, указ, "что государь его пожаловал жительствующими у него людьми в вечное и потомственное владение, почему он, Андреев, и велел подьячему, а какому именно не упомнит написать, о коих людях тот Кознов и дал своей руки записку, и как подьячей с императорским титулом ложной указ написал, то он и отдал тому Кознову, а оной, взяв, вписал еще имена тех людей своею рукою"⁴⁸.

Андреев отрицал, что Кознов, прия в канцелярию, в присутствии его, Герасимова, прапорщика Григорьева сообщал, что "казаки велели ему на людей тех, которых он при себе имеет во услужении из найму написать указ, который наш батюшка подпишет"⁴⁹. Это же показывали на допросе

прапорщик Илья Григорьев, т.е., что Кознов "таких речей" не говорил, а только настаивал, чтобы Андреев написал ему указ, что "государь его пожаловал жительствующими у него людьми в вечное и потомственное владение"⁵⁰. Таким образом, мы не можем получить однозначный ответ на вопрос, исходила ли инициатива передачи крестьянской семьи от повстанцев или от самого Кознова.

Л.Д.Рысляев связывал появление этого документа с благоволением Пугачева к пензенскому купечеству⁵¹. Случай трудно объяснимый, но показателен в том отношении, что связан с одним из представителей купеческого сословия. Известны лишь охранные грамоты, выдававшиеся купцам. Приведем текст этого необычного документа: "Божию милостию, мы, Петр Третий, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Всемилостивейше жалуем нашего города Пензы городского товарища Андрея Кознова жительствующим у него семейством крестьянина Тихона Федосеева и з женой Аксиньей Киреевой и з детьми Натальей, Андреем, Акулиной и Агафьей в вечное и потомственное владение августа дня 1774 года"⁵².

На левой стороне этого листа неразборчиво написано другой рукой еще несколько имен. Документ не датирован, но поскольку адресуется "воеводскому товарищу" А.Кознову, а назначение на этот пост состоялось по указу от 3 августа, то ранее он не мог получить "жалованный указ", позже - тоже маловероятно, так как 3 августа Пугачев оставил Пензу.

Поэтому есть основание датировать этот указ 3 августа. Л.Д.Рысляев справедливо указывал на то, что комментировать этот документ очень трудно. Но он высказывал предположение: может быть, речь идет не о крестьянах, а о дворовых людях, так как говорится о "жительствующем у него семействе". Со вторым суждением, высказанным Рысляевым в связи с этим указом, трудно сошласиться. Он пишет, что надо иметь в виду царистский характер идеологии Пугачева; освобождая крестьян от крепостной зависимости от дворян, Пугачев все же считал их "верноподданными рабами собственной нашей короны"⁵³.

Наконец, имеются сведения о том, как попал этот документ в руки карателей. Его передал полковнику Михаилу Веревкину писец (фамилия не указана) пензенской провинциальной канцелярии⁵⁴. Одновременно полковник получил от Андреева указ о назначении Герасимова и Кознова.

Первая попытка восстановить утраченный текст "саратовского" указа Пугачева от 6 августа 1774 г. принадлежит Л.Д. Рысляеву⁵⁵. Этот указ Пугачева был вручен делегации от саратовских купцов во главе с Ф.Ф. Кобяковым. Секунд-майор Саратовского гарнизона А.М.Салманов 26 сентября 1774 г. на допросе в Царицыне рассказал, что "купечество, цехи, бобыли, пахотные солдаты" до начала пушечной стрельбы послали купца Ф.Кобякова на "переговорку". Он, подтверждал Салманов, привез от пугачевцев "лист", "который в руки коменданту дошел, и он его изодрал, за что купечество через бургомистра Протопопова чинили выговор"⁵⁶. По свидетельству Пугачева, Ф.Кобяков сказал ему, что как житель г.Са-

рата "прислан к вашему величеству от всего города (разрядка моя. - М. К.), что вы пожаловали манифест, а то где народ желаєт вам служить, да только где нет манифеста"⁵⁷.

Пугачев приказал Творогову написать манифест и отдать Кобякову. По возвращении в город пугачевский манифест был отдан, как уже указывалось, саратовскому коменданту И.К.Бошняку.

В рапорте коменданта Бошняка астраханскому губернатору П.Н. Кречетникову от 8 августа 1774 г. находим данные о содержании "саратовского" указа Пугачева. Бошняк сообщал, что в этом указе "написано было, что все купечество, бобыли и пахотные (солдаты) (разрядка моя. - М. К.) будут защищены и пожалованы, и ото всех податей избавлены, и вольность дана будет; а штаб-обер-офицеров и дворян всех велел перевешать"⁵⁸. В этих словах раскрывается содержание единственного указа, обращенного непосредственно к купечеству, а не в целом к городскому населению. Эти льготы, отмечал Р.В.Овчинников, были обещаны Пугачевым посадскому населению Саратова за содействие в овладении городом⁵⁹. Добавим к этому еще и его стремление расширить лагерь сторонников восстания.

Л.Д.Рысляев предпринимал попытку восстановить содержание указа "методом сравнительных аналогий", привлекая близкие по времени и по месту назначения документы - указ от 31 июля 1774г., указ г.Пензен от 3 августа 1774 г., указ пугачевской Военной коллегии в Дубовку атаману Волжского казачьего войска В.Генеровскому от 18 августа 1774 г., "Жалованный указ" Пугачева пензенскому купцу Андрею Кознову, допросы пугачевских "командиров" в Цензе - Гаврилы Герасимова и Андрея Кознова. Однако такое толкование указа не всегда достаточно убедительно, на что справедливо указывал Р.В.Овчинников.

В Саратове Пугачев пожаловал Я.А.Уфимцева чином полковника и назначил атаманом, вручив ему свой именной указ об этом назначении 8 августа 1774 г. О содержании этого несохранившегося указа рассказывал сам Уфимцев на следствии: "По взятии Саратова зделан был он начальником не города, а названной Саратовской станицы, и дан был ему в том за са-мозванцевой рукой указ, который им, Уфимцевым, сожжен"⁶⁰. Этим указом он, Яков Уфимцев, объявлялся атаманом Саратовской станицы и "чтоб он, крайне наблюдая о сыске дворян, коих без всякой пощады вешал и казнил, и имение отбирал".

Указ Пугачева о назначении Уфимцева полковником и атаманом Саратовской станицы (Саратова) содержанием своим напоминал пугачевские указы июля - начала августа 1774 г. о назначении новой власти в городах Алатаре, Саранске, Пензе.

Правительственные войска, встревоженные поддержкой восстания со стороны населения городов, прилагали все силы, чтобы вытеснить повстанцев из городов, оплотов своей власти. Было очевидно, насколько успешно использовали повстанцы в агитационных целях свои победы. Восставшим было трудно противостоять хорошо вооруженным и обученным регулярным прави-

тельственным войскам, поэтому власть восставших держалась во многих городах лишь в течение нескольких дней. Но, несмотря на кратковременность пребывания в городах, сложность обстановки, они успевали осуществить ряд мероприятий. Прежде всего устанавливалась новая власть в лице "главного командира" и его помощника, которым "препоручался... город под своим ведением". Непременным указанием было: "на чиня никому обид, налог и притеснение". Что же касается "противников", то в отношении них следовало "поступать так, как обнародованным указом повелено, со всем неукоснительством"⁶¹.

В наставлении от 29 января 1774 г. атамана И.Н. Зарубина-Чики атаману С.Я.Кузнецову и есаулу Д.К.Юсупову строго предписывалось, управляя г. Осой, защищать население от "всяких злодеев и завистников"⁶². В отношении жителей г. Кунгура 4 мая 1774 г. указывалось, чтобы их "чрез поножение лукавых не утешать и не обижать"⁶³.

Выразительно для характеристики отношения повстанцев к мирному населению, в том числе городов, увещевание атамана И.С.Кузнецова, полковника Салавата Юлаева и атамана М.Е.Мальцева властям, священнослужителям и населению осажденного Кунгура (20 января 1774 г.), подтверждающее, чтобы "при взятие городов и приклонившихся к полной власти его величества от идущих армей никакого жителям притеснения, раззорения, обид, налог и безпопынного кровопролития не чинили". За нарушение этого приказа виновным грозило наказание вплоть до смертной казни⁶⁴.

В увещевании далее говорится: "Вот города Кунгура - не делают ли противление? Бедных посланников всех, не только простой народ, но и священнический чин, захватывая, со изнурением садят в тюрьмы! Пожалуй, усердно прошу, сего не чинить и до погубления себя не доводить!"⁶⁵.

В письме И.Н.Грязнова товарищу воеводы Исетской провинции В.И.Свербееву с призывом прекратить сопротивление и сдать Челябинск войскам Е.И. Пугачева от 8 января 1774 г. читаем: "Пожалуй, зделай себя счастливым, прикажи, чтобы без всякого кровопролития зделать и крови напрасно не проливать. Если же после сего последняго до вас увещания в склонность не придет, то, обещаюсь богом, подвигну мои, вверенные от его императорского величества войска, и уже тогда никаковой пощады ждать вам надеяться не предвижу от мала и до велика"⁶⁶.

Своих сторонников повстанцы защищали, выдавая им вверительные грамоты. Военная коллегия выдала 15 июля 1774 г. казанским купцам А.Кирпищникову и Ф.Серебренникову с их семьями билет на право проживания в д. Караваеве и на обеспечение их продовольствием⁶⁷. Видимо, владение таким билетом было следствием заслуг купцов перед восставшими.

Выборная повстанцами новая власть должна была смотреть за "казенными напидками, так и над продажей соляного". А в продажу употреблять по указу по-прежнему и деньги принимать под свое охранение, записывая в приходную и расходную книги без всякой утайки"⁶⁸, - говорится в наставлении об управлении г. Осой и волостью от 24 декабря 1773 г.

Постоянной мерой помощи городской бедноте являлась раздача продовольствия, чему, как сообщают источники, "народ радовался". В Пензе соль раздавали по 3 фунта на человека⁶⁹. Войдя в город, повстанцы выпускали из тюрем заключенных. Имеется свидетельство, что в Казани Пугачев содержавшихся в остроге "колодников всех к себе взял"⁷⁰.

Наряду с добровольным притоком сил в повстанческие отряды осуществлялась мобилизация населения сел и городов. О том, как она проходила в городах, свидетельствует объявление главного команчира г.Пензы Г.Г.Герасимова (3 августа 1774 г.). Герасимов сообщал, что с каждого из шести человек разных категорий населения должен быть выделен один человек. Предписано выделить из купечества 80 человек, с цеховых - 20, с пахотных солдат Пешей слободы - 71, Стародрагунска - 60, Конной - 140, Новодрагунской - 30, Черкасской - 60, с пушкарей - 11, с приставов - 7, с канцелярских сторожей - 7, с засечных сторожей - 5, с воротников - 2, с однодворцев - 7⁷¹.

Но чаще наблюдается другое - стихийный наплыв добровольцев. В своем рапорте повстанческий полковник Бахтиар Канкаев сообщал 14 июля 1774 г., что в Казанском уезде "всякого звания люди" "весьма охотно" идут служить в отряды повстанцев, "дабы от тяжких заводских работ и даней облегчение" было⁷².

Были случаи выступления посадских людей на стороне карателей. О таком факте доносил 10 февраля 1774 г. писарь П.Еговцев в Красноуфимскую станичную избу. По его сообщению, 30 января немалое число посадских людей г.Кунгура напало на Ильинский острожок. Нападение сопровождалось убийствами и грабежами⁷³. О противодействии "кунгурских купцов с обывателями" сообщалось в показаниях крестьян Сарапульской дворцовой волости Ф.С.Ломаева и А.Т.Гладырина.

Исследуя идейную направленность повстанческих возваний, нельзя не указать, что в ее разработке участвовали повстанцы, принадлежавшие по своему происхождению к купеческому сословию. Автором-составителем многих манифестов и указов являлся мценский купец Иван Степанович Трофимов, принявший во время восстания псевдоним и известный под именем Дубровский Алексей Иванович. Из его показаний⁷⁴ узнаем, что, растратив казенные деньги, он бежал на Урал, где нанялся на Златоустовский завод. В начале декабря 1773 г. 250 работников с златоустовских рудников, в их числе и Трофимов, были "угнаны", как говорил он на допросе в следственной комиссии, башкирами в селения мишарей. Там Трофимов вступил в башкирский отряд Мратко Батыря, а затем в отряд сотника Зверева, встретившись с ним на Кано-Никольском заводе.

В Берде Трофимова определили сначала в Молосовскую сотню казаком, а потом назначили секретарем повстанческой Военной коллегии (май 1774 г.), высшего военно-политического и административного центра восстания. Он верно служил Пугачеву и сопровождал его почти до Царицына. Захваченный в плен карателями в сентябре в низовьях Волги, у Енотаевской крепости, Дубровский содержался под следствием в Царицыне, где

Автографы сподвижников Е.И.Пугачева. ЦГАДА.

подвергался жестоким истязаниям. По пути в Казанскую секретную комиссию он умер в Саратове в конце октября 1774 г.⁷⁵

Дубровскому принадлежит составление знаменитого манифеста от 28 июня 1774 г., объявленного жителям Саранска и Саранского уезда. Созданием этого манифеста "венчались труды А.И.Дубровского (и ставки Пугачева в целом) по выработке идейной платформы движения, отражающей в то время (лето 1774 г.) по преимуществу интересы крестьянства".

Р.В.Свчинников писал, что при составлении манифеста были использованы формулировки предшествующих указов июня-июля 1774 г., но в манифесте от 28 июля они приобрели более радикальное звучание. Так, если в тех указах освобождение крестьян обусловливалось обязательством быть верными Пугачеву - "Петру III", манифест от 28 июля освобождал их от крепостной неволи без каких-либо ограничивающих условий⁷⁶.

Не только в боевых действиях, но и в развитии идейного содержания повстанческих манифестов и указов большую роль сыграл полковник Иван

Никифорович Грязнов, один из ближайших сподвижников Е.И.Пугачева. Он был выходцем из симбирских купцов. К началу восстания, разорившись, он работал по вольному найму на уральских заводах. В рядах повстанцев находился с октября 1773 г., развивая активную деятельность по подъему народного движения в Исетской провинции, в районе Челябинска, Красноуфимска, Осы, Казани. Погиб под Казанью в июле 1774 г.⁷⁷

Работник Косотурского железоделательного завода из посадских людей города Слободского Алексей Федорович Поторчинов (Поторчинов) (1723-1774) с мая находился в войске Е.И.Пугачева и участвовал в походе на Мамадыш на Вятке (начало июля 1774 г.). Позднее служил писарем в отрядах полковника Бахтиара Канкаева и Г.М.Лихачева (Макарова). Повстанческий полковник Г.М.Лихачев из крестьян д.Шиланки Казанского уезда называл Поторчинова в письме Б.Канкаеву своим "приятелем"⁷⁸. Сохранились четыре подлинника документов, написанных "казаком" Поторчиновым: рапорт есаула Г.М.Лихачева полковнику Карапаю Муратову с просьбой прибыть в д.Неелову для совместного выступления к Казани (16 июня 1774 г.), рапорт полковнику Канкаеву о следовании в д.Савруши (17 июля 1774 г.), рапорт полковника Б.Канкаева и есаула Г.М.Лихачева в Военную коллегию по охране перевозов через реки Каму и Вятку, с просьбой прислать наставления о дальнейших действиях отрядов (22 июля 1774 г.), а также известие полковника Канкаева полковникам Карапаю Муратову и Алибайу Мурзагулову с предложением прибыть в д.Карашурму (22 июля 1774 г.).

В двух последних Поторчинов называет себя "пищиком"⁷⁹. 27 июля он был схвачен карательями, доставлен в Казанскую секретную комиссию и по ее приговору казнен во Владимире 18 августа 1774 г.⁸⁰

В целом анализ повстанческих указов и манифестов с учетом некоторых конкретных событий в городах, расположенных в зоне восстания, свидетельствует, что городу придавалось огромное значение в ходе крестьянской войны 1773-1775 гг. Это объяснимо и не должно влиять на оценку роли борьбы крестьянских масс в селах и деревнях, уездах и губерниях. Города, являясь центром административно-политической власти господствующего класса, выступали ареной ожесточенной борьбы противоборствующих сил. Города были средоточием материальных и военных ресурсов, необходимых для снабжения армии повстанцев. Города - наиболее значительные по численности населенные пункты - служили источником пополнения сил восставших и опорой повстанческих отрядов.

На основе возваний, вышедших из лагеря участников крестьянской войны 1773-1775 гг., можно проследить расширение тех социальных кругов, на которые по мере нарастания народного протеста стремился опереться повстанческий центр. В зависимости от этого дополнялось и уточнялось содержание манифестов и указов. Конкретизация лозунгов восставших, в свою очередь, имела немалое значение в расширении социальной базы восстания. В этом взаимодействии рос народный протест.

I О в ч и н н и к о в Р.В. Манифести и указы Е.И.Пугачева: Источники.исслед. М., 1980. С.8, 9.

2 Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773-1774 гг. М., 1975. С.23.

3 Там же. С.24.

4 Там же.

5 Там же. С.25.

6 Там же. С.26.

7 Там же. С.27.

8 Там же. С.28.

9 Там же. С.36, 38.

10 Там же. С.28, 29, 33, 35, 46.

11 Там же. С.31.

12 Там же. С.31, 33.

13 Там же. С.35, 37, 39, 40, 41.

14 Там же. С.37.

15 Там же. С.47.

16 Там же. С.50, 51.

17 Там же. С.38, 40, 41, 42, 49.

18 Там же. С.47.

19 Там же. С.43, 44.

20 Там же. С.41-47.

21 Там же. С.48.

22 Там же. С.271.

23 Там же.

24 Там же. С.57, 60, 61.

25 Там же. С.48.

26 Там же. С.75.

27 О в ч и н н и к о в Р.В. Указ.соч. С.167, 168.

28 Там же. С.237.

29 Красный арх. 1935. № 69/70. С.213; Пугачевщина. М.; Л., 1931. Т.2. С.121, 149; В о л е г о в В.А. Материалы для истории пугачевского бунта в Пермской губернии // Календарь Пермской губернии на 1884 год. Пермь, 1883. С.28; Вопр. истории. 1966. № 4. С.121.

30 О в ч и н н и к о в Р.В. Указ.соч. С.237, 238.

31 Пугачевщина. Т.2. С.208, 219.

- 32 Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. Чебоксары, 1972. С.218, 219.
- 33 Овчинников Р.В. Указ.соч. С.242, 243.
- 34 Там же. С.243.
- 35 ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.20-25.
- 36 Там же. Л.20 об.
- 37 Там же. Л.40.
- 38 Там же. Л.24 об.
- 39 Там же. Л.48 об.
- 40 Там же. Л.39 об., 40. См.также: Документы ставки Е.И.Пугачева...
С.48., 49.
- 41 ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.15. Подлинник.
- 42 Там же. Л.24-25.
- 43 Там же. Л.25 об.
- 44 Там же. Л.24, 25 об., 49 об., 50.
- 45 Там же. Л.16.
- 46 Там же. Л.27.
- 47 Там же. Л.37, 44 об., 57, 57 об.
- 48 Там же. Л.45, 45 об.
- 49 Там же. Л.45.
- 50 Там же. Л.57 об.
- 51 Рысляев Л.Д. Восстановление содержания саратовского указа Пугачева и датировка двух его указов к донским казакам // Учен. зап. Псков. пед. ин-та им. С.М.Кирова. 1964. Вып.23.
- 52 ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.16.
- 53 Рысляев Л.Д. Указ. соч. С.78.
- 54 ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.44, 44 об.
- 55 Рысляев Л.Д. Указ.соч. С.71.
- 56 ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.102.
- 57 Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773-1775 гг. Ростов н/д., 1961. С.181; Овчинников Р.В. Указ.соч. С.247, 248.
- 58 Пугачевщина. Т.2. С.191, 192.
- 59 Овчинников Р.В. Указ.соч. С.248.
- 60 Там же. С.249, 250.
- 61 ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.17, 17 об.

- 62 Документы ставки Е.И.Пугачева... С.134.
- 63 Там же. С.314.
- 64 Там же. С.249, 251.
- 65 Там же. С.250.
- 66 Там же. Л.270.
- 67 Там же. С.72.
- 68 Там же. С.156.
- 69 ЦГАДА. Ф.6. Д.453. Л.20 об., 21 об., 25 об.
- 70 Там же. Д.454. Л.97.
- 71 Документы ставки Е.И.Пугачева... С.355, 356.
- 72 Там же.. С.332.
- 73 Там же. С.220, 221.
- 74 ЦГАДА. Ф.6. Д.512, ч.2. Л.147-154; Пугачевщина. Т.2. С.220-223.
- 75 Пугачевщина. Т.2. С.220, 221; Овчинников Р.В. Указ. соч. С.114, 120.
- 76 Овчинников Р.В. Указ.соч. С.131.
- 77 Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М. Пугачев и пугачевцы. Л., 1974. С.112-137; Овчинников Р.В. Указ.соч. С.433.
- 78 Документы ставки Е.И.Пугачева... С.345.
- 79 Там же. С.336, 341-343.
- 80 Пугачевщина. Т.2. С.323-325.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Екатерина II была не удовлетворена работой Уложенной комиссии 1767 г., прежде всего требованиями, с которыми выступили депутаты от крестьян, горожан и даже некоторых кругов дворянства. Все "эти три класса населения, - говорила императрица в беседе с Дидро, - основывают свои права на самых возвышенных понятиях: землевладелец взыскивает к праву собственности, купец - к свободе, простолюдин - к человеколюбию"¹. Сославшись на начавшуюся русско-турецкую войну 1768-1774 гг., Екатерина II распустила в 1769 г. Уложенную комиссию. Но Уложенная комиссия показала растущее значение городов в социально-экономической жизни России, и поскольку основным участником составления наказов выступило купечество, то и самосознание этого сословия. Оно заявило о недовольстве существующими порядками в стране. Однако представители купечества не отвергали общественно-политического устройства России - абсолютизма. Они представляли себе государство не иначе как состоящим из сословий с соответствующими строго определенными

правами. Как свидетельствуют материалы Уложенной комиссии, купечество мирилось с существованием крепостного права в условиях тогданий России. Но, по мнению купечества, владение людьми не должно быть исключительным правом одного дворянства; оно находило несправедливым не само крепостное право, а захват его одним благородным сословием. Купечество выразило желание иметь крепостных, потому что в России масса крестьян "состоит во владении у помещиков". Покупку крепостных в рекруты и для "домашней работы" оно считало даже выгодной с точки зрения государственной, так как позволяло им не отвлекаться и более эффективно вести полезную для экономики страны деятельность в области торговли и промышленности.

В то же время купечество как податное сословие стремилось к переменам и сопротивлялось давлению со стороны феодального государства, при котором сохранялись ограничения и юридическая принужденность городских "граждан". Оппозицию купечества вызывала политика правительства в отношении крестьянской торговли и промыслов, дворянского предпринимательства, покупки и продажи крепостных, многочисленных и обременительных служб и повинностей и др. Отстаивая свои преимущественные права на занятия торговлей и промыслами, оно решительно возражало против вторжения в сферу этих занятий крестьян, а также дворянства. Опираясь на многочисленные конкретные примеры, оно доказывало опасность конкуренции со стороны торгующего крестьянства. И хотя требований промысловых крестьян, добивавшихся разрешения перехода в купечество с освобождением от крепостной зависимости, встречало некоторое сочувствие купечества, оно недостаточно активно поддерживало их антикрепостническую борьбу.

В целом противоборствующими сторонами в Уложенной комиссии были, с одной стороны, депутаты от городов, главным образом купеческого звания, с другой - депутаты от крестьян, к которым присоединились посланцы от народов Казанской и Оренбургской губерний. С позиций своих интересов дворянство поддержало крестьян, добивавшихся расширения прав в области торговли и промыслов.

Использование купечеством законного пути реализации своих требований не дало результатов. Неоднозначно оно повело себя, когда разразилось восстание под предводительством Е.И. Пугачева.

Руководство восстанием придавало большое значение городу не только потому, что он был средоточием необходимых для восставших материальных ресурсов - город был местом обитания значительной массы людей. Поэтому руководство, используя доступные средства, добивалось их доверия и поддержки. В городском населении повстанцы видели источник пополнения своих сторонников. Отсюда целый ряд их воззваний, обращенных к жителям городов, и призывы не причинять им "обид, налог и притеснения", неизменное стремление мирным путем склонить горожан на сторону восстания.

Характерно, что в повстанческих воззваниях купечество в целом не названо в числе враждебной силы. В именном указе Е.И.Пугачева атаману Белоярской слободы Ф.Т.Кочневу от 12 июня 1774 г. к враждебному лагерю отнесены "злодеи сребролюбцы и гордости наполненные дворяне", находящиеся "во градах губернаторы, воеводы и прочие тому подобные мицеды". Согласно манифестам от 28 и 31 июля 1774 г. враги народа - это дворяне и "градские мэдоимцы-судьи"². Данные положения важнейших повстанческих манифестов в комментариях не нуждаются, в них со всей определенностью указаны "противники" из числа горожан. Поскольку прямо купечество к "противникам" не отнесено, то можно, лишь основываясь на действиях восставших, предположить, что под "злодеями сребролюбцами", "мицедами" имелась в виду и наиболее зажиточная часть купечества, близкая к административно-судебному аппарату абсолютной монархии.

Восставшие понимали внутреннюю расстановку сил в городе, тем более что среди близких к Пугачеву лиц были выходцы из обедневшего купечества. В привлечении этой части купечества на свою сторону руководство восстанием было заинтересовано. Возможно, боязнь ее отпугнуть в некоторой степени можно объяснить отсутствие прямых обращений к городским низам.

Уже отмечалось в исследованиях, что в своих воззваниях (указах и манифестах) восставшие "наиболее полно отразили те требования буржуазных демократических свобод, которые робко, в завуалированной и полонинчатой форме выдвигали перед правительством крестьяне, купечество, мастеровые и работные люди в своих членитых и проектах, в наказах в Уложенную комиссию 1767 г. и в выступлениях прогрессивных депутатов на заседаниях этой комиссии". Пугачев звал трудовой народ к преодолению крепостнических порядков в стране не путем вымаливания реформ и частичных уступок, а путем борьбы с крепостничеством и дворянским государством³.

С включением в зону восстания новых территорий росла его социальная и национальная база. Ряды сторонников искали в восстании удовлетворение своих социальных и экономических требований. В.И.Семевский писал, что "Пугачев и окружавшие его люди умели в каждом из разнородных элементов населения приуральского и поволжского края затронуть самую чувствительную струнку"⁴.

Провозглашенная пугачевцами программа была рассчитана на удовлетворение требований крестьян. Но она отвечала интересам "низших" по имущественному состоянию категорий городских обывателей, положение которых мало чем отличалось от положения крестьян. Манифесты и указы повстанцев были организующим фактором, объединяющим крестьян и городские низы в борьбе против крепостнического гнета. В социальном противостоянии они находились в одном лагере. Это существенный показатель взаимоотношений мятежных сил города и деревни в период крестьянской войны 1773-1775 гг.

Городская беднота – крестьяне (в том числе крепостные), пришедшие в город на заработки, пытавшиеся утвердиться за пределами крепостной деревни как свободные товаропроизводители или свободные наемные работники, вольнонаемные, мелкие ремесленники, обедневшие и разорившиеся купцы, выступили вместе с основным общественным классом – крестьянством, главным антагонистом господствующего класса феодалов, в борьбе против власти помещиков, заводовладельцев, "градских мздоимцев-судей". Городская беднота, именуемая в официальной документации "чернью", была среди наиболее активных участников восстания. Власти постоянно указывали в своих донесениях о поддержке Пугачева со стороны этой части горожан на протяжении всего периода крестьянской войны. Объявление воли, пожалование землей, освобождение от налогов и податей, рекрутских наборов, свобода вероисповедания привлекали их на сторону восстания.

Провозглашение повстанцами свободы и равенства людей как основы грядущего строя не могло игнорировать и купечество. Намечавшиеся повстанцами переустройства открывали более широкий простор хозяйственной самостоятельности, и это отвечало насущным потребностям купеческого сословия. Лозунги восставших в известной степени перекликались с теми требованиями, которые выдвигались купцами накануне восстания в Уложенской комиссии 1767 г. В одном из указов, адресованном к купечеству Саратова, объявлялось о намерении повстанцев защищать и жаловать это сословие, освободив его от подушной подати. В обращении к пензенскому купечеству Пугачев заявлял также об освобождении купечества от подушной подати и провозглашал свободу торговли и промыслов.

Таким образом, в этой части программа восставших шла на удовлетворение требований торгово-предпринимательского сословия. Показательно, что Пугачев желал видеть среди своих "подданных" казаков; в казаки он посвящал и купцов, выражая тем самым непризнание существовавшего в стране сословного различия. И в этом он шел дальше предложений, выдвинутых купечеством в Уложенской комиссии, направленных на консервирование сословных привилегий.

Известные в настоящее время источники не дают оснований для утверждения или предположения о заинтересованности повстанческого штаба или участников восстания – купцов разрешить в ходе борьбы более широкий круг вопросов, затрагивавших положение этой части городского населения. Здесь сказалась недостаточная активность и сословная ограниченность формировавшегося нового класса, проявившиеся в ходе антикрепостнического движения, начатого крестьянскими массами. Кроме того, нельзя не учитывать и давление абсолютистской власти во всех ее проявлениях.

Во время крестьянской войны 1773–1775 гг. представителей купечества видим не только в числе рядовых участников, но и среди руководства восстанием; эта близость к повстанческому центру была важным фактом, свидетельствующим о возможности влияния. По своему имущественному положению, как свидетельствуют выявленные материалы, значительная часть

участников из купцов принадлежала к обедневшей части этого сословия. Немало среди них было личностей не однозначных и противоречивых, действия которых не укладываются в логику классовой борьбы (например, купец Долгополов). Купцы оказывались в лагере восставших уже на первых этапах восстания. Но наиболее массовый характер приобрело их участие на третьем этапе крестьянской войны. Это следует объяснить широким размахом народного движения в целом и его успехами на третьем этапе восстания, более четко сформулированными лозунгами движения, провозглашенными в ряде поволжских городов. Немаловажное значение имел более высокий уровень городской жизни в Поволжье по сравнению с городами Урала и Приуралья, а также более глубокие процессы расслоения в купеческом сословии этого региона.

Поведение купечества во время восстания крайне насторожило и обеспокоило правительство. Оно настойчиво указывало выяснить, от кого "развратные толки и непослушание были, кто именно оказались изменниками из военнослужащих, купцов и прочих чинов"⁵. И не без оснований власти с недоверием относились к купечеству, отделяя верных и благонадежных купцов от "подлых и подозрительных"⁶.

Действительно среди купечества имелось немало враждебно настроенных к восстанию людей. Но был и добровольный переход на сторону Пугачева выходцев из купечества, возлагавших на него надежды, соответствующие интересам этого сословия. Кроме того, участие некоторых из них подталкивалось боязью оказаться лицом к лицу с крестьянской и городской беднотой. Часть купечества была втянута в восстание силой обстоятельств, и новая власть в городах использовала ее в корыстных целях.

В историографии, исходя из господствующей концепции классового антагонизма, именно случайность, как правило, выдвигалась в качестве основного объяснения участия в восстании представителей купечества (также как и дворян, и духовенства). Однако эта аргументация, на наш взгляд, не полна – не учитывает присущее человеку стремление к благу и справедливости, которое определялось не только классово-сословной принадлежностью и не замыкалось рамками непривилегированных сословий. Это стремление проявлялось уже в ранние периоды истории общества, более отчетливо – в период генезиса капитализма, сопровождавшийся размыванием старых сословных перегородок и формированием новых классов. В целом купечество сыграло по сравнению с основными участниками второстепенную роль в крестьянской войне. Это проявилось не только в количественном соотношении восставших, учитывая их социальную принадлежность, но и в том влиянии, которое оказало оно на выработку программных требований, выдвинутых в ходе восстания и сконцентрировавших будущие радикальные изменения в положении главным образом крестьянских масс. Новых по сравнению с Уложенной комиссией требований купечество в этот период классовой борьбы не выдвинуло. Участие городского населения, в том числе купечества, в значительной

степени сводилось к поддержке выступления против феодально-крепостнических порядков в стране. Но это был переход к открытым формам борьбы за удовлетворение своих требований. И как бы ни сказывались традиции предшествующих городских восстаний, эта борьба обогащалась новым опытом; она влияла на самосознание формировавшихся классов. В конкретных фактах, относящихся к социальной практике, усматривается схожесть и повторяемость развития действий в целом ряде городов, оказавшихся в руках восставших (свержение старой власти, выбор новой власти, захват городского казенного имущества, награждения за счет него горожан, объявление ему о вольности и освобождении от податей и налогов и др.). В осуществлении этой схемы действий определялись позиции разных группировок горожан. В первую очередь город давал сложный социальный состав участников восстания и в связи с этим оценку его как крестьянской войны позднефеодального периода.

Народ проявил героическую попытку изменить свое положение, но вооруженная борьба всегда является тяжким испытанием для общества, так как сопровождается большими потерями человеческих жизней и значительным материальным ущербом. И это особенно ощутимо сказалось на судьбе городов, ставших ареной жестоких боев повстанцев с правительственные войсками.

Правительству Екатерины II удалось жестоко подавить восстание, но стремление продолжить борьбу оставалось. Оно ярко выражено жителем г. Яранска купцом Матвеем Потехиным. Он утверждал, что "хотя де перепела и поймали (имея в виду Пугачева), но соловей еще остался жив"⁷.

После подавления крестьянской войны 1773-1775 гг. правительство Екатерины II было вынуждено пойти на ряд уступок. Начав реформы по укреплению дворянской диктатуры на местах, Екатерина II позаботилась прежде всего об упрочении социальной опоры самодержавия в городах. Манифестом от 17 марта 1775 г.⁸ вносились значительные изменения в структуру посадского населения. В результате купечество было разделено на две части - купцов и мещан. Купцом мог считаться отныне лишь тот, кто обладал капиталом в 500 руб. и выше. Остальная часть купцов отчислялась в сословие мещан с уплатой подушной подати (1 руб. 20 коп.). Этим законодательным актом правительство очистило купечество от малоимущих членов, скомпрометировавших себя в глазах властей в годы восстания Пугачева. Наиболее состоятельная часть купечества, а также купцы первой и второй гильдий освобождались от телесных наказаний, обрели широкие права на заведение промышленных предприятий во всех отраслях, кроме винокурения, а также на ведение торговли.

Численность купцов значительно сократилась. Но важно отметить, что деление на гильдейское купечество существенно отличалось от сословного строя в России, препятствовавшего переходу из одного сословия в другое. Теперь главным было наличие соответствующего капитала. Важнейшее право, которое было дано купечеству (1776 г.) - это освобождение

от подушной подати. По новому положению она заменялась 1%-ым налогом с капитала. В 1776 г. купцы всех гильдий получили освобождение от рекрутской повинности, замененной денежным взносом в 360 рублей за каждого рекрута⁹. В 1785 г. гильдейское купечество было освобождено от обязательной службы при продаже вина, соли и др.

В ходе областной реформы был ликвидирован ряд захиревших городов и учреждены новые города на месте торговых и промысловых сел и слобод. Учреждение новых городов сопровождалось переводом их жителей в городские сословия – таким образом увеличивалась общая численность городского населения России.

Все изложенное показывает, что правительство, по существу, удовлетворило многие требования, которые выдвигались в городских наказах в Уложенной комиссии 1767 г. Но полученные привилегии распространялись на наиболее состоятельную часть купечества. Именно эти круги правительство Екатерины II рассчитывало сделать опорой своей власти в городах. И пошло оно навстречу запросам купечества под воздействием крестьянской войны 1773–1775 гг. и участия в ней городского населения.

1 О состоянии России при Екатерине Великой: Вопросы Дидерота и ответы Екатерины // Рус.арх. М., 1880. Т.3. С.19; Дидро и Екатерина II: Их беседы, напечатанные по собственноручным запискам Дидро с пояснительным очерком и примечаниями Мориса Турнё. СПб., 1909. С.143.

2 Крестьянская война 1773–1775 гг. в России: Документы из собрания Гос.Ист. музея.М., 1973. С.96, 97; Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773–1774 гг. М., 1975. С.43, 44, 46–48.

3 Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. М., 1966. Т.2. С.441.

4 Семёновский В.И. Крестьяне и царствование Екатерины II. СПб., 1881. Т.1. С.377.

5 ЦГАДА. Ф.6. Д.454. Л.176.

6 Там же. Л.139 об., 148 об.

7 Там же. Ф.349. Оп.1, ч.2. Д.7307. Л.3 об.

8 ПСЗ-1. Т.20, № 14275.

9 Там же. № 14509; Т.21, № 15721.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА):

Ф.6 – Госархив. Разряд УІ. Уголовные дела по государственным преступлениям;

Ф.7 – Госархив. Разряд УП. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция;

Ф.349 – Тайная экспедиция, Казанская и Оренбургская секретные комиссии;

Ф.419 – Арзамасская провинциальная канцелярия;

Ф.1100 – Оренбургская губернская канцелярия, или Канцелярия оренбургского губернатора И.А.Рейнсдорпа;

Ф.1274 – Архив Паниных.

Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИА СССР):

Ф.20 – Секретная экспедиция Военной коллегии;

Ф.ВУА – Военно-учетный архив, коллекция рукописей времени правления Екатерины II.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Обращение полковника И.Н.Грязнова к жителям Челябинска с призывом покориться войскам Е.И.Пугачева

Находящимся в городе Челябинске всякого звания людям.

Не иное что к вам, приятные церкви святой сины, я простираю руку мою к написанию сего: господь наш Иисус Христос желает и произвести соизволяет своим святым промыслом Россию от ига работы, какой же, говорю я вам.

Всему свету известно, сколько во изнурение приведена Россия, от кого ж, — вам самим то небезизвестно. Дворянство обладает крестьянами, но хотя в законе Божием и написано, чтоб оне крестьян также содержали, как и детей, но оне не только за работника, но хуже почитали поганы своих, с которыми гоняли за зайцами. Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работую удручили, что и в [с]ылках тово никогда не бывало, да и нет. А напротив тово, з женами и детьми малолетними не было ли ко господу слез!

И чрез то, услыша, яко изральян от ига работы избавляет. Дворянство же премногощадро отца отечества, великаго государя Петра Феодоровича за то, что он соизволил при вступлении своем на престол о крестьянех указать, чтоб у дворян их не было во владении, но то дворянем нежели ныне, но и тогда не пользовало, а кольми паче ныне изгнали всяким неправедным наведением. И так чрез то принужденным нашолся одиннадцать лет отец наш странствовать, а мы, бедные люди, оставались сиротами. А ныне отца нашего, хотя мы и старание прилагаем возвести, но дворянство и еще вымысел зделало назвать так дерзко бродягой донским казаком Пугачевым, а напротив того, еще наказанным кнутом и клеймы имеющим на лбу и щеках. Но естли б, другие и приятные святые церкви чада, мы были прещадро отца отечества, великаго государя Петра Феодоровича, не самовидцы, то б и мы веры не прияли, чрез что вас уверяем не сумневатца и верить действительно и верно — государь наш истинно.

Чего ради сие последнее к вам увещание пишу: приидите в чувство и усердно власти его императорскому величеству покоритесь. Нам кровь православных не нужна, да и мы такие же, как и вы точно, православные веры. За что нам делать междуусобных бран? А пропади тот, кто государю не желал добра, а себе самому! Следственно, все предприятия вам

уже разуметь можно, и если вы в склонность притти не пожелаете, то уже говорю нескрятно: вверенные мне от его императорского величества войска на вас подвигнуть вскоре имею, и тогда уже вам, сами разсудите, можно ли ожидать прошения.

Мой совет: для чего напрасно умирать и претерпевать раззорение всем вам, гражданам? Вы, надеюсь, подумаете, что Челябинск славной по России город и каменную имеет стену и строение - отстоитца. Не думайте, приятныя: предел от бога положен, его же никто прейти не может. А вам наверное говорю, что стоять - не устоять. Пожалуйте, не пролейте напрасно свою кровь. Орды неверные государю покорились, а мы противотворничаем. Затем, скрата сим, остаюсь.

Генваря 8 дня 1774 года.

Посланной от армии его императорского величества главной армии полковник Иван Грязнов.

Н а д т е к с т о м: Подано генваря 8[ч]исла 1774 году.

Ц Г А Д А. Ф. 6. Д.504, ч.2. Л.463-464 об. П о д л и н -
н и к.

О п у б л . в с б.: П у г а ч е в щ и н а . Т. I , № 70;
Д о к у м е н т ы с т а в к и Е.И. П у г а ч е в а , п о в -
с т а н ч е с к и х в л а с т ей и у ч р е ж д е н и й . № 39I.

Манифест, объявленный во всенародное известие жителям
города Саранска и его округи

Божию милостию мы, Петр Третий, император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется во всенародное известие..

Жалуем сим имянным указом с монаршеским и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве, в подданстве помещиков, быть верноподданными собственной нашей короны рабами и награждаем вольностию и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владением земель, лесными, сенокосными угодьями, и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку, и прочими всеми угодьями, и свобождаем всех от прежде чинимых от дворян и градских мздоимцов-судей всем крестьянам налагаемых податей и отягощений. И желаем вам спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян странствие и немалое бедствие.

А как ныне имя наше властю всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах, - оных противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян, всячески стараясь ловить, казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе малейшаго христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников злодеев-дворян всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет.

Дан июля 28-го дня 1774 году.

Петр.

Ц Г А Д А. Ф.6. Д.415, Л.53, 53 о б. П о д л и н н и к.
О п у б л. в с б.: Д о к у м е н т ы . . . № 39 .

Манифест во всенародное известие жителям Пензы
и Пензенской провинции

Божию милостью мы, Петр Третий, император и самодержец Всероссийский и протчая, и протчая, и протчая.

Объявляется во всенародное известие.

Хадум сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне; и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку; и свобождаем всех от прежде чинимых от злодеев-дворян и градцких мэдоимцов-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений. И желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян странствие и немалая бедствии.

А как ныне имя наше властию всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и водчинах, — оных противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян ловить, казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев-дворян, всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет.

Дан июля 31 дня 1774 году.

Петр.

Ц Г А Д А. Ф.1274. Д.174. Л.438, 438 о б. П о д л и н н и к.
О п у б л. в с б.: П у г а ч е в щ и н а. Т.1, № 19;
Д о к у м е н т ы . . . № 41.

Рассказ, записанный со слов одного из участников
в пугачевском бунте^х

"8-го января 1774 года мы в первый раз услыхали о приближении Пугачова. В то время я был горным писчиком и имел в своем распоряжении до 500 человек, которые работали в рудниках. Рассказы о поступках Пугачова, об его ненависти к помещикам и боярам везде возмущали народ

^х Рассказ этот несколько лет тому назад прислан был в редакцию одного из московских журналов, но по разным обстоятельствам не мог быть напечатан тогда же. Между тем он интересен, как рассказ о бунте одного из его, хотя и невольных, участников, тогда как большая

против начальников. В команде моей также нашлись отважные: заговорили, зашумели, перестали слушаться и грозили мне смертью, "как скоро будет сюда, - говорили они, - великий государь". Один из них даже бросил меня в рудную яму. Я был принужден бежать от моей команды; заводские прикащики спрятались в лесу, откуда после уехали в город Екатеринбург.

Ночью на 18 января я спрятался в деревне Крылосове у своего щурина. Около полуночи прискакали в деревню разъездные с ружьями и нагайками. Из них один был мой зять из деревни Черемши: он дернул меня нагайкой; я вспрыгнул с постели. Меня взяли, прицепили к стремени и дорогой от Крылосовой до Черемши вели, как преступника.

По утру, 18-го января, приехал на Билимбаевский завод последователь Пугачова, полковник Иван Наумович Белобородов, отставной канонир Кунгурского уезда, Богородского села, знавший истинного Петра III. Мне велели явиться к нему на завод. На квартире у прикащика, Антона Широколина, я упал пред ним на колена и просил прощения.

— Бог и великий государь прощают тебя, — сказал он. На нем был белый мужицкий тулуp, а за поясом висела сабля. Узнав, что я имел команду в 500 рабочих, он приказал мне на другой день выставить их во фронт и сделать им перекличку по горным спискам.

В шайке Белобородова находился тогда товарищем ему Кунгурского уезда татарин Алзраф, ревностный слуга Пугачова. Он первый провозглашал на соборищах: "Питер Педорович! Питер Педорович!" Кто при этом оказывал малейшее сопротивление, того он жестоко наказывал нагайкой. Звание старшин и походных сотников несли на себе Осокинского завода служители, ребята бравые, первые последователи Белобородова. Все они были одеты по-казаки, с саблями на поясе. Белобородов приобретал доверие своею трезвостью и кротким нравом и более любил раскольников, что делал и сам Пугачов, будучи злым раскольником.

Ночью я выстроил 500 человек в одну линию против квартиры полковника и ждал рассвета. Белобородов встал рано, ему доложили обо мне, и я тотчас был допущен.

— Что, любезный друг, исполнил ли мой приказ? — спросил он.

— Исполнил, ваше высокородие!

— Хорошо.

Он встал со стула, надел лисий малахай (шапку) с ушами и вышел к моей команде. Все умолкли. Белобородов осмотрел всю линию и выбрал до трех сот человек для себя; остальных не принял за малолетством и другими недостатками; скомандовал фронт, выдернул свою саблю и обернулся к старшинам и сотникам, которые мгновенно последовали его примеру.

часть известных доселе показаний об этом времени принадлежит официальным актам и воспоминаниям людей, действовавших против Пугачова, за исключением немногих признаний его соумышленников на допросах. Имя записывавшего рассказ со слов этого участника, к сожалению, нам не известно.

— Поздравляю тебя походным сотником, — сказал он мне, — а вас, ребята, с товарищем!

Я поклонился. Меня тотчас остригли по-казацки и дали мне саблю.

В этот день в народе было большое волнение. Мастеровые и крестьяне в пьяном виде бушевали по улицам. Конторские бумаги и архив вынесли на площадь и сожгли.

Кроме рудных рабочих, многие, кто по воле, кто из страха, пристали к шайке Белобородова. В числе их были и служители. Из них Герасим Стражев состоял при полковнике секретарем; другие исполняли иные должности. Служитель Поркачев поступил также в сотники.

Из Билимбаевского завода мы пошли на Васильевский (Шайтанский), где нас встретили с хлебом и солью. Белобородов занял дом заводчика Ширяева. Тут я умел его писать имя: Иван Белобородов, мою рукою водил его руку.

В этом месте произошла первая баталия: из Екатеринбурга пришла команда мастеровых под начальством капитана Ярополцева. Мы разбили ее и взяли 60 пленных, из коих полковник наш двоих повесил, двоим головы отрубил на плахе, четверых плетьями застегали, а остальных постригли в казаки. При этой баталии Белобородов удивил нас своим искусством стрелять из пушек.

На другой день сотник Поркачев отряжен был с командою на Утку Демидову, но был разбит одним из офицеров от царицы и попался в плен. Получив о сем известие, Белобородов двинулся на помянутый завод, но возвратился без успеха.

Пользуясь удалением нашего полковника, шайтанцы, подкрепленные екатеринбургской командою, взбунтовались и сожгли его квартиру. Мы удалились, пошли на Сергинские заводы, ныне принадлежащие господам Губиним, а оттуда на Кослинский завод, направляясь к Оренбургу. На этом заводе приводили жителей к присяге. Потом пошли в Богоряцкую слободу, где стоял другой полковник Пугачева, Самсон (фамилии не припомню), также безграмотный. Здесь оба полковника соединились, но нас разбили, и команда разбежалась. Кослинский мужик увез Белобородова на Саткинский завод. Мы уже не являлись к нему после. Тут мы взяли Пасху, сожгли завод и отправили рапорт к Пугачеву в Берды, под Оренбургом, где стоял самозванец. Тут же мы узнали, что его разбил князь Голицын.

Из Сатки мы поспешили к Пугачеву и нашли его под Магнитной крепостью. Здесь явились к нему три полковника, два уже известные вам, а третий шел из Сибири. Мы издали увидели, как Пугачев с своими наездниками разъезжал по степи за крепостью. Он принял нас за неприятелей, потому что мы шли стройно (он не ходил стройно) и послал узнать о приближающейся силе. Посланые донесли ему, что идут его полковники. Он подъехал к своим палаткам, поднял знамя и ждал дружины: мы преклонили ему свои знамена.

При первом взгляде на мнимаго царя я не верил глазам: я видел портреты истинного Петра III, сравнивая черты того и другого, нашел мно-

го несходства. Скоро я узнал в нем обманщика, но оставить его не смел и боялся подать повод к малейшему подозрению.

Пугачов был средняго роста, корпусный, в плечах широк, смугловат, борода окладистая, глаза черные и большие. На нем была парчевая бекеша, род казацкаго троеклина, сапоги красные, шапка зделана из покровов церковных, пограбленных его приверженцами, большею частию раскольниками и яицкими казаками. Голос Пугачова несколько сиповат. Сам он речист и деятелен.

Во время разъезда Пугачова по улице в Магнитной крепости, когда ее взяли, одна женщина выстрелила в него из окна и ранила в правую руку. Ее изрубили. Раненый самозванец не мог сидеть верхом: он ездил в коляске.

Из этой крепости пошли в Троицкую и взяли ее, но скоро оставили, потому что за нами шел от царицы генерал Декалонг. Передовая его колonna настигла нас. Меня окружили солдаты, сбили с коня, но я не оробел, бросился на одного из них, проколол его пикою и на коне его ускакал.

Опасаясь вторичнаго поражения, Пугачов бежал на Красноуфимск. Здесь остановила нас команда от царицы под начальством капитана Попова. Заязалась жаркая баталія и кончилась ничем. Меня ранили.

Из Красноуфимска взяли влево и пришли в Осу. Город этот был под командой майора Скрипицына. Для охраны от самозванца его укрепили деревянным заплотом; с навесов и с батарей, устроенных внутри крепости, жарили в нас картечью, бросали каменья, лили на нас горячую воду, смолу и масло. Пугачов скомандовал своим, и тотчас навезли огромные возы соломы в несколько рядов, спрятались за них, начали стрелять да подвигать вперед, и наша взяла. Из крепости перестали стрелять; все жители собрались, тихо зазвонили в колокола и отворили ворота. Но еще прежде обезоруженные солдаты, распустив волосы по плечам, унуло шли к нам; тут же сняли с них мундиры, остригли и одели по-казакки. Майор Скрипицын сдался пленным и следовал вместе с поручиком Минеевым, бывшим под его командою, за Пугачовым до пристани Рождественского завода господина Демидова; он принял веселый вид, разъезжал и советовался с Пугачовым. Это было в июне.

Пугачов со всем шайкой переправился на другую сторону Камы. Скрипицын, с поверенным князей Голицыных, Клюшниковым, ночью отправили письмо по Каме в Воткинский завод к исправнику Алымову, уговаривая его вооружиться против Пугачова, потому де что самозванец сей находится у них почти в руках. Поручик Минеев, проведав заговор, открыл измени: посланных догнали на Каме. На следующий день Пугачов повесил Скрипицына и поверенного. Поручик, доказавший свою верность самозванцу, зделался его любимцем.

Из Рождественской пристани пошли вниз по Каме на Воткинский завод. Здесь нам не сопротивлялись: начальники завода оставили его без защиты. Управляющий скрылся в одной отдаленной избе. Полковник Грязной, поставленный охранять завод, засел в пруд, выставя немного голову. Нашлись люди,

которые тотчас указали нам обоих: управителя сожгли в избе, обложив ее соломой, Грязного повесили.

Отсюда ушли мы на Ижевский завод, где встретили нас хлебом и солью. Прошли тихо и смирино.

В это время нас набралось до 5 000; Пугачов решился итти на Казань. Пришли и стали на Арском поле. Пугачов написал манифести и послал в город. Казанцы издавались над его посланиями. На другой день мы двинулись на Казань. Погода предвещала нам успех: ветер дул прямо на неприятеля. Завязалась резня страшная; густой дым пошел прямо на город, наши били неприятеля с вала; вошли в город, зажгли его. Человек 15 храбрецов уже ворвались было в крепость, но их там заперли. Вокруг крепости все жгли и грабили. Пугачов хотел задушить головнями засевших в ней. Разграбили монастырь и игуменью с монахинями вывели на Арское поле. Разбили тюрьму и освободили арестантов; здесь заключены были жена и сын Пугачова.

В числе добычи вывезли на Арское поле 15 бочек вина: самозванец любил угождать дружины после всякой победы. Настала ночь; развели огни, составились шайки по полкам; началась попойка. Пугачов сам разъезжал по стану. Говор и песни не умолкали до полуночи, но едва затихли, как раздалась тревога. Михельсон, занимавший село Царицко, напал на пьяных. Кто куда мог, давай Бог ноги! Много тысяч и вся наша артиллерия взята победителем.

На другой день опять сражение: дым пошел в нашу сторону, нас сбили с поля. 5 000 человек, под начальством Белобородова, были отрезаны и взяты в плен, не исключая начальника. Пугачов, разбитый под Казанью, бежал с остальной шайкой вверх по Волге, в Сундырь. Обезоруженных пленников подполковник Михельсон стал отпускать по домам и велел находившемуся при нем Гавриле Владимирову, знатному лично самозванцу и некоторых его приверженцев, осматривать отпускаемых пленников. Гаврила Владимиров был служитель Сергинского завода; сначала служил Пугачову, был с Белобородовым в Саткинском заводе, оттуда ездил с рапортами к Пугачову, после перешел к Голицыну, а потом к Михельсону. Осмотр делали с тем, не найдут ли между простыми мужиками какого-нибудь из соумышленников Пугачова; Гаврила узнал Белобородова: его схватили с дочерьми, бывшими с ним в походе. После, как слышно было, Белобородов увезен в Москву и там казнен.

Сундырь сожгли и разграбили за то, что жители его погрузили барки в воду, чем и затруднили нашу переправу за Волгу.

От Сундыря направились мы мордовскими и черемискими деревнями. Жители их более всего жаловались на попов за их поборы, и видя, что Пугачов не щадил их, они сами тирански управлялись с ними: вешали на ворота и иными средствами мстили за себя.

В Курмыше на Суре, близ Алатыря, на одном острове человек до 200 бояр со своими людьми и пожитками укрылись от нас, вооружась, впрочем,

кто чем мог, на случай опасности. Завидев нас, крепостные люди связали их и выдали нам: их кололи пиками, а младенцев о землю хлестали.

Алатырь взяли. Оттуда пошли в Саранск. Здесь самозванца встретил архимандрит монастыря Саранской пустыни с крестом. Пугачов ездил в обитель его обедать. После князь Голицын повесил архимандрита.

У этого города в стан Пугачова привезли генерала Цыпликова с женой, двумя дочерьми и малолетним сыном. Их казнили позорно: жену и детей повесили, а Цыпликову отесали бока, и когда он упал, то в рот вколотили кол.

Оттуда прошли через Пензу в город Петровск, где встретили нас без боя; но мы, боясь Суворова, пошли в Саратов. Здесь на лугу, у берега Волги, произошла сильная баталия между жителями и гарнизоном. Солдаты преклонились Пугачову, а предводители их бежали в Царицын. Мы же, преследуемые Суворовым, пошли в Дубовки. На пути явились к Пугачову донские казаки в числе 500 человек с полным вооружением, снарядами и блестящими пиками. Самозванец принял их с великою честию.

В городе Камышине распустили тюрьму и разбили винный подвал. До 600 бочек пролили; пить не давали. Арестанты черпали пролитое вино ушатами, шляпами, пили нападкой и в пьяном разгуле дебошировали по городу. Но мы не смели долго оставаться тут; пошли на Царицын, дали один выстрел в Московские ворота и, не останавливаясь, пошли на Астрахань. Не доехав до Черноярска, остановились ночевать. Михельсон шел за нами и ночью приблизился версты на три. У нас в это время было до 60 орудий и войска до 60 000 человек. Утром, на заре, сошлись две противные стороны, завязалась жаркая баталия. Вновь присягнувшие самозванцу, донские казаки, оказались изменниками: главные орудия наши они заколотили и изрубили лафеты. Разбитый Пугачов бежал в Черный Яр с 6 человеками из своих соумышленников; они все переплыли за Волгу и спрятались в камыш, между Волгой и Яиком, в Узени. Товарищи его, видя всю превратность судьбы, связали и привезли его, сначала в Яицкую крепость, а потом в город Симбирск, где находились тогда Суворов и Панин. Заковав руки и ноги, самозванца посадили в железную клетку и отослали в Москву.

К этому любопытному рассказу о действиях самозванца очевидец Верхоланцев присоединил несколько слов о самом себе.

"Я уже сказывал, что на Билимбаевском заводе полковник Белобородов пожаловал меня в походные сотники: в этом чине служил я до 7-го августа 1774 года, был почти во всех баталиях, сперва с Белобородовым, потом с самим Пугачовым и слыл отважным наездником. При сражении близ Красноуфимска я был ранен; здесь, недалеко от моей родины, я думал было бежать от самозванца, но не мог, боялся Пугача, который велел смотреть за мною и раненого меня возили на телеге. С другой стороны грозила другая беда: окрестности Красноуфимска и Кунгура были заняты солдатами и вооруженными мужиками под начальством капитана Попова. Я слышал, что он не дает потачки нашему брату.

Под Осой я не мог еще быть в баталии и сидел в обозе. Но под Казанью я уже был здоров.

В Саратове пожаловал меня Пугачев в полковники третьего Яицкого полка. Это произошло следующим образом: 7-го августа 1774 года, в день моего ангела, я решился поднести Пугачеву 15 яблоков. У палатки его меня остановили, чтоб доложить ему. Я стал на колени и поставил на голову блюдо с яблоками. Когда вышел самозванец, я закричал: "Здравия желая, ваше императорское величество!" Самозванец спросил, как меня зовут, и велел справиться в святыцах, не обманываю ли я его. Потом возвратился в шатер, и вскоре вынес на том же блюде 15 аршин кармазинного сукна, столько же золотых и нужные знаки для мундира полковничего, поставил мне на голову и сказал: "Поздравляю тебя полковником третьего Яицкого полка". Я поклонился. На другой день мундир мой был готов, товарищи меня дарили и поздравляли.

По разбитии самозванца под Черным Яром, я в числе многих был взят и отослан на суд в Москву.

В Москве не столь важных соучастников Пугачева казнили и вешали по жребию; а жребии были в виде билетов, надписаны: "казнить, простить", свернуты в трубки и перемешаны.

Мне достался жребий "простить" и несколько нагаечных ударов в спину".

Горный Писчик Верхоланцев.
Сообщил Н.Попов.

Чтения ОИДР. № 1862, кн.3.

Показания на допросе в Верхоломовской воеводской канцелярии кадомского купца Трофима Евсевьева.

II октября 1774 г.

Того же де 1774 года октября II дня прислан при указе из тамбовской провинциальной канцелярии в ту верхоломовскую воеводскую канцелярию Верхоломовского уезда села Охлебинина экономический крестьянин Трофим Евсевьев, который в оной верхоломовской канцелярии распрашиван.

А распросом показал: подлинно де Трофимом его зовут, Евсевьев сын, прозвания не имеет, отроду ему двадцать лет, родина его в городе Кадоме, купец, и в подушном окладе написан. И назад тому седьмой год, из того города без всякого письменного виду, сожед, пришел Верхоломовского уезда в село Охлебинино ко вдове, дворянской жене Прасковье Ивановой дочери Веденяшиной, у которой и жительство имел.

И того 1774 года, а в котором месяце и числе, того не упомнит, приехали известной воровской пугачевской толпы разбойники, человек с двадцать и больше, объявили, что де они государя Петра Федоровича и государь де жалует всех, что де подушных и рекрут не будет десять лет. И поехали в дом помещика Семена Прохорова сына Охлебинина в небыт-

ность его в доме, и побыв в том доме малое время, и ис того села поехали, а он, Трофим Евсевьев, свою волю поехал с ними и приехали обще с атаманом Яковым Ивановым с товарищи его Верхоломовского уезду в село Веденяпино ко двору помещика Борноволокова. И оный атаман Иванов с товарищи пошли в дом оного Борноволокова, а он, Трофим, оставил на улице для караула у телег, и тот дом разбили. А при том разбою были того села все жители, а кто именно, того не знает. А из того села приехали того же уезду в деревню Рузанову помещика Ивана Абрамова сына Богданова, в небытность его, дом разбили и пожитков взяли многое число.

Из той деревни приехали в село Рузаново в дом помещицы вдовы Пелагеи Ивановой дочери Бисленевой, и дом ее разбили. И по разбитии того дома дворового ее человека, а как именем и отечеством – не знает, столяра, оной атаман оной же помещицы крестьянам велел повесить, которого и повесили на воротах, а кто вешал, по именам не знает.

Из того села приехали того же уезду в деревню Ульяновку в дом помещика Акима Васильева сына Иванчина и тот дом разбили, а его, Иванчина, оной атаман Иванов тесаком изрубил до смерти и по изрублении также и жену его велел крестьянам его повесить, которые и повесили на воротах, а кто именно вешал, не знает.

Из той деревни приехали того же уезду в село Зубово и по приезде в том селе три дома помещичьи разбили, и по разбитии в том селе дворянина Петра Веденяпина с сыном его повесил оной атаман со крестьянами его, а как их зовут, не знает,

Из того села приехали в город Наровчат в дома однодворцев: Афонасью Коровину, Степану, а прозваньем не знает, Ефиму Бачкову, а погребенные пожитки привезли в дома их, а куда девали те воровские пожитки, ему не объявили, и из тех пожитков он, Трофим, не брал; и в том городе имелись дней с восемь.

И из того города приехали в город Нижний Ламов, не чиня разбоев; а на другой день поехали в город Верхний Ламов и наехали под тем городом близ реки Шуструя на другую воровскую толпу называемого полковником Михайлу Евстратова с толпою. И соискался, атаман и с полковником приехали в тот город, и близ города в околице того города многое число обыватели с попами, кои имелись в ризах и с образами и со крестами, с хлебом и солью встречали. И в том городе, как воеводский, так и воеводского товарища, секретарский, подьяческие и прочих чинов людей дома многое число разбили, а в городовой крепости приказал обывателям вешать людей, которые и повесили трех человек, а кого именно и кто вешал, по именам их не знает.

И по разбитии того города приехали в деревню Макаровку в дом помещицы вдовы Анны Филипповой дочери Разгильдеевой, в небытность ее в доме, и тот дом разбили и в том доме отставного солдата, а как его зовут не знает, оной полковник и атаман приказали той деревни крестьянам оного солдата повесить, коего и повесили, а кто именно вешали, того не знает.

Из той деревни приехали в деревню Немировку и в той деревне неизвестно чей дом разбили и по приказу оных называющихся будто полковника и атамана одного человека повесили.

Приехали в деревню Федоровку в дом помещика Ивана Мещеринова и тот дом разбили, а его Мещеринова приказали оной полковник и атаман крестьянам его повесить, коего и повесили, а кто именно вешали, того не знает.

Из той деревни приехали в село Стяшково к помещице вдове Аксинье Ивановой, дочери Мещериновой, и дом ее и тот дом разбили. И по разбитии того дома поехали в деревню Тегаевку в дом помещика Ивана Вышеславцева в небытность его в доме том, дом разбили, а жену его те разбойники приказали крестьянам его повесить, кого и повесили крестьяне, а кто вешал, того не знает.

Из той деревни приехали в деревню Пашевку в дом помещика Петра Баскакова и в том доме имелись малое время, разбоя не чинили. Да в той же деревне Анны Егоровой дочери, прозванием не знает, дом разбили, а ее по приказу вышеописанных разбойников крестьяне ее повесили, а кто именно вешали, того не знает.

Из той деревни поехали в деревню Аксеновку и, нагнав на дороге вышеописанный помещик Баскаков с дворовыми своими людьми и со крестьянами, приехали все обще в дом помещика Александра Раевского и в небытность его в доме, дом разбили и тем разбоем взяли пожитков многое число. И при том разбое были вышеописанного села Охлебинина дворовые люди Василий Зотов с сыном Петром и оный Зотов, из разбойных пожитков наклав на собственную лошадь в телегу, а что именно не знает, поехал в дом помещика, а сын его Петр остался в той толпе; в то время в доме оного помещика Волженского вышеописанный помещик Баскаков во всю ночь играл в скрыпницу.

Из того села оные полковник и атаман ездили по близости в деревню Какуйку в дом помещика Максима Хомякова и дом его разбили, а его Хомякова велели крестьянам его повесить, коего при них и повесили, а кто вешал, за небытием в доме его Хомякова не знает.

Из той деревни Какуйки приехали обратно в показанное село Маркино, а из того села Маркина приехали в город Наровчат и оставили все воровские пожитки в домех у вышеописанных однодворцев.

Атаман Яков Иванов отвозил пожитки Наровчатского уезду в село Кочелаево в дом отца своего Ивана, а чей сын не знает, и те пожитки отдавал мачехе своей, а как зовут не знает. А он, Трофим, ездил с ним в то село с товарищи, всего пять человек, и возвратясь в показанный город Наровчат, и в том городе имелись три дни; и еще к той из разных жительств собралось многое число людей и поехали в город Керенск для разбития того города Керенска. Точио ту толпу под тем городом разбили и побили многое число разбойников и отбили пушек медных семь и по разбитии разбежались порознь. И пришед в город Наровчат с называемыми пол-

ковником и атаманом со многими людьми, а из того города Наровчата приехали в Нижеломовский уезд в село Пешое, и собралось их многое число с пушками, с ружьи и с копьи и со всяким дреколием, человек более тысячи. Поехали в город Нижний Ламов и, не доехав того города верст с пять, и из того города противу той толпы выехала гусарская команда и ту воровскую толщу разбили. И по разбитии ушли в бегство, и по побеге приехав на реку Баланду в Хохлацкую слободу, и в то время приехала казачья команда Лашинина для поиску разбойников, донские казаки, и ту толщу разбили. И от того разбития бежали и явились ко оному Лашинину, а оной Лашинин отоспал с таковыми же колодники в Новохоперскую крепость, а из той крепости присланы в тамбовскую провинциальную канцелярию, а из тамбовской провинциальной канцелярии присланы в верхнеламовскую воеводскую канцелярию при указе, а из оной канцелярии прислан он, Трофим, при вышеписанной промемории в кадомскую воеводскую канцелярию ко учинению с ним по законам.

Т х о р ж е в с к и й С.И.
П у г а ч е в щ и н а в по-
м е щ и ч ъ е й Р о с с и и . М .,
1930.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Авзяно-Петровский з-д 182, 185, 190
Азия 82
Азов, г. 148
Аксеновка, д. 221
Алатырская пров. 62, 65, 87, 89
Алатырь, г. 3, 41, 66, 79, 132, 135-140, 143, 174, 182, 184, 187, 191.
196, 217, 218
Алексеевск, пригородок 99
Арзамас, г. 32, 41, 66, 79, 141-143
Арское поле 217
Архангельск, г. 9, 49
Архангельская губ. 28, 81
Астрахань, г. 47, 57, 63, 72, 80, 83, 159
Астраханская губ. (Астраханский край) 28, 43, 46, 133
- Баланда, р. 147, 222
Балахна, г. 32, 41, 79, 83, 84, 142
Балахнинский у. 83
Барда, д. 101
Башкирия 59, 60, 97, 114, 116, 121
Башкирская АССР 52
Белая, р. 63
Белгородская губ. 28
Белорецкий з-д 25, 190
Белоярская (Белый яр), сл. 184, 187, 205
Бердская (Берда), сл. 106, 198, 215
Березовская станица 186
Билимбаевский з-д 214, 218
Бирск, г. 3, 101
Богородское, с. 214
Богоряцкая сл. 214

* Принятые сокращения: вол.- волость; г.- город; губ.- губерния;
д.- деревня; з-д - завод; креп.- крепость; пров.- провинция;
р.- река; с.-село; сл.- слобода; у.- уезд.

- Боровецкий з-д I26
Боровская сл. 83
Брянск, г. 8
Бугульминская (Бугульма) сл. 3, I26
- Василь, г. 55, 73, 74
Веденяпино, с. 220
Верхне-Озерная креп. I82
Верхнеломовский у. I46, I48, 2I9, 220
Верхний Ломов, г. 3, 4I, 42, I47, I48, 220
Верхотурье, г. I6, 57
Верхотурский у. II8
Владимир, г. 200
Волга, р. 24, 40, 44, 72, 76, 83, 97, 99, I00, I09, I32, I33, I58, I59, I62, I66, 2I7, 2I8
Волга Нижняя 83
Волга Правобережья I6, I43, I46
Воронеж, г. I44
Воронежская губ. 28, I33
Ворона, р. I47
Ворсма, с. 4I, 88
Воскресенский з-д I90
Восток 40, 46
Воткинский з-д 2I6
Вяземский у. I43
Вятка см. Хлынов
Вятка, р. 200
Вятская пров. 97
- Голландия 85
Городец, с. 4I, 83, 88
- Дмитриевск см. Камышин
Дмитров, г. 55
Дмитровск, г. 79
Добринка I64
Дон, Донского казачьего войска область 2I, I48, I80, 202
Дубовка, станица I33, I96, 2I8
- Европа 86
Европа Западная 7, I0, 22
Екатеринбург, г. 3, 37, 5I, 57, 58, 74, I0I, II6, II7, II8, I3I, I87, 2I5
Екатеринштат I69, I70
Елабуга, с. 3, I2I, I25, I26
Елецкая пров. 89
Енотаевская креп. I98

- Заволжье I21
Заинск, пригородок 3
Зайковское, с. II8
Зауралье II8, I31
Зимницы, с. I39
Златоустовский (Златоустовский) з-д I98
Зубово, с. 220
- Ижевский з-д 217
Илецкий городок I62, I83
Ильинский острожек (Ильинское), с. I98
Инсар, г. 41, 42, I45, I46, I88, I89
Иран 40
Ирбит (Ирбитская) сл. I4, I5, 25, 36, II8, II9, I31
Иргиз, р. I57, I58
Иркутск, г. 49, 57
Исетская пров. 39, 56, 62, 63, 65, 74, II7, II9, I20, I97
Ишеева, д. I41
- Кадом, г. 219
Казанка, р. I23
Казань, г. 20, 40, 43, 46, 47, 54, 64, 74-76, 82, 88, I01, I02, I04-I09, II2, II8, I21-I23, I25, I26, I28, I32, I33, I35, I55, I74, I90, I98, 200, 217, 219
Казанская губ. (Казанский край) 28, 54, 59, 65, 80, 82, 87, 97, I21, I22, I27, I28, I33, 200, 204
Казанский у. 57, 59, 88, I98, 200
Казахстан 37
Кайгородок, пригородок 57
Какуяка, д. 221
Кама, р. 97, I03, I09, I21, 200, 216
Камышин (Димитровск), г. 3, 79, I32, I33, I63, I65, I68, I76, I84, 218
Кано-Никольский з-д I90
Караваева, д. I28, I97
Карашурма, д. 200
Каргала (Сейтова), сл. 39, 59, 61, 96, I90
Каргала, р. 39
Касимов, г. 79, 87
Керенск, г. 42, 221
Княгинино, с. 41, 88
Козмодемьянск, г. 55, 60, 73, 74, 75, 79
Кокшайск, г. 3, I23
Кослинский з-д 215
Косотурский з-д см. Златоустовский з-д

- Кочелаево, с. I46, 22I
Кочовка, д. II8
Краснослободск, г. I6, 42
Красноуфимск, креп. 3, 57, I0I, II3-II5, I88, 200, 2I6, 2I8
Краснояровка, сл. I67
Крылосова, д. 2I4
Кубань I22
Кулюково, д. I26
Кунгур, г. 3, I6, 40, 55-57, 60, 66, 68, I0I, II4-II6, I2I, I97, I98, 2I8
Кунгурская пров. 65
Кунгурский у. 57, 66, I03, II3, 2I4
Курган, сл. 3
Курмыш, г. 3, 4I, I32, I35-I37, I39, I40, I43, I74, I76, I9I, 2I7
Курмышский у. I4I
Лифляндия I28
Ломовка, с. I59
Лысково, с. 4I, 88
Любимский у. 86
Магнитная креп. 2I5, 2I6
Мазино, с. I06
Макаровка, д. 220
Малыковская вол. I64, I65
Мамадыш, с. 200
Маркино, с. 22I
Медяна, с. I36
Мензелинск, г. I06
Мокшанск (Мокшаны), г. 42
Москва, г. 8, I0-I2, I9, 22, 23, 43, 49, 74, 99, I03-I05, I23, I35, I4I, I43, I44, I56, I62, I64, I66, I67, I72, I9I, 2I7-2I9
Московская губ. 28, 55, I33
Мурашкино, с. 4I, 88
Нагайбашкая (Нагайбакская) креп. I26
Наровчат, г. 3, 42, I46, I47, 220, 22I, 222
Наровчатский у. I46, 22I
Неелова, д. 200
Немировка, д. 22I
Нижнеломовский у. I46, 22I
Нижний Ломов, г. 3, 42, I46, I47, 220, 222
Нижний Новгород, г. 22, 32, 40, 52, 57, 66, 79, 83, I4I, I43, I72
Нижегородская губ. 28, 54, 59, 83, 88, I33, I35, I36, I4I, I42, I77
Нижегородская обл. 22, 52
Нижегородская пров. 4I

- Нижегородский у. 59, 63
Новгородская губ. 28, 40
Ново-Троицкая креп. 162
Новохоперская креп. 222
- Ока, р.
- Олонец, г. 164,
Ораниенбаум, г. 108
Орел, г. 3, 9
Оренбург, г. 3, 16, 33, 36, 37, 39, 40, 60, 62, 63, 74, 80, 94–96,
98, 105, 106, III, 120, 121, 128, 133, 148, 157, 166, 167, 182,
188, 190, 215
- Оренбургская губ. (Оренбургский край) 28, 37, 39, 51, 56, 60, 62, 64,
74, 75, 82, 88, 97, 184, 204
- Оренбургская пров. 39
- Орская креп. 37
- Оса, пригородок 3, 101–103, 106–108, II3, II5, 190, 197, 200, 216,
219
- Осинская вол. 101–103, II6
- Осташково (Осташковская слобода) 31
- Острогожск, г. 147
- Охлебинино, с. 146, 219, 221
- Павлово, с. 41
- Папышевка, д. 221
- Пенза, г. 3, 9, 20, 41–43, 49, 55, 67, 74, 79, 80, 132, 145, 147–149,
152–156, 159, 174, 182, 184, 187, 188, 191–193, 195, 196, 198,
213, 218
- Пензенская губ. 41–43
- Пензенская пров. 65, 68, 85, 192, 213
- Пензенский у. 72, 87
- Пермская губ. 201
- Пермская пров. (Пермский край) 97, 101, 103, II4
- Пермь, г. 75
- Петербург, г. 22, 33, 42, 43, 83, 97, 99, 103, 105, 107, 109–III,
II2, 156
- Петербургская губ. 28
- Петровск, г. 3, 132, 153, 159, 162, 218
- Петровская пров. 85
- Петровский у. 147
- Петропавловская креп. 37
- Пешое, с. 222
- Поволжье 3, 5, 10, 36, 40, 44, 58, 60, 66, 79, 87, 89, 132, 190, 207
- Поволжье Нижнее 21, 132, 176, 180, 202
- Поволжье Среднее 25, 40, 52, 99, 132

- Польша 169, 170
Прикамье 24, 114, 121
Приуралье 5, 25, 36, 58, 94, 128, 207
Причерноморье 22
Пруссия 155
- Работки, с. 41, 88
Рассыпная креп. 95, 182, 183
Ревель 122
Ржев, г. 104, 105, 110, III, 164
Рождественский з-д 216
Рожново, с. 143
Россия (Российское государство) 3, 4, 6-8, 10-13, 15, 18, 19, 21-29, 31, 36, 37, 40, 41, 46, 47, 49-54, 60, 64, 74, 81, 82, 84-86, 89, 90, 94, 95, 97, 105, 106, 121, 128-132, 139, 166, 169, 176, 177, 179, 183, 186, 187, 203, 204, 208, 209, 211-213, 222
Россия Европейская 18, 40
Россия Северо-Западная 22
Россия Центральная 51
Руэанова, д. 220
Рыбная слобода 76
- Савруши, д. 200
Сакмары, р. 39
Сакмарский (Сакмары) городок 121
Самара, г. 3, 43, 55, 61, 72, 81, 99-101, 129, 132
Самара, р. 62, 72
Самарский у. 72
Саранск, г. 3, 25, 41-43, 52, 60, 69, 74, 132, 141, 144, 145, 155, 156, 162, 165, 178, 182, 184, 186, 187, 188, 191, 196, 199, 212, 218
Саранская пров. 85
Саранский у. 199
Сарапул, с. 98, 126
Сарапульская вол. 198
Саратов, г. 15, 20, 25, 43-45, 47, 53, 63, 110, 132, 147, 153, 157-174, 179, 180, 195-196, 199, 206, 218, 219
Саратовская пров. 43
Саратовский у. 87
Серепта, г.
Саткинский з-д 25, 215
Свияжск, г. 54, 60, 73-75
Свияжская пров. 65, 74
Сеитова сл. см. Карагала
Сергинские з-ды 215, 217

- Серпухов, г. 8, 32
Сибирская (Тобольская) губ. 28, 63, 97, 118, 120
Сибирь 15, 40, 47, 57, 74, 118, 154, 155, 215
Сибирь Западная 16-18, 22, 25, 37, 97, 98
Симбирск, г. 69, 71, 72, 82, 135, 165, 218
Симбирская губ. 75
Симбирская пров. 93, 97
Слободской, г. 200
Смоленская губ. 28
Соликамск, г. 56, 57, 60, 101
Средняя Азия 37, 40
Ставрополь, г. 99, 132
Ставропольская пров. 39, 61, 64
Стяшково, с. 221
Сундырь, д. 217
Сура, р. 136, 217
Сызрань, г. 9, 47, 61, 81, 99

Табынск, г. 40, 62
Таганрог, г. 160
Тамьянская вол. 97
Танайка, с. 126
Татищева креп. 96, 97, 106, 121
Тверь, г. 50
Тегаевка, д. 221
Темников, г. 3, 79, 145
Тиниск, г. 3
Тихвин, г. 9, 31, 49
Тобол, р. 37
Тобольск, г. 15
Тобольская губ. см. Сибирская губ.
Томск, г. 23
Троицк, г. 3, 36, 42, 145
Троицкая креп. 37, 63, 216
Туринск, г. 16, 119
Туринский у. 118
Турция 40, 155
Тюмень, г. 15

Узени (Большая и Малая), р. 218
Ульяновка, д. 220
Унти, д. 134
Урал 3, 5, 10, 22-25, 36, 58, 89, 94, 98, 121, 128, 190, 198, 207
Урал Западный 52
Урал Средний 118

- Урал Южный I6, 25, 97, I06, I2I
Усть-Турке, д. II4
Уткинский з-д 2I5
Уфа, г. 3, I6, 39, 40, 57, 60-63, 68, 97-99, I02, I06, II4, I2I, I27, I82, I88, I90
Уфа, р. 63, 64
Уфимская пров. 39, 40, 59, 6I, 62, 64, 65, 97
Уфимский у. 40, 59, 60, 62, 88
Уя, р. 37, 39, 62, 63
- Федоровка, д. 22I
- Хлынов (Вятка), г. 57
Хопер, р. I47
Хохлацкая сл. 222
- Царицын, г. 3, II0, II2, I33, I60, I62, I65, I67, I95, I98, 2I8
Царицыно, с. 2I7
Царское Село II0
Цивильск, г. 3, 55, 60, 75, 79, 8I, I32-I34, I4I
- Чебаркульская креп. I20
Чебоксары, г. 2I, 60, I09, I40
Челны (Набережные Челны), с. I26
Челябинск (Челяба), г. 3, I6, 39, II6, II9-I2I, I82, I88, I90, I97, 200, 2II, 2I2
Черемша, д. 2I4
Черный Яр, г. 8I, I33, I46, I67, 2I8, 2I9
Чесноковка, с. 97, 98, I0I, I02, I26, I27
Чувашия 2I, I75, 202
Чукаева, д. I28
- Шадринск, г. 3, I2I
Шайтанские з-ды 2I5
Шашская пров. 87, 89
Швеция I55
Шеряевские Вершины, д. 72
Шиланка, д. 200
Шуструя, р. 220
Шуя, г. 8I
- Юговский (Осокинский) з-д 2I5
Юнеч, д. I06, I07
Юрев-Поволжский (Юревец), г. 4I, 58, I42
- Ядрин, г. 4I, 79, I34, I40, I4I, I43
Яик, р. 25, 37, 62, I05, I06, II0, III, I62, I83, 2I8

Яицкий городок 3, 72, 183, 218
Ялугорская (Ялугоровск), сл. 15
Яранск, г. 60, 73, 80, 208
Ярань, р. 73
Ярославская губ. 76
Ярославль, г. 9, 49

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Историография. Источники	6
Глава II. Социально-экономическая характеристика города	26
Глава III. Городские наказы в Уложенную комиссию 1767 г.	53
Глава IV. Города Урала и Приуралья на первом и втором этапах крестьянской войны (сентябрь 1773–март 1774 г., апрель– первая половина июля 1774 г.)	94
Глава V. Города Поволжья на третьем этапе крестьянской войны (вторая половина июля 1774 – 1775 г.)	132
Глава VI. Отражение интересов горожан в документах и действиях восставших	182
Заключение	203
Список использованных архивных фондов	210
Приложение	211
Указатель географических названий	223

Научное издание

КУРМАЧЕВА Майя Дмитриевна

ГОРОДА УРАЛА И ПОВОЛЖЬЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ
ВОЙНЕ 1773-1775 гг.

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Заведующая редакцией З.Г. Д е м и д о в а
Редактор издательства Е.Д. Е в д о к и м о в а
Художник В.Ю. Я к о в л е в
Художественный редактор М.Л. Х р а м ц о в
Технический редактор Т.В. Ф а р а о н о в а

ИБ № 475II

Подписано к печати 21.05.91
Формат 60x90/16. Бумага офсетная № I. Печать офсетная
Усл.печ.л. 14,5. Усл.кр.-отт. 14,8. Уч.-изд.л. 17,1
Тираж 1800 экз. Тип.зак. 1327. Цена 7 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени I-я типография
издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12